

ВЕСТНИК

**государственного
университета
«Дубна»**

#3 2021

В номере:

**Личность – мотивация –
одаренность**

**Социальные и арт-
практики в
технологической
реальности**

**Серия
«Науки
о человеке
и обществе»**

**Электронный
научный
журнал**

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Воинова А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

В.Б. Хозиев, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии государственного университета «Дубна».

Содержание

<i>Личность – мотивация - одаренность</i>	3
<i>Хозиев Б.И., Хозиев В.Б. Мотивация как форма ориентировки в пространстве социальных ценностей (на примере анализа мотивов военной службы)</i>	
<i>Быкова В.И., Полухина Ю.П., Львова Е.А., Гурьева В.В. Проблема чувства времени у детей-подростков после травм головного мозга</i>	26
<i>Фролов Е.А. Методы исследования выученной беспомощности у дошкольников и младших школьников.</i>	37
<i>Тарасова С.Ю. Одаренность как личностный ресурс лиц шизоидной личностной организации</i>	50
<i>Социальные и арт-практики в технологической реальности</i>	70
<i>Богачук Э.М. Мультипликация и детское развитие</i>	
<i>Несвитайло Д.В., Козлова М. А. Стрит-арт на улицах и в галереях: трансформации мотивации, стратегий социальной мобильности и миссии уличных художников</i>	82
<i>Гуров О.Н. Люди, роботы и Чужие: кто паразит в новой парадигме</i>	99
<i>Романова Е.Р. Убеждающая сила фейковых новостей: концепт когнитивных искажений</i>	110

УДК 159.9.07

Б. И. Хозиев, В. Б. Хозиев

Мотивация как форма ориентировки в пространстве социальных ценностей (на примере анализа мотивов военной службы)

Аннотация:

Мотивация военной службы рассмотрена в статье как многоплановый процесс принятия и трансформации жизненных ценностей молодым человеком через манипулятивные тенденции, формы современной культуры и соответствующие моменты кризиса личностного развития в виде инициации и конформизма.

Ключевые слова: мотив, мотивация, военная служба, дедовщина, неуставные отношения, делинквентное поведение

Об авторах: Хозиев Борис Ильич, кандидат психологических наук, доцент, капитан 1-го ранга в отставке, bih@mail.ru;

Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна», v_hoziev@mail.ru

Проблематика мотивации является традиционно центральной и фундаментальной для психологии. Наверное, по-другому и быть не может, поскольку узловым моментом анализа любых форм активности человека, личностных деяний и поступков в теоретическом, экспериментальном или прикладном для психологии ключе является мотивационно-потребностная сфера. Скажи мне, каков твой мотив, и я скажу, кто ты и что будет дальше – примерно такой императив справедливо доминирует в современном человековедении. Но как происходит становление и оформление мотивации в каждом конкретном личностном контексте, эпизоде, выборе – до сих пор остается скрытым на всем пространстве объяснительных моделей: от психологических теорий до консультативных концепций, от научной до житейской психологии, от педагогической практики до опыта юридического осмысления делинквентных поступков.

Особенно мотивационно непредсказуемыми и драматичными иной раз выглядят современные поступки молодых людей в армии [2; 7; 14; 15; 16; 25; 32]. Предвидеть их оказывалось, по оценкам свидетелей, невозможно, а объяснение *post factum* зачастую сводится к «внезапно произошедшей травматизации» («психотизации», «стремительно развертывающейся девиантности» и др.) на фоне «имевшего место буллинга» («троллинга», «моббинга», насилия и др.). Смысл закавычивания этих понятий и выражений состоит в том, что психологическая действительность в этих объяснениях скорее подводится под диагноз, но не рассматривается всеобъемлюще и объективно. Причем проблема не единична, как иной раз пытаются ее представить заинтересованные стороны из социальных институтов, где подобные случаи происходят, но вполне массова и тотальна, если иметь в виду многообразие форм «дедовщины» и других мировых и сугубо отечественных видов «мотивированного насилия». Остро, проблемно и как-то очень безысходно выглядит это явление в современной отечественной армии [25; 28; 32]. Понятно, что армия есть лишь продолжение общественных матриц отношений и тенденций, к тому же больна всеми теми же болезнями, которыми больно общество. Но очевидно также, что без должного гражданского контроля за функционированием армии обозначенную проблему не разрешить, а вот объяснить происходящее – эту задачу у профессионального психологического сообщества отнять невозможно и, более того, она является важнейшим долгом психологов в отношении армейского социального института.

Учитывая контекст обсуждения болезненных точек нашего современного общества, даже сама формулировка проблемы мотивации военной службы может не иметь однозначной трактовки. Поэтому дадим ее только в общем виде: как так получается в различных видах и формах социальной практики, что при явном общественном давлении («социальной желательности») и в заданных сугубо положительных нормативах поведения для молодых людей в социальных институтах (не только в армии, но и в школе, спортивном клубе, профессиональном сообществе и др.) в повседневной практике могут наблюдаться (культивироваться, развиваться) совершенно устойчивые и прямо-таки передаваемые от поколения к поколению делинквентные и абсолютно варварские по форме и содержанию мотивы и поступки? Элементарные обследования популяции показывают, что эти мотивы категорически неприемлемы ни для семей, ни для подростковых или этнических сообществ в нашей стране, откуда выходят эти юноши [7]. Мотивы военной службы, столь важные для России в правильной нравственной постановке у поступающих в армию и флот молодых людей, оказываются искажены уже

на «входе в казарму», а уж тем более при осуществлении воинских обязанностей. И это при том, что уважение военных, института армии, армейского уклада и традиций со стороны общества, даже учитывая сложный анамнез общества последних десятилетий, в целом сохраняется, как показывают опросы общественного мнения, на высоком уровне.

Рассмотрим некоторые существенные категории и средства психологии, которые могли бы пригодиться при разрешении намеченной нами задачи. Как всегда, основные эвристики и принципиальные ошибки и заблуждения в понимании ключевых вопросов психологии содержатся в ее истории. С библейских времен личностный выбор человека, принимаемая или не принимаемая на себя ответственность, нравственное, моральное, этическое сопоставление индивидуальной линии поведения и принятой общественной позиции – таковы основные моменты мотивационного анализа, проводимого любым человеком, его окружением, ближайшими последователями, оппонентами и сочувствующими. Основные объяснительные принципы мотивации конкретных поступков в ходе последних трех тысячелетий занимали целостный универсум между, с одной стороны, тотальной внешней детерминацией человеческого поведения, зафиксированной в явных и неявных нравственных и правовых законах и, с другой, внутренним пониманием и видением жизни, проистекающим из собственного понимания человеком жизненных коллизий. Как всегда бывает в человековедении, основным трендом современности стала «примиренная» противоположность: согласно ей, мотивация конкретного персонажа формируется общественной необходимостью, но осуществляет себя в ходе индивидуального выбора [1; 3].

Двадцатый век принес несколько важнейших обобщений в отношении мотивации. В центре рассмотрения оказалась в первую очередь интенциональная сторона мотивации – что хочет, чего желает человек, к чему стремится и почему [18; 19; 21; 24]. Метод исследования такого рода мотивов сосредоточился в основном вокруг опросов испытуемого о его желаниях и интересах, вокруг интроспективного описания своих мотивов в условиях лабораторного эксперимента [19], а также в многообразных срезовых стандартизованных тестовых процедурах. «Проективность», «семантичность», «феноменологичность» – таковы оказались косвенные признаки отношения и самоотношения испытуемого, доступные для исследования мотивации [19, с. 301-316]. Но ведь, как гласит пословица, «обещать – не значит жениться», т.е. мотивация конкретной личности, раскрываемая в условиях опроса, вовсе не является подлинной. «Социальная желательность» позволяет участнику опроса скрывать, и, скажем более мягко,

предупредительно не проявлять в опросе настоящей мотивации. Видимо, именно из-за этого методического обстоятельства глубоко в тени психологического изучения оказался жизненный аспект мотивации – готовящееся решение человека по поводу плана его предстоящего действия. Это упущение, несомненно, оказало свое влияние на теорию и практику психологии. Гораздо более существенным и показательным, даже если только ограничивать свой анализ мотивации траекторией оформления мотива, оказался не момент фиксации мотивации через опрос, но процесс формирования решения личностью, выбора мотива, ориентировки в приоритетности для себя представленных в плане предстоящего действия ценностей.

Анализ различных определений и точек зрения на мотив и мотивацию позволяет сделать следующие выводы. В целом в психологии имеются два направления в определении роли, места и содержания мотива. Одно направление видит основное, психологическое содержание мотива в том, что он является источником активности, побуждающим к деятельности. Решающую роль в этом побуждении играют потребности, самые разные по содержанию и форме: от естественных и органических до духовных и моральных. Такое понимание соотношения «потребность – мотив» выделяет состояние необходимости, нужды в качестве главного источника активности с одной стороны, и характеристики этой активности – с другой. Этим и объясняется большое феноменологическое разнообразие мотивов по содержанию, форме, силе и способам становления и развития, а также размытые границы применения различных категорий для описания и характеристик мотивации. Можно встретить в психологической литературе случаи, когда мотив «примеривается» к поступку, проступку, к любому поведенческому акту человека. Нетрудно заметить, что при таком понимании мотива происходит смещение его в сторону философской категории «причины действия», отвечающей на вопросы «почему», «из-за чего», «зачем». В русле этого направления *мотивами* являются влечения, желания, хотения, интересы, склонности, идеалы, убеждения, мировоззрение и др. Все эти понятия страдают одним существенным недостатком – отсутствием для всех единой точки отсчета, валидного методического инструмента и, стало быть, невозможностью объективного исследования.

Еще одним принципиальным аспектом мотивационного анализа стала дилемма «объективности – субъективности». Согласно поверхностным и феноменологическим обобщениям традиционно представлялось, что человеческая мотивация является торжеством субъективности и сплошь обусловленным «изнутри» произволом желаний и

намерений конкретной личности. Тогда как более философски «подкованные» концепции, расширяющие контекст исследования и прослеживающие хотя бы в общих чертах детерминистские траектории «извне-внутри», «общество-личность», «этнос-индивид», в большей степени склонялись к тому, что человек в своих желаниях отражает, по меньшей мере, основные императивы морально-нравственного уклада своего общества (цивилизационной перспективы), ближайшие потребностные ориентиры своего этноса и, наконец, присвоенные семейные предпочтения и отвержения [1; 37].

Вместе с тем, в эпоху психологического кризиса (по Л. С. Выготскому), столетие которого уже возможно отмечать, поскольку принципиально исследовательская ситуация не изменилась ни на йоту, понимание мотивации в среде и теоретиков, и практиков психологии продолжает оставаться все таким же: нечетким и неясным [9; 10]. Что есть мотив, каким методом возможно его адекватно проявить и охарактеризовать, каков характер мотивационных изменений (ситуационных, личностно и эмоционально обусловленных, квазипотребностных и др.), на которые явным образом указывают исследования школы К. Левина? Какова психологическая сущность мотива, как он «работает»? Сегодня мотивацию людей при определенных условиях и в определенных аспектах считают предметом своего изучения и объектом управления множество наук: социология, педагогика, этнология, политология и др. Очевидно, что психология отвечает за понимание, как конкретный человек приходит к определенному и конкретному мотивационному решению, но где приемлемые модели формирования мотивационных выборов и решений? Из трех возможных предметных линий исследования мотивации оказались пристально рассмотренными лишь *структура* и *функционирование* мотивационной сферы. Это и понятно, аспект *развития* мотивации «срезовыми» процедурами не удастся раскрыть ни в коем случае [9]. Обобщим эту проблему: мотив в психологическом исследовании устанавливается в основном как итог, как результат ориентировки в определенном личностно-ценностном пространстве возможных действий.

Обозначим наиболее существенные для нашего исследования идеи Ж. Нюттена [24]. В частности, принципиальным является его представление о «неадаптивности» человеческих потребностей, когда не приспособление к миру, но его преобразование к своим планам, проектам и потребностям есть норма бытия человека. Еще одна идея – гетерархичной организации потребностей (в противовес уже ставшей привычной иерархии А. Маслоу) – позволила переосмыслить потребностно-мотивационный континуум таким образом, что одни виды потребностей не выводятся из других. В самой

мотивации присутствуют две разнонаправленные тенденции: вовне и внутрь субъекта. Первая направлена на самодетерминацию, самоактуализацию, достижения, самозащиту и др. и т.д.; вторая – на самоотдачу, контакты с окружением, аффилиацию, единение и любовь. Потребности пластичны и могут трансформироваться в цели, в планы и проекты, интегрироваться с имеющейся системой ценностей. Временные жизненные пространства различных людей отличаются друг от друга: одни преимущественно ориентированы на прошлое, другие на настоящее, третьи на будущее [24]. Таким образом, в подходе Нюттена к мотивации мы видим значимую для нашего исследования тенденцию перенести «точку внимания» с рассмотрения мотива как *результата* на мотивацию как сложный и нелинейный *процесс*.

Множественность определений *мотива* (например, в «Национальной психологической энциклопедии»¹ – 25 дефиниций) указывает на высокую степень дискуссионности и неопределенности, с одной стороны, а с другой – открытости и чрезвычайной востребованности содержания и объяснительного потенциала этого понятия. Мотив, мотивация – важнейшие указания на причины и сущность, детерминирующие и обуславливающие конкретные проявления активности человека. Настоящим шоком и одновременно исследовательским прорывом для гуманитарного сообщества оказались послевоенные психологические эксперименты, в минимальном приближении моделирующие сложные коллизии социальной детерминированности и самостоятельного мотивационного выбора личности. Обратим внимание на одни из наиболее острых и активно повлиявших на траекторию развития психологии мотивации эксперименты по исследованию конформизма С. Эша и С. Милграма, феномен Кэтрин Дженовезе, «эксперимент» Ф. Зимбардо, вышедший благодаря кинематографу из подвала Стендфорда в реальную жизнь, истоки агрессии, мотивы социальной помощи и «социальное научение» у А. Бандуры и др. [1; 29]. Общий подтекст этих экспериментов, их настоящая сверхзадача – исследование границ допустимого человеческого поведения при наличии и отсутствии внешнего социального контроля. И, конечно же, будирование общественного мнения в связи с открытыми фактами могущей быть глубоко больной и патологичной человеческой природы.

¹ <https://vocabulary.ru/termin/motiv.html> дата запроса 03.02.2022

И вот когда уже с момента обнаружения и осмысления этих фактов и концептуальных объяснений, казалось бы, минула уже целая эпоха, подобное поведение довольно весомо начинает обозначать себя в нашей культуре как суровый и опасный тренд на делинквентность [22]. Отчетливо прослеживается его криминально-подростковый характер на фоне совсем «не детских», а проходящих с тяжелым нравственным и физическим уроном в качестве последствий этих активных и необратимых деяний. А, кроме того, заметны важнейшие симптомы скрытой и открытой их мотивационной отягощенности: демонстративный протест, «нелюбовь», социальная или этническая месть, очевидное желание повелевать людьми, которых судьбой бросило под ноги тем, кто в данный момент времени имеет хотя бы небольшую власть над другим и др.

Многомерность во многом «бессмысленного и беспощадного бунта», наблюдаемого в самых различных сферах бытия: протестности у футбольных болельщиков, нападений с использованием оружия в образовательных учреждениях, при расстрелах и самострелах в армии, при дозволенном насилии в пенитенциарных учреждениях (тюремная «швабра» и все что с ней связано) [23], при «бытовых» конфликтах в общественном транспорте, местах питания, на дорогах страны и др., при суицидах у должностных лиц производит крайне тревожное впечатление. Это уже не «кто-то и кое-где у нас порой», как пелось в известной советской песне, а вполне закономерное явление, набирающее социальную мощь и не останавливающееся перед возможными жертвами и неизбежными тяжелыми общественными и личностными последствиями. Реконструируя мотивационно-потребностную сферу военнослужащих по причинам их делинквентных поступков, мы попытаемся дать общее и предварительное объяснение происходящему. Отметим, что авторы статьи сами из старинного военного рода и у нас нет никаких оснований для примитивного представления, что в «армии все плохо». Скорее, нашим мотивом исследования является известный киношный тезис «за державу обидно!». И то, что армия есть отражение общества во всем объеме социальных и психологических переменных и трендов, быть может, для нас не просто констатация аксиомы, но указание на более высокую концентрацию проблемности из-за тяжести военной службы, жесткого порядка бытия и нерешенности многих, в том числе, мотивационных задач, как в армейском социальном институте, так и за его пределами.

Дедовщина является одной из наиболее острых проблем для армии и гражданского общества. Уродливое и незначительно представленное в других армиях мира² явление так называемых «неуставных отношений», «казарменного хулиганства», подавления, насилия, а в последнее время уже настоящего криминального обирания, глумления старослужащих (или представителей этнических группировок) над другими солдатами никак не способствует полноценной реализации армейских функций и боевой готовности подразделений. История дедовщины проблемна и противоречива, и, как и любое наследие несостоявшегося социализма, полипричинна, многослойна и к тому же мифологизирована [2; 15; 16; 17]. Есть несколько гипотез о происхождении дедовщины [14]: «из-за сокращения или увеличения срока службы», обуславливающих мстительную реакцию старослужащих, «из-за призыва на военную службу людей с криминальным прошлым», «из-за коррупции в армии, связанной с массовым использованием солдат и сержантов для выполнения хозяйственных работ и извлечения для себя материальной выгоды», из-за своеобразной матрицы делинквентных отношений, возникающих в социальных институтах военного обучения офицеров и др.

Ни одна из этих гипотез в целом не дает ответа на вопрос, почему в других культурах и этносах подобные же процессы не приносят такого весомого отрицательного результата как в нашей культуре. Очевидно, что имеют место более фундаментальные процессы. Изменение статуса армии в послевоенное время, перекалывание боевой подготовки на младшие чины, последовательная трансформация зрелого и профессионального офицерского отношения к солдатам на прагматическое и даже потребительское, распространение дедовщины в офицерской среде (в условиях военных училищ), структурная девальвация армейских задач с постепенным снижением значения боевой подготовки в ряду хозяйственных функций, использование военнослужащих для строительных, ремонтных и прочих непрофильных работ, низкий уровень профессиональной военной подготовки солдат и сержантского состава и др. – все эти системные «отягощения» солдатского функционала не прошли бесследно. Но все же не только они становятся основной причиной делинквентного искажения мотивации службы в армии.

² В армиях стран СНГ эта форма отношений присутствует, об этом говорят публикации. При этом активное введение контрактной службы не везде существенно и сразу меняет остроту проблемы [6].

Для понимания этой причины совершенно недостаточно фиксировать мотивы людей опросными методами (критика этих методов, к сожалению, уже не столь масштабно представлена в актуальной психологической периодике; напротив, опросные методы, несмотря на их крайнюю неэффективность (см. критику Р. Розенталя), все еще широко отражены в современной психологической эмпирии данных). Тем не менее, иные пути исследования трудны для осуществления, поэтому традиционно одним из наиболее «бедных» и малоизученных в психологии мотивации является аспект мотивационного развития (движения, в равной степени не только «прогресса», но и «регресса», деградации мотивов, развала мотивационной сферы человека). Наиболее продуманным, обсужденным и в первом приближении исследованным, хотя и в основном с помощью опросных методов, является развитие учебной мотивации у школьников [13].

Блестящий пример движения мотивов (феномен «сдвига мотива на цель») алкогольно зависимых представлен в патопсихологическом исследовании Б. С. Братуся [5]. Здесь мы видим реконструкцию динамики мотивационной сферы алкоголиков, их общей тенденции на пути личностной деградации. Индивидуальная драма каждого конкретного пациента становится моментом общего закона и массовой трагедии распада личности зависимого под влиянием сложного сцепления обстоятельств: самой личности, ее окружения, традиций потребления вещества, психических и физиологических последствий и др. Обозначим, что в ситуации вещественной зависимости (зависимости от ПАВ – психоактивных веществ – так принято именовать это патологическое пристрастие в медицине) может происходить даже не замещение, а сдвиг мотива на цель – снижение, превращение, искажение актуальной мотивации сквозь толщу противоречивых требований ближайшего социума. В ряду этих по-настоящему бедственных требований-условий, детерминирующих зависимость, находится *инфантильность* [27].

Инфантильность можно считать психологической приметой нашего времени. Как строгий знак она не имеет положительного или отрицательного значения, но выступает некой важнейшей функцией (миссией!) развивающейся западно-европейской цивилизации: *инфантилизация*, т.е. увеличение времени и семейной/институциональной защиты от жестких требований жизни на определенном этапе становления личности молодого человека призвана обеспечивать его безопасное развитие. То, что для общества является безусловным благом (по различным критериям выходит по-разному, но детство временным образом расширилось за столетие примерно на 10-15 лет, до 25-30 лет), то для конкретной семьи и конкретной личности вполне может быть проблемой и даже

трагедией, как мы пытались показать это на примере наркозависимых [27]. Инфантилизация в качестве наиболее первого и очевидного симптома порождает безответственность. Разумеется, не сама инфантилизация, но ее неадекватные условиям бытия варианты реализации.

Например, в современном интернете легко ищется подборка фотографий «из казарм» с указанием зубной пастой или фломастерами на спинах солдат первых месяцев службы, что кто-то, где-то или что-то является «силой». В психологическом отношении эта степень нравственного падения старослужащих, допустивших подобные формы демонстрации своего превосходства, именуется *глумлением*. Очевидно, что солдаты, осуществившие его, ни на секунду не предполагают, что через систему сообщающихся сосудов социума не им, так их детям вернется это унижение, да еще в самый не подходящий для этого жизненный момент. Но у них нет ответственности за свои действия (для кого-то – бездействия), поэтому вновь за социально-психологической оценкой происходящего можно обратиться к императиву М. А. Шолохова в романе «Тихий Дон» и часто используемому В. Т. Шаламовым в своих рассказах выражению «умри ты сегодня, я завтра!» [34]. В этой идиоме в концентрированном виде отражено чудовищно инфантильное и цинично-прагматичное преклонение перед извращенным и неизбежно криминальным ходом событий.

А зачинаялось это выражение в истории нашей страны вполне определенным путем. Е. А. Шкловский писал: «О. Волков в «Погружении во тьму» вспоминает, как был поражен насилием, чинимым охранниками над только что прибывшим этапом, уже в первые лагерные сутки. Падающих поднимали, разбивали в кровь лицо, пинали ногами. Чуть позже он узнает о таком роде наказания, как ставить «на комары», когда раздетого догола заключенного отдавали на съедение полчищам свирепых соловецких комаров, облеплявших беззащитное тело серым шевелящимся саваном. Узнает, как пристреливают «при попытке к бегству» ни о чем таком вовсе и не помышлявшего заключенного. «Пусть память и хранила расправы и насилия первых лет революции, — пишет О. Волков, — да и в тюрьме не миндальничали, но еще не приходилось убеждаться, чтобы произвол возводился в систему. Да к тому же развернутую в таких масштабах...». В этих условиях любая попытка протеста грозила мгновенной безжалостной расправой, потерей здоровья, а то и гибелью. Поэтому формула «раньше сделай, а потом спроси...» была формулой бунта — бунта человеческого достоинства и совести против инстинкта самосохранения, который приказывал молчать и не высовываться, против лагерного

индивидуалистического закона: «умри ты сегодня, а я завтра», обрекающего человека на беспомощность и равнодушие окружающих» [34].

Мотивация ориентирует человека в ценностях его эпохи, его времени, его социального пространства. Например, в избираемой им профессии или намечаемом предназначении. Эту особенность в свое время подметил К. Маркс [20]: «...высокое мнение об идеях, на которых основана наша профессия, придает нам более высокое положение в обществе, повышает наше собственное достоинство, делает наши действия непоколебимыми. Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, **содрогнется при мысли, что может стать недостойным ее**, – он будет поступать благородно, уже потому, **что благородным является положение, занимаемое им в обществе** (выделено нами – Х. Б., Х. В.) ... Но достоинство может придать лишь та профессия, **в которой мы не являемся рабскими орудиями**, а самостоятельно творим в своем кругу; та профессия, которая не требует предосудительных действий ... Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие. ... Презрение к самому себе — это змея, которая вечно растравляет и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в нее яд человеконенавистничества и отчаяния. ... Но подобно тому как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под тяжестью профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными» [20]. Блестящее гегельянство, прослеживающееся в этих словах Маркса, подчеркивает нам самый значимый момент в отношении мотивационно-потребностной сферы человека: мотивы заданы извне, но принятие мотива и сообразующая с ним активность всегда есть сложное соотнесение личностью и только ею внешних требований общества и собственных желаний.

Вернемся к реконструкции мотивации военнослужащих. Для упрощения нашей объяснительной модели в ходе анализа рассмотрим несколько трендов развития мотивации человека в конкретных жизненных обстоятельствах. Чего желать, как поступить, что считать допустимым – таковы ценностные ориентиры мотивации как процесса. Принятие или непринятие их, как мы дальше увидим, опирается на имеющуюся у человека систему ориентиров, актуальный дискурс и обстановку инициации и конформизма, развернутую вокруг предполагаемого поступка личности [1; 3]. Делинквентность мотивационных решений мы видим преимущественно в условиях

социальных институтов (школы, армии, фанатских сообществ, криминальных субкультур и др.), а также референтных групп. Хотя конкретные исследования мотивации такого типа нам не известны, тем не менее, мы здесь видим сложные переходы из *внешнего* мотива к *внутреннему* (когда ученик уверовал, например, в силу систематического списывания или некритичного заимствования чужих текстов для переоформления в свои), или когда *состязательный* мотив переходит в тотальное *инфантильное нежелание* уступать кому-либо в чем-либо, например, при агрессивном и неуступчивом поведении водителей на автодорогах. Знак мотивации – положительный или отрицательный, с точки зрения общественной морали и нравственности – легко показать на разнообразных примерах: например, бурный рост желающих попасть на службу в ГИБДД, или на определенные специальности вне зависимости от качества образования, или служить на определенном месте государственной границы (стандартная цифра статистики – 0,2 человека на место, но в определенном районе, 1,25 – к чему бы это?). Можно видеть стремительный приток желающих поступить в военные училища до войны в Афганистане и столь же стремительный отток, когда абитуриентам и их семьям стало ясно, что есть риск сразу после окончания обучения попасть уже офицером на поле боя.

Итак, **первый тренд** – видовое разделение мотивации на *внешнюю, состязательную и внутреннюю*. Все мотивы – суть *внешние, социально намеченные* обществом и государством. Они культивируются (развертываются через различные формы ориентиров: норм, ценностей, позиций, мировоззренческих принципов и др.), декларируются как обязательные для исполнения и воспитываются в различных социальных институтах: в семье, в дошкольных учреждениях, в школе, в вузе, на производстве и др. Внутри социума идет существенная, скрытая от внешнего наблюдения, неясная по целям и задачам, во многом стихийная, спонтанная и несистематическая работа по уточнению, определению и переопределению мотивов. В этом социальном котле пересекаются, «давят» друг на друга и меняются множественные силы и направления: государственные интересы, общественные ценности, нравственные идеалы, моральные устои, националистические приоритеты, этнические желания, религиозные позиции, художественные воззрения и др. Нередко в центре этой грандиозной активности оказываются властители умов, мудрецы и старцы, государственные деятели и лидеры этнических и политических течений, ученые, писатели и философы, праведники и преступники, абсолютно случайные носители кратковременных истин типа поп-идолов и кумиров рэпа и др. Понятно, что те социальные институты, которые претендуют на

доминирование «своих» мотивов, используют пропагандистское или «воспитательное» подавление, но результата утверждения и реального доминирования идеологом в мотивах наших соотечественников, как показал опыт 20-го века, даже в краткосрочной перспективе не очень заметно.

Постепенно, по мере проживания значимых для каждой личности жизненных коллизий, мотивы становятся *внутренними*. Каждый из интериоризованных мотивов проходит определенные стадии сравнения и сопоставления, рефлексии, осмысления, принятия и отвержения, ориентируя (по П. Я. Гальперину) человека в пространстве желаний, норм и ценностей поведения. Характер присвоения мотивации точно так же культурно-историчен, как и иные формы психологического содержания человеческой жизни. Писанные законы государства, неписанные законы общества, традиции, обычаи, привычки, вкусы, иные условности – все это развернуто для человека с началом его жизни и сопровождает его до самого конца. Но как правильно (а что это значит, *правильно?*) молодому человеку сориентироваться, разобраться в хитросплетениях права и целесообразности, долга и желания, честности и обмана, в таких понятиях, как долг, честь, совесть, мораль, нравственность, вера и т. п. А как разобраться в окружающих тебя людях, в отношениях между ними «по вертикали» (субординация, дисциплина, подчинение) и «горизонтали» (с равными себе, но разными по многим показателям: социальное положение, образование, возраст, пол, национальность, вероисповедание и т.п.)? Каждый поступок предполагает обращение ко всей системе освоенных человеком ориентиров, и если это освоение примитивное, ошибочное, инфантильное (безответственное, т.е. никак не ориентированное на других людей и обязательства перед ними), то ошибки мотивационного выбора всегда будут налицо.

Трудно сказать, должно ли быть незыблемым требование хотя бы внутренней непротиворечивости ориентировки? Возможно, для начала действия это необходимо. Например, в этнических сообществах столетиями выстраиваются определенные иерархии мотивов (Г. Гачев пишет о картинах мира народов, и вот, какова, например, актуальная иерархия у чеченского народа: похоронить родственника, выдать дочь замуж и накормить гостя [11]). Ощущают ли этносы и субэтносы отсутствие исторической преемственности этих ценностей сегодня? Да, конечно, интеллигенция – носители образов и моделей поведения и отношения – пытаются следовать сами и требовать от новых поколений этого следования. Но как быть молодым людям, когда, условно, они оказываются в перекрестье культур? Дома их ведут по жизни по канонам родной культуры, музыка, например,

социальный рэп, – по канонам другой, противоположной, а кинематограф – по третьей, а круг общения в сетях – еще по какой-то. Всегда ли отношения внутри этих культур и ценностей являются сугубо конфликтными [4; 12; 30]? Нет, конечно, есть *ассимилятивные*, когда одна культура толерантна и принимает в свое лоно другую; *дополнительные*, когда происходит непротиворечивое взаимодополнение; *диффузные*, статус отношений внутри которых по мере их освоения представителями этих культур еще не определен и др. Для нас важен промежуточный вывод, что мотивация – подвижна, и, если не рассматривать ее как «готовую» форму – *мотив*, а хотя бы проследивать ее становление, то при расширении контекста анализа откроется примерно такая динамика: из внешних мотивов во внутренние, с серьезным противостоянием сегментов культуры и общественных страт. Старое и новое

Второй тренд развития мотивации мы видим в системе противоречий, возникающих в восприятии молодых людей и следовании «внешним» ценностям, когда, например, «государственное» начинает противоречить «общественному», «этническое» «семейному», не говоря уже о «личностном», которое еще вчера было в рамках принятых и нормативных иерархий мотивов, а сегодня уже может противоречить всему миру и даже самому себе. Это противостояние имеет разные формы – конфликтность, оппонирование, неприемлемость и др. – психологически оно нормально, поскольку является всего лишь симптомом кризиса личностного развития подростка и юноши [35]. Оно органично включено в культуру и представлено в виде «норм девиации», «кредита доверия» и др., но основную подвижность и динамику мотивации придает *состязательность*. Важнейшим условием развертывания кризиса и выхода из него выступает противоречие «хочу» и «могу». Состязательность в любой культуре появляется в районе кризиса ребенка 3-х лет, в это время впервые происходит сравнение себя со взрослым. Постепенно, по мере включения в новые социальные институты (детский сад, школу, спортивную команду, художественный кружок, секцию туризма, уличную компанию и др.) состязательность обычно поднимается на самый верх индивидуальной «пирамиды» мотивов, ибо этого начинают требовать референтные группы, в которые включен подросток. Ее соподчиненность и покорность, характеристики вызова или ответа обществу или семье, мощь деструктивности или альтруизма и последовательность на этом пути – эти и многие другие моменты мотивации будут зависеть от включенности ребенка в семейные задачи, в учебу, в работу, в аффилированные отношения и др. В какой степени эти мотивы являются застывшими, фиксированными? В замечательном фильме Р. Быкова «Чучело»

драма мотивационного поиска подростков показана с предельной точностью. Несмотря на высокий спрос всех поколений подростков на такие духовные искания, подобных фильмов почти нет, он потребовал высочайшего мастерства художественного повествования и психологической подлинности от всех его участников.

Приведем блестящий классический пример мотивационного поиска – Пьером Безуховым из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. «Поступить в военную службу и ехать в армию или дожидаться?» — в сотый раз задавал себе Пьер этот вопрос. Он взял колоду карт, лежавших у него на столе, и стал делать пасьянс. – Ежели выйдет этот пасьянс, – говорил он сам себе, смешав колоду, держа ее в руке и глядя вверх, – ежели выйдет, то значит... что значит?.. – Он не успел решить, что значит, как за дверью кабинета послышался голос старшей княжны, спрашивающей, можно ли войти. *А далее великий психолог Л. Н. Толстой в эту процедуру мотивационного решения своего героя включает и позицию княжны, и неприятие ею Наполеона, и стоящую за ситуацией скрытую, неясную, еще плохо оформленную любовь Безухова к своему народу и еще массу деталей, которые требуют своего внимания от сопричастного, размышляющего и чувствующего человека. Базовые ценности в этом решении пересекаются с семейными, любовь с ненавистью, мужское с женским, нерешительность с решимостью – и все это богатство человеческого бытия причудливым образом концентрируется в актуальном мотиве, который и не назвать-то никак... – Да ведь это так... Вы всё к сердцу очень принимаете, – сказал Пьер и стал раскладывать пасьянс. Несмотря на то, что пасьянс сошелся, Пьер не поехал в армию, а остался в опустевшей Москве, все в той же тревоге, нерешимости, в страхе и вместе в радости ожидая чего-то ужасного» [31].*

Великолепный образ, с одной стороны, разрывающего личность сомнения, а, с другой, мотивационного движения, управляемого сложнейшей духовной работой героя. Удивительно, что примеры, коих в русской литературе предостаточно, современными отечественными психологами игнорируются, продолжая использовать жалкие и примитивные опросные тесты для оценки актуальной мотивации человека. Т.е. не анализ реальной жизни, но приведение к условной норме опросника становится инструментом психологической работы.

И, наконец, **третий тренд**: попытаемся ввести в наши рассуждения параметр времени и представить мотивационное движение через модель *воронки*. У воронки есть верхняя часть, там еще происходит поиск и верификации человеком наиболее значимых для него на данный момент ценностей (мотивов); и есть «сопло» воронки, на этом отрезке

времени присвоенные мотивы уже овладевают человеком, и он действует уже в логике их притяжения. Предварительно можно выделить три стадии подвижности мотивации по времени. 1) «Базовая», в рамках которой идет в основном нормативное движение мотивов в соответствии с формами активности, в которые включен молодой человек. Вхождение в определенную форму социальной активности однозначно ведет к оформлению внешнего мотива, но вот станет ли он внутренним, зависит от индивидуальной траектории развития личности, от ее принятия или отвержения, как самой ценности осваиваемой деятельности, так и ее аксессуаров или группового окружения, в рамках которого начинается эта скрытая от внешнего мира духовная работа. При этом нужно иметь в виду, что действующие уже столетие манипулятивные практики большевиков, продекларировавшие «землю – крестьянам, фабрики – рабочим, всем – мир!» ни на мгновение ничего не изменили в реальной жизни советских людей. Расхождение внешне декларируемого и реального непременно служит ключевым указанием на нарушения базовых устоев бытия. Так и происходит в социальной детерминации личностного онтогенеза: посеешь манипуляцию и обман, пожнешь в ответ еще более циничный вариант обмана и манипуляции грядущего поколения. Недооценка систематической дезориентировки молодых людей в их смысловом пространстве бытия является крупнейшей психологической ошибкой существующей в нашем обществе социальной организации. Манипулятивность в ответ на развертывание лжи является знаком деформации мотивационной сферы личности в целом. Здесь как раз «сопло» воронки не позволяет отклоняться от освоенных социальных стереотипов мотивационных предпочтений: собственной личностной или семейной ориентировки в пространстве ценностей уже нет, ее место начинает тотально занимать социальный конформизм. На этой стадии происходит совмещение, слияние и уже практически неконтролируемый синтез мотивов разного свойства: криминальных, делинквентных, девиантных (демонстративных, мстительных) и др.

2) «Институциональная-референтная» стадия; специально подчеркнем, что армия для молодого человека не просто социальный институт, но пространство, место и время личностной инициации, т.е. перехода к действительному статусу взрослого, отвечающего за себя и общность вокруг. Слабый или практически отсутствующий учет этого важнейшего для становления личности военнотрудового процесса однозначно приводит к тому, что на место общечеловеческих оснований инициации приходят ближайшие «референтные» ценности этнических, криминальных и девиантных (протестных в

отношении навязанных обществом манипулятивных ориентиров) групп. Невероятно трудно юноше за счет лишь семейного воспитания и собственного нон-конформизма противостоять, например, в сфере труда коррупции, взяточничеству, обману, воровству, «кумовству», несправедливости распределения обязанностей и доходов и другим «сопутствующим» деяниям. На сегодняшний день осуждены десятки губернаторов, сенаторов, депутатов разного уровня, министров и других чиновников. Это же не единичные случаи, это – тенденция! Подлог, обман, двуличие – легко было наблюдать эти проявления в «добыче QR-кодов». Человек покупает диплом специалиста, врача, педагога, кандидата или доктора наук вместо того, чтобы учиться, исследовать, вкладываться своим трудом в свои грядущие успехи. Крадутся и присваиваются чужие работы и изобретения. Учащийся покупает аттестат, диплом об окончании учебного заведения. Кто продает? Кто ставит гербовую печать? Все это происходит в здравоохранении, образовании, науке, спорте, общественной жизни, откуда же возьмутся иные траектории прохождения воронки мотивационного выбора?

В общении характерным институционально-референтным симптомом является национальная или религиозная неприязнь, подчеркивание социального неравенства, неуважение (надругательство, нетерпимость, глумление, презрение и др.) к обычаям, традициям или даже просто мировоззрению других людей (из нереферентных общностей). Для России, с ее многонациональностью и многоконфессиональностью, эта проблема стоит очень остро. Несложно показать, как возникает и развивается такая форма отношения к другим: прежде всего через культивирование безответственности за свою позицию, через манипулятивное утверждение ее исключительности и совершенности. Но именно таким путем создается в полном смысле слова «общественная практика» манипулирования: декларации одних ценностей и следование совсем другим, противоположным. Надо быть совершенно наивным и не испытавшим важного опыта пребывания в средней школе, чтобы не суметь соотнести постулируемость и подлинность мотивации, манипулятивный учитель обучает этому довольно быстро. А вот уже соотнесение доступных для наблюдения фактов, эта минимальная рефлексия переводит мотивацию поступка в следование императиву, с легкой руки Л. Н. Гумилева получившего формулировку «День, да мой!» [12].

3) «Инициационная-ситуативная» стадия. Наконец, обратим внимание на аспект «ситуативности» в осуществлении мотивационного выбора военнослужащим. Инфантильная переработка юношей сложной мотивационной картины настоящего может,

в том числе, управляться сиюминутными, микрогрупповыми, инициационными мотивами. Вновь следует указать, что криминализация межличностных отношений, систематическое присутствие в культуре отношений, языка, криминальной субкультуры, значение которой уже давно вышло за пределы всех возможных норм, является определяющим для современного личностного развития нашего юного соотечественника. Неприкрытая повседневная практика «подчинения», «отжатия», «наезда» и др. заметна уже в младшей школе. К старшей школе она набирает опыт систематического буллинга, кибербуллинга, моббинга, хейзинга (поясним эти термины: травля определенных школьников группами соучеников или их представителями в реальной жизни или в сетях, ритуальные отношения, позволяющие осуществлять всевозможные виды и формы насилия над одноклассниками и др.). Противоречия между «внешними» ценностями и кризисный, ситуативный характер трансформации мотивов – это норма подросткового и юношеского личностного развития. Примечательно, но «понимающий» диалог с военнослужащим, совершившим противоправное деяние, всякий раз выводит на его импульсивную природу: преступление не готовилось, не обдумывалось, все произошло спонтанно [14; 15; 16; 17]. Тем не менее, нормы спонтанного поведения проходящего инициацию юноши тоже задаются социальным дискурсом (контекстом) отношений и позиций. И этот дискурс, судя по всему, обращен в зону риска.

Таким образом, культурная преемственность форм насилия, унижения и подчинения – одна из иллюстративно-объяснительных линий нашего повествования – лежит в зоне действия подростково-юношеской инициации. В какой форме, с каким содержанием, прежде чем стать конкретным мотивом конкретной личности, осуществляется в мотивационном движении смесь альтруизма и эгоизма, мстительности и великодушия, принципиальности и беспринципности, дальновидности и беспечности, «души» народа или его кошелька, амбиций или затворничества и др. – составляет предмет конкретно-психологического исследования. Очевидно, что существующая практика в 2022 году, когда новые поколения входят во взрослую жизнь с нормой эффективного менеджмента советских времен, с презрением к правам и ценностям человека, с укладом в виде пыток, в небрежении к человеку, его правам и мнению – лишает молодых россиян будущего.

Завершая обзор мотивационных метаморфоз, развертывающихся в подростничестве-юношестве молодых военнослужащих, необходимо отметить, что мотивы могут быть застывшими, но могут меняться в связи с полимотивированностью и

скрытой сменой внутри мотивационных гетерархий. Мотив – это ценностный для личности образ (возможно, идеал), отражающий одновременно опредмеченную потребность личности, участвующей в конкретной деятельности по реализации целей и задач государства и общества. Мотивация – это развернутая ориентировка в ценностном пространстве, подвижная, меняющаяся в зависимости от целого ряда существенных условий личностного бытия. Можно говорить о некоторых допущениях в системе мотивов: условная разделенность деятельностей (но она необходима), признание наличия ведущей деятельности (хотя бы и временно), признание факта, что не все члены общества понимают необходимость собственного участия в решении целей и задач государства и общества (от полного признания до полного отрицания). Все формы социальной активности естественным образом сменяют друг друга и переплетаются по самым разным причинам и обстоятельствам в жизни человека, который для каждой новой социальной ситуации должен делать самостоятельный выбор о приоритетах и своей позиции.

На примере данных институтов мы можем видеть, как происходит искажение фундаментальных мотивационных ориентиров: когда в родовом селе призывника идет интенсивная силовая подготовка будущих военнослужащих, но не с мотивами соответствовать в армии образу профессионального солдата, а доминировать в смысле установления «казарменной власти». Т.е. не образование, не профессионализация, не приобщение к культуре и искусству народа или национальности, но мы можем видеть, как социальные институты подхватывают порочные ориентиры для достижения жизненного успеха при завоевывании жизненного пространства за счет другого военнослужащего.

Перейдем к обобщающей части и выводам. Армия должна быть открыта для гражданских исследований, поскольку без объективных характеристик своего развития решить проблемы, которые мы обозначили в своей статье, вряд ли возможно. Совершенно определено, что для изменения данного положения дел нужны глубокие перемены и подвижки в образовании, социальной политике, средствах массовой информации, во всех областях и сферах культуры. Необходимо внести в образование и культуру свежие, более эффективные и современные идеи личностного развития, а не плестись в хвосте примитивных манипулятивных практик. Следует квалифицированно готовить офицеров к психологической работе с военнослужащими своих подразделений. Представление о личностном развитии молодого человека, сопутствующих кризисах, групповых и этнических моделях инициации и др. – все это азы психологии, которые не преподаются в

военных училищах, поэтому молодые офицеры оказываются неподготовленными к воспитательной работе.

Наивно было бы полагать, что вопиющее различие декларируемых и реальных ценностей у молодежи оказывается незаметно или даже не всем в нашей стране заметно. Нет, заметно всем, на это указывают все корректно проводимые исследования. Стремление произносить нечто ценностное, а на деле реализовывать манипулятивное, как раз и создает базовое противоречие внешних и внутренних мотивационных ориентиров.

В правильной жизни правильно растут дети – эту максиму, сформулированную в свое время Л. С. Выготским, возможно использовать и для нашего обобщения. «Правильность» – это следование общечеловеческим ценностям, это движение не к формированию послушных пропаганде «масс» людей, сплоченных своим умением «колебаться вслед за линией партии» и быть предельно конформным, но к формированию конкретной личности, у которой на всех жизненных этапах есть выбор, но и есть понимание, что за этот выбор необходимо нести ответственность [8, с. 267].

Библиографический список:

1. Аронсон Э. Социальная психология: Психологические законы поведения человека в социуме / Аронсон Э., Эйкерт Р., Уилсон Т. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 560 с.
2. Басок К. Местные жители ставили некоторых лейтенантов на «счетчики». В комитете солдатских матерей привели примеры неуставных отношений в армии [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2021/11/29/14259547.shtml> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : Ежегодник 1984-1985. М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство «Наука», 1986. С. 80-160.
4. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 151 с.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности. Психологический подход. М.: Никая, 2019. 912 с.
6. На Украине солдат-срочник расстрелял пятерых сослуживцев [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/49784933/?frommail=1> (дата обращения: 18.03.2022).

7. Аналитический обзор. Готовность к службе в армии и неуставные отношения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gotovnost-k-sluzhbe-v-armii-i-neustavnye-otnosheniya> (дата обращения: 18.03.2022).
8. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
9. Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии // Проблема деятельности в советской психологии. М.: 1977. С. 19-40.
10. Гальперин П. Я. Система исторической психологии Л. С. Выготского и некоторые положения к ее анализу (тезисы) // Культурно-историческая психология. 2009. №1. С. 118-125.
11. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.
13. Давыдов В. В., Маркова А. К. Концепция учебной деятельности школьников // Вопросы психологии. 1981. № 6. С. 13-26.
14. Дедовщине объявлен «отбой» [Электронный ресурс] // Новая газета. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/12/dedovshchine-obiavlen-otboi> (дата обращения: 18.03.2022).
15. Джорджевич А., Прокушев В. Армейский устав един [Электронный ресурс] // Новая газета. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/21/87174-armeyskiy-ustav-edin> (дата обращения: 18.03.2022).
16. Желнина Д. Объяснить, что такое армия, если ты не служил, невозможно [Электронный ресурс] // Милосердие.ru. Режим доступа: https://www.miloserdie.ru/article/obyasnit-chto-takoe-armiya-esli-ty-ne-sluzhil-nevozmozhno/?smart_analytics=si:2841|st:ga|ci:163436997|gi:72623951732|ki:kwd-297110048596|bi:334760377571|dt:c|ps:|rg:1011954|ti:kwd-297110048596|cs:&smclid=IA_rt_WCnb5KQmkUbik3I0FhX9EkpemwNCgzXcBCukdeew&gclid=CjwKCAiA55mPBhBOEiwANmzoQgEPhJDmInIoxTbArGwGJHNNPDzWPo3A7SAcnnuJA6pb83IUAU63zxoCi6kQAvD_BwE (дата обращения: 18.03.2022).
17. Коррупция в армии, пограничных органах и внутренних войсках МВД растет [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20100402/217768020.html> (дата обращения: 18.03.2022).
18. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

19. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
20. Маркс К. Из ранних произведений / Маркс К., Энгельс Ф. М.: Государственное издательство политической литературы. 1956. 690 с.
21. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 424 с.
23. На Камчатке пограничники отобрали у рыбака лодку, он обратился в прокуратуру [Электронный ресурс] // Кам 24. Режим доступа: <https://kam24.ru/news/video/20190830/70256.html#.ljkwiV3p.dpuf> (дата обращения: 18.03.2022).
24. Непокорных насилуют шваброй. Арестанты – о пытках в пресс-хатах, унижениях и муках за решеткой [Электронный ресурс] // Лента.ру. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/05/16/presshata/> (дата обращения: 18.03.2022).
25. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
26. Однозеркина Ж. Суицид перед нарядом: на Урале погиб второй солдат за два дня [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2021/09/29/14033095.shtml> (дата обращения: 18.03.2022).
27. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: «Ось-89», 2007. 704 с.
28. Психологические условия реабилитации наркоманов: опыт исследовательской реконструкции / Под ред. Муфтахетдинова М. Н. и Хозиева В. Б. М.; Нижневартовск, 2004. 160 с.
29. Опрос показал отношение россиян к ситуации в армии [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20190412/1552633032> (дата обращения: 18.03.2022).
30. Роллс Дж. Классические случаи в психологии / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
31. Тойнби А. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
32. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, Ч. 2, гл. XVIII [Электронный ресурс] // rvb.ru. Режим доступа: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_6/0030_3-41.htm (дата обращения: 18.03.2022).

33. О положении дел в армии и срочной службе. [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11458> (дата обращения: 18.03.2022).

34. Хозиев Б. И. Пути активизации усвоения военнослужащими уставных норм жизни и деятельности в коллективе. М.: ИВИ МО, 1977.

35. Шкловский Е. А. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 62 с.

36. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, 1971, № 4. С. 6-20.

Khoziev B.I., Khoziev V.B. Motivation as a form of orientation in the space of social values (using the example of analyzing the motives of military service)

Abstract: The motivation of military service is considered in the article as a complex process of acceptance and transformation of life values by a young man through manipulative trends and forms of modern culture.

Key words: motive, motivation, military service, hazing, non-statutory relations, delinquent behavior.

УДК 159.9.072

В. И. Быкова, Ю. П. Полухина, Е. А. Львова, В. В. Гурьева

Проблема чувства времени у детей-подростков после травм головного мозга

Аннотация:

В исследованиях современной клинической психологии крайне мало работ, посвященных чувству времени, а в области травм головного мозга у детей их практически нет. Данная статья посвящена исследованию изменений чувства времени у детей-подростков, прошедших посттравматическое спутанное состояние сознания после средне-тяжелых черепно-мозговых травм. На основе полученных данных можно сделать вывод, что при сохранности формальной ориентации во времени после повреждений головного мозга на этапе ясного сознания дети испытывают значительные трудности как в оценке текущего времени, так и в субъективном хронометрировании минутного интервала.

Ключевые слова: чувство времени, субъективное время, концептуальное время, перцептуальное время, дети-подростки, черепно-мозговая травма (ЧМТ).

Об авторах:

Быкова Валентина Игоревна, к. психол. н., медицинский психолог Научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии ДЗ г. Москвы (НИИ НДХиТ), доцент кафедры клинической психологии Государственного университета «Дубна», e-mail: valentina.bykova.vb@gmail.com

Полухина Юлия Павловна, медицинский психолог Научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии ДЗ г. Москвы (НИИ НДХиТ), аспирант кафедры клинической психологии Государственного университета «Дубна», e-mail: julia.poluxina.4857@yandex.ru

Львова Екатерина Алексеевна, медицинский психолог Научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии ДЗ г. Москвы (НИИ НДХиТ), Москва, e-mail: lvova.katerina@gmail.com

Гурьева Валерия Вячеславовна, медицинский психолог Научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии ДЗ г. Москвы (НИИ НДХиТ), аспирантка МГППУ, Москва, e-mail: leratrf@mail.ru

Время является важным философским и исследовательским понятием. «Временное... наглядно непредставимо; вступает в силу лишь тогда, когда мозг функционально активен, и должно быть индивидуальным для мозга каждого...» [6, с. 114]. «Наглядная непредставимость» времени порой выводит его из поля научных исследований [8].

В. Вундт, У. Джеймс, К. Левин, С.Л. Рубинштейн, В.П. Зинченко и многие другие психологи занимались исследованием восприятия времени. Впервые К. Левин поставил вопрос о существовании единиц психологического времени различной направленности, тем самым обеспечив возможность дальнейших исследований именно субъективного восприятия [13]. В советской психологии С.Л. Рубинштейном были описаны законы восприятия времени. Так, закон заполненного временного отрезка гласит, что чем более насыщенным будет временной отрезок, тем более длительным он представляется. Также на восприятие времени влияет знак эмоционального переживания (закон эмоциональной детерминации) [17]. Время, заполненное положительными событиями, в переживании уплотняется, а отрицательными – разреживается [12; 16].

Г. Хогланд показал, что субъективное восприятие времени может меняться в зависимости от температуры тела [18]. Различными исследователями было показано, что в субъективной оценке времени также значимы индивидуальные различия [5; 10; 11; 14] и патологические изменения в структуре личности [3; 4]. Понятие «чувство времени» (хроноцепция) шире, чем понятие «восприятие времени» и включает в себя не только ориентацию во внешнем мире, но и осознание собственной личностной идентичности (личной и родовой истории, а также культурной принадлежности и пр.).

В исследованиях чувства времени принято разделять реальное, концептуальное и перцептуальное время [15]. Реальное время представляет собой некую объективную, общепринятую реальность и является одномерным и исчисляемым. Концептуальное время – представление субъекта о времени в рамках определенных теоретических концепций и установок. Это способность осознания реальности через культуральные координаты. Так, например, использование внутреннего счета является именно концептуальным временем. Под перцептуальным временем (от лат. perceptio – восприятие) понимается индивидуальное восприятие, ощущение или переживание субъекта. Перцептуальное время лишь в целом соответствует реальному и концептуальному. Совокупность перцептуального и концептуального времён

тождественно понятиям «субъективное», «психологическое» или «индивидуальное» время.

После травм головного мозга восстановление целостного сознания происходит постадийно от комы до ясного сознания, постепенно изменяя глубину угнетения (снижения). Посттравматическая спутанность является одной из стадий восстановления сознания, когда подопечным уже доступно не только понимание обращённой речи, но и произнесение целых фраз. Это состояние характеризуется снижением памяти на текущие события и дезориентацией в месте, времени и своем состоянии [19; 10].

Посттравматическая дезориентация во времени проявляется в невозможности осознания текущего года, месяца и даты. Также подопечные не могут определить текущее время или назвать, даже примерно, время суток с опорой на внешние ориентиры и подсказки (обед на тумбочке, свет в окне и пр.) [7; 9]. Внешнее атрибутирование не помогает пациентам в их внутреннем моделировании и простройке временных ориентиров текущей ситуации, а сама ситуация не является смыслообразующей и психологически актуальной. Отмечено, что у детей-подростков в посттравматическом состоянии спутанности сознания распадается ориентация в реальном времени, отсутствует концептуальное время из-за неактуализующихся внутренних концептов и абстрактных моделей, запечатленных в сознании ранее до болезни. Однако сохраняется время перцептуальное.

Перед психологом, работающим в рамках реабилитации с детьми после травм головного мозга, встает много задач. Одна из них – восстановление у ребенка временных координат, что включает в себя не только ориентацию во времени, но и оптику хроноцепции (чувства времени).

Выборка

Экспериментальная группа: когортная группа детей-подростков после средне-тяжелых травм головного мозга, проходивших за время восстановления посттравматическое состояние спутанности сознания. Исследование с детьми проводилось в период до 1-го года после травмы мозга. В группу вошло 13 человек (11 мальчиков, 2 девочки). Средний возраст по группе составил 14,4 лет.

Контрольная группа: дети – подростки от 11 до 17 лет без повреждений головного мозга, проходившие лечение в НИИ НДХиТ в связи с несложными травматическими и соматическими заболеваниями. Группу составили 17 человек (9 мальчиков, 8 девочек). Средний возраст – 13,8 лет.

Контрольная группа: Молодые люди без повреждений головного мозга 14 человек (11 женщин и 3-е мужчин). Средний возраст по выборке – 31,2 года.

Введение в исследовании двух контрольных групп (подростки и молодые взрослые) обусловлено необходимостью контроля (наблюдения) онтогенетического формирования чувства времени.

Методики исследования чувства времени

Интервьюер записывал ответы респондентов в бланк-опросник. Исследование проводилось методом структурированного интервью:

1. Определялась общая ориентация во времени, оценка текущего времени и времени обследования;
2. Определялась оценка короткого временного интервала: испытуемых просили отмерить 1 минуту: по ощущениям (перцептуальное время) и с использованием внутреннего счета (концептуальное время).

Результаты

Экспериментальная группа (N= 13).

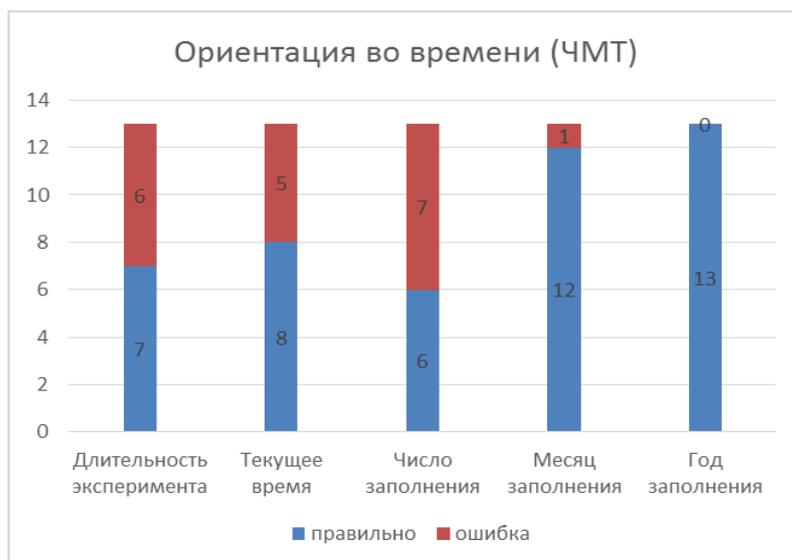
Общие характеристики выполнения заданий:

Детям данной когортной группы при проведении исследования чаще требовалось дополнительная помощь со стороны интервьюера. Ответы чаще были импульсивны и необдуманно, могли следовать быстро вслед за вопросом. Все дети говорили, что интересуются исследованием, но не обращали внимания на реакцию интервьюера при явных ошибках и демонстрировали полную уверенность в правильности своих ответов. Им было трудно оценивать минутный интервал, но легко давался ответ об общем времени исследования.

Ориентация во времени:

Все дети, прошедшие в своем восстановлении посттравматическое состояние спутанности, правильно называли текущий год и месяц, но делали ошибки в назывании числа (Δ до 2 дней) и текущего времени (Δ до 6,7 часов). Грубые ошибки (< 1 часа) в оценке текущего времени сделали 38 % респондентов вне зависимости от уровня сознания после травмы.

Рисунок 1

Также имели место грубые ошибки в *оценке времени эксперимента* в основном в сторону переоценки (10 из 13). Максимальное отклонение составило 31 минуту (см. рис. 2).

Рисунок 2

В *перцептуальной и концептуальной оценках минутного интервала* сделали ошибки 12 респондентов из 13. В перцептуальной оценке имел место большой разброс – от 17 до 148 сек. Переоценили время 5 человек, 7 – недооценили. Отмечено также, что только в 38% случаев перцептуальное время было меньше концептуального.

Контрольная группа – дети-подростки (N= 17).

Ориентация во времени:

В данной группе не было отмечено ошибок в формальной ориентации во времени – все дети правильно называли день, месяц и год обследования. При оценке текущего

времени и времени исследования явных ошибок также допущено не было. Среднее отклонение в оценке исследования составило 3,26 минуты.

Перцептуальная оценка минутного интервал оказалась приближена к концептуальному времени. Практически в равной доле встречаются ответы, что перцептуальная оценка меньше концептуальной (53 %) и больше (41 %). *Концептуальная оценка* у опрошенных подростков близка к реальному времени. Максимальная ошибка составила всего 10 секунд. В то время, как в оценке перцептуального времени максимальная ошибка составила 48 секунд.

Контрольная группа молодых взрослых (N= 14).

Все взрослые респонденты были полностью ориентированы во времени и относительно правильно оценили время исследования. Максимальный разброс составил \pm 3 минуты.

Оценка текущего времени: Максимальная ошибка в оценке текущего времени не превышала 20 минут. Средняя ошибка в оценке времени составила 0,07 минуты. Отмечена тенденция к недооценке текущего времени в первой половине дня и переоценке во второй (после 14.00).

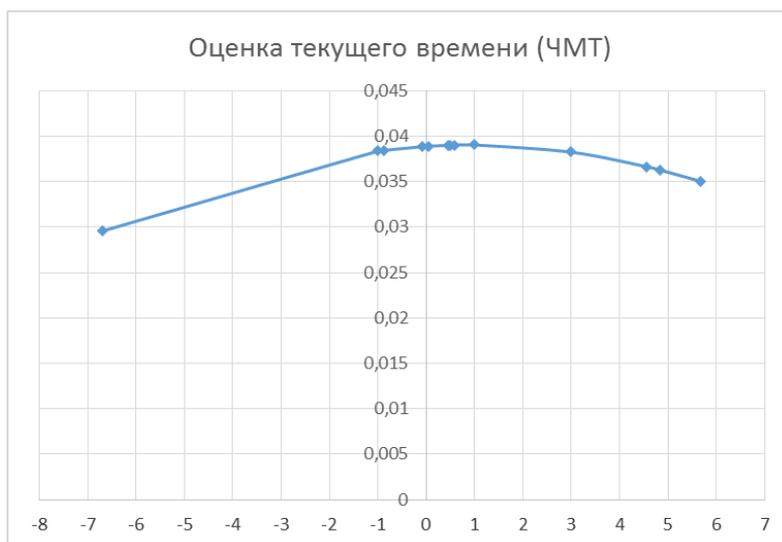
Перцептуальная оценка. Максимальная ошибка составила 45 секунд. В основном отмечена тенденция к недооценке, «уплотнению» временного интервала, и только 2 респондента его переоценили. Практически у всех респондентов (86 %) перцептуальное время короче концептуального. *Концептуальная оценка.* Концептуальное время по ответам взрослых респондентов оказалось больше приближено к реальному, однако также отмечена тенденция к недооценке временного интервала (12 из 14). Максимальная ошибка составила 25 секунд.

Обсуждение результатов

Время выполнения заданий по группе детей-подростков после травм головного мозга в среднем было сопоставимо с двумя контрольными группами.

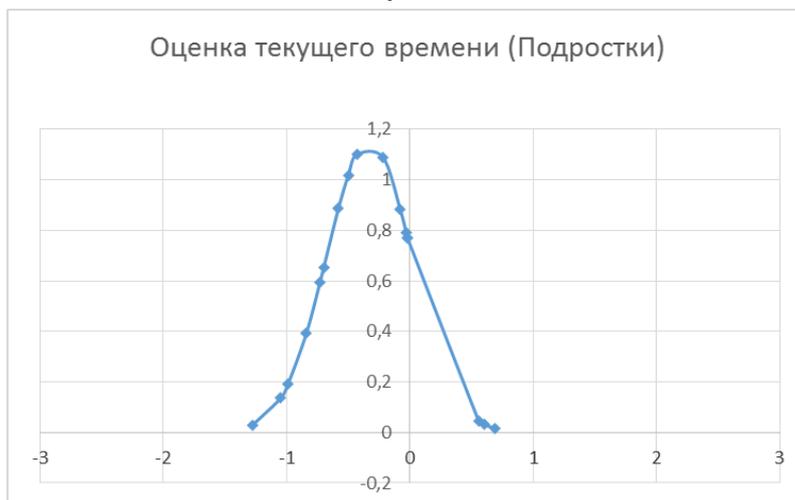
Мы видим, что в группе подростков после травм головного мозга (рис. 3) кривая имеет практически плоское, правостороннее асимметричное распределение. Это значит, что отдельные значения имеют большое отклонение от среднего, что свидетельствует о редкой встречаемости правильных ответов среди экспериментальной группы (диапазон ошибки от -6,7 до 5,67 часов). График показывает, что для детей данной группы практически недоступна адекватная оценка текущего времени.

Рисунок 3

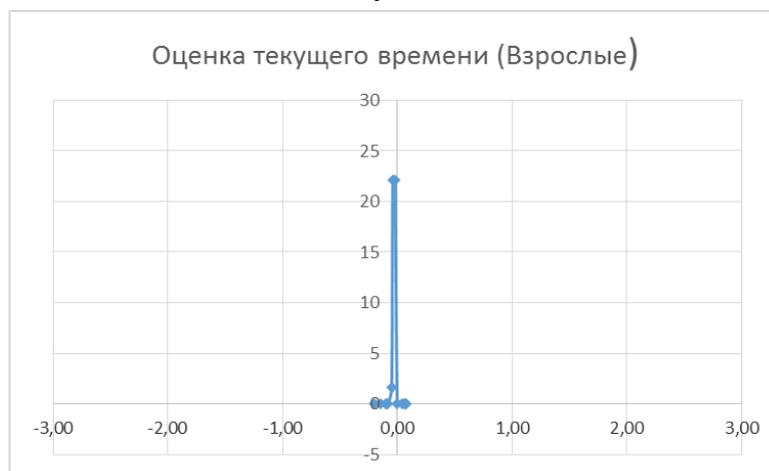
В контрольной группе подростков видно (рис. 4), что кривая имеет симметричное распределение, когда с одинаковой частотой встречаются крайние значения признака. Таким образом, в этой группе подростков частота встречаемости правильных ответов выше, чем в экспериментальной группе (диапазон ошибки от -1,28 до 0,69 минут). Для детей данной группы доступна адекватная оценка как текущего времени, так и времени исследования.

Рисунок 4

В контрольной группе взрослых кривая оценки текущего времени имеет «островершинное», симметричное распределение (рис. 5). В данной группе частота встречаемости правильных ответов самая высокая (диапазон ошибки от -0,20 до 0,08 минут), на что указывает концентрация точек на графике возле среднего значения. Взрослая группа адекватно оценивает как текущего времени, так и время исследования.

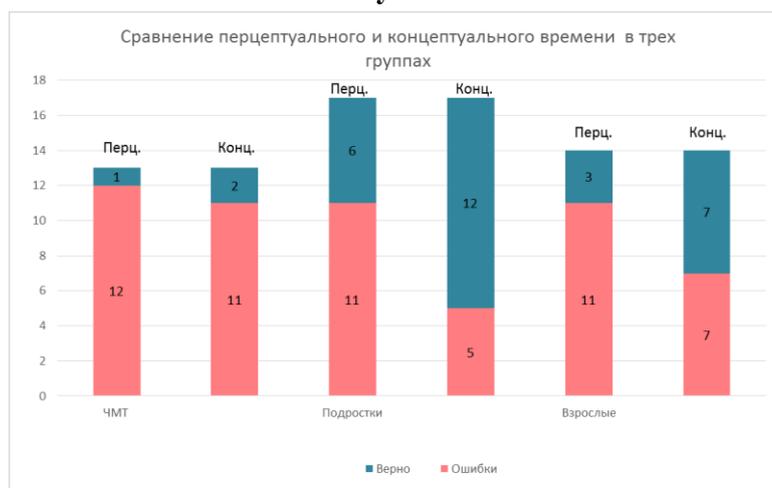
Рисунок 5

Объединение значений по всем трем группам в один график не представляется возможным по причине разного диапазона значений осей абсцисс (OX) и ординат (OY).

При сравнении ответов в оценке перцептуального и концептуально времени (рис. б) выявляется, что дети после ЧМТ совершают значительно большее количество ошибок, чем в группах сравнения, при этом концептуальный способ измерения времени не сильно улучшает результат. В контрольных группах при наличии ошибочности в перцептуальной оценке времени теоретический конструкт концептуальной оценки позволяет улучшить ее точность.

Рисунок 6

Также отмечено, что у подростков без травм мозга формируется тенденция к укорачиванию перцептуального времени относительно концептуального (59 %), как это происходит у группы молодых взрослых (86 %). В группе подростков после травм

головного мозга только у 54 % из них показали перцептуальное время короче концептуального, допуская большой разброс данных.

Выводы

Проведенное исследование изменений хроноцепции у подростков, прошедших в своем восстановлении стадию посттравматической спутанности после травм головного мозга (до 1 года), позволяет увидеть особенности их чувства времени: сложности оценки текущего времени, большое количество ошибок при субъективной оценке короткого интервала. Дети перестают чувствовать реальное и концептуальное время, а перцептуальное время у них изменяется. Также нарушается соотношенность между ними.

Окончательное формирование в онтогенетическом развитии чувства времени, включая нахождение соответствия реального, перцептуального и концептуального времен, обычно происходит к юношескому возрасту. Для восстановления хроноцепции после травм головного мозга требуется помощь в формировании пространственно-временных отношений между событиями во внутреннем пространстве ребенка, что соотносится с точкой зрения разных авторов, придерживающихся релятивистского подхода как в науке, так и в философии [1; 2]. Необходима также психологическая помощь этим детям в интериоризации их внешнего опыта (детализация, обращение внимания, замедление привычных действий и пр.) и в выстраивании соответствия между реальным, концептуальным и перцептуальным временем.

Данное исследование позволяет не только обратиться к проблеме «ускользающего» феномена времени, но и затрагивает вопрос восстановления сознания, в частности, чувства времени у подростков после черепно-мозговых травм. Исследование является пилотажным и, конечно, требует расширения выборки.

Библиографический список:

1. Аскольдов С. А. Время онтологическое, психологическое и физическое // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат. 1990. С. 398-402.
2. Аристов В. В. Философские проблемы пространства-времени, связанные с реляционной статистической концепцией // Метафизика. 2012. Т. 3 № 5. С. 48-63.
3. Балашова Е. Ю. Восприятие времени и некоторые методические возможности его изучения в клинко-психологических исследованиях // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 97–108.

4. Беленькая Л. Я. К вопросу о восприятии временной длительности и его нарушениях // Исследования по психологии восприятия. М.; Л.: 1948. С. 342-358.
5. Болотова А. К. Время и личность. Временные изменения феноменов личности / Болотова А. К., Бекренёв В. Д. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 3. С. 61-78.
6. Брагина Н. Н. Функциональные асимметрии человека / Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. М.: Медицина, 1988. С. 113-157.
7. Быкова В. И. К вопросу о субъективном времени в сниженных состояниях сознания [Электронный ресурс] // Российский междисциплинарный семинар по темпорологии им. А. П. Левича, МГУ им. М. В. Ломоносова. Режим доступа: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/237181243/> (дата обращения: 01.10.2021).
8. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция. 2006. 464 с.
9. Зайцев О. С. Психиатрические аспекты черепно-мозговой травмы и ее последствий: учебное пособие. М.: МЕДпресс-информ. 2021. 104 с.
10. Зимина С. В. Исследование особенностей суточной динамики восприятия / Зимина С. В., Айрапетов Р. Г. // Российский междисциплинарный семинар по темпорологии им. А. П. Левича, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: 2007. С. 404-420.
11. Ковалева А. В. Нейрокогнитивные аспекты процессов тайминга и слухомоторной синхронизации // Современная зарубежная психология. 2020. № 2. С. 82-92.
12. Кузнецов Ю. А. Восприятие времени водителем как фактор безопасности дорожного движения // Психология. Психофизиология. 2020. № 3. С. 102–110.
13. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
14. Лисенкова В. П. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия времени (на примере детской, подростковой и юношеской выборок) / Лисенкова В. П., Шпагова Н. Г. // Психологический журнал. 2006. №27 (3). С. 49-57.
15. Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат. 1974. 240 с.
16. Никулина Е. В. Трансформация субъективного времени в экстремальных ситуациях у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] //

Гуманитарные научные исследования. 2017. № 10. Режим доступа:
<http://human.snauka.ru/2017/10/24476> (дата обращения: 18.03.2022).

17. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. // Мастера психологии. СПб.: Питер. 2019. С. 216-220.

18. Шиффман Х. Ощущение и восприятие. СПб.: Питер. 2002. С. 928.

19. Ganau M. Delirium and agitation in traumatic brain injury patients: an update on pathological hypotheses and treatment options / Ganau M., Lavinio A., Prisco L. // *Minerva Anestesiologica*. 2018. №84 (5). Pp. 632-40.

20. Wearne T. A. Understanding how others feel: Evaluating the relationship between empathy and various aspects of emotion recognition following severe traumatic brain injury / Wearne T. A., Osborne-Crowley K., Logan J.A., Wilson E., Rushby J., McDonald S. // *Neuropsychology*. 2020. №34 (3). Pp. 288-297.

Bykova V. I., Poluhina Yu. P., Lvova E. A., Gureva V. V. The problem of chronoception after brain injury in adolescents

Unfortunately, there are extremely few studies in modern clinical psychology that investigate sense of time (chronoception), and practically none of them are in the field of children's brain injuries. This article is devoted to the study of changes in sense of time among adolescent children who have experienced post-traumatic state of mental confusion after moderate-to-severe traumatic brain injury. Based on the data obtained it can be concluded that while the formal orientation in time is preserved after brain damage, children being in the state of clear consciousness experience significant difficulties both in assessing the current time and in subjective timing of the minute interval.

Keywords: sense of time (chronoception), subjective time, conceptual time, perceptual time, adolescent children, traumatic brain injury (TBI).

УДК 159.9.07

Е. А. Фролов

Методы исследования выученной беспомощности у дошкольников и младших школьников

Аннотация:

В статье дан обзор основных методов исследования феномена выученной беспомощности. Рассматриваются основные подходы, а также влияние теоретических положений на выбор методического инструментария для изучения различных аспектов беспомощности. Проводится анализ развития методических процедур исследования данного феномена в дошкольном и младшем школьном возрасте. Обосновываются основные требования к методу исследования выученной беспомощности.

Ключевые слова: выученная беспомощность, личностная беспомощность, методы исследования беспомощности.

Об авторе: Фролов Евгений Александрович, аспирант кафедры клинической психологии Государственного Университета «Дубна». Электронная почта: fvevgeny@gmail.com

Научный руководитель: Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна», v_hoziev@mail.ru

Принято считать, что первое описание феноменологии выученной беспомощности (ВБ) было дано сотрудниками психологической лаборатории Ричарда Соломона (Университет Пенсильвании) Мартином Селигманом, Стивенем Майером и пр.: «Собаки, демонстрировавшие сначала нормальные реакции на неприятный раздражитель ... теперь пассивно «принимают» удары током, не пытаясь их избежать. Более того, даже после удачной попытки побега от неприятного раздражителя собаки не обучаются уходить от ударов током в будущем...» [32, с. 1]. Если опустить работы К. Рихтера и О. Моурера, а также исследования Н. Шенгер-Крестовниковой, то первенство в экспериментальном

исследовании, описании и оформлении в понятие феноменологии ВБ действительно принадлежит М. Селигману.

В первые годы после открытия ВБ изучалась только в лабораторных условиях. Эксперименты по «обучению» животных беспомощности строились по принципу соединения процедуры классического или дифференцированного обусловливания (по методике И.П. Павлова) с добавлением процедур «неконтролируемого неприятного стимулирования». Эта схема исследования стала классической и дала наиболее показательные в феноменологическом (симптоматическом) отношении результаты: опыт переживания собаками неконтролируемых (независимых от их поведения) и неизбежных ударов током приводил к пассивному «принятию» неприятных раздражителей даже в условиях объективной возможности ухода из поля их действия [32]. В дальнейшем эта схема дополнялась другими сериями экспериментальных воздействий, в которых собак, например, обучали избегать неприятного раздражителя до экспериментальной серии или же после формирования у них ВБ, а также дополнительными процедурами научения «пассивного» избегания неприятного стимула (собака должна перестать действовать, чтобы прекратить действие неприятного раздражителя) [29].

Ранние исследования ВБ не привели к ясности в понимании данного феномена, из-за чего возникла потребность в рефлексии методических и теоретических предпосылок экспериментального исследования. В первой половине 1970-х годов М. Селигман пишет несколько статей, в которых проводит критический анализ используемых им и его коллегами лабораторных экспериментальных методов исследования поведения, обнаруживая несколько важных недостатков теории научения и ее методической программы: (1) неспособность установить и объяснить устойчивость мотивации (во времени), разность биологически значимого и незначительного стимулов, формирование мотивации до появления стимула в поле зрения или действия субъекта (антиципацию стимула); (2) игнорирование спонтанного научения, связанного в первую очередь с изучением языка детьми, не требующим специальных процедур научения; (3) отсутствие в теории разделения эволюционно подготовленных и неподготовленных реакций, выражающегося на практике в долгом угасании связи между биологически подготовленными реакциями (например, клевание у голубей) при долгом формировании и быстром угасании неподготовленных реакций (например, нажатие лапкой кнопки у голубей) [27].

Очевидная недостаточность методического и концептуального аппарата теории научения для объяснения феноменологии ВБ объясняет дальнейшие преобразования концептуальной модели данного феномена с оформлением новых методов исследования. Уже в первой половине 1970-х годов проводились первые эксперименты по изучению беспомощности у людей, в которых для объяснения внутренних условий ее формирования использовались совершенно новые понятия из когнитивной психологии, приводились гипотезы о связи ВБ с депрессией [16; 26]. Систематический неуспех сам по себе перестал считаться причиной беспомощности человека, неуспешность должна приводить к определенным внутренним изменениям: снижению веры человека в личную компетентность или успешность. Были выделены и основные «компоненты» беспомощности человека: (а) снижение мотивации (снижение инициации реакции), (б) когнитивные трудности (ослабленная способность учиться тому, что результат зависит от действий испытуемого), (в) эмоциональные проявления (снижение настроения) [18; 19].

Оформление проекта исследования с построением когнитивной модели феномена ВБ окончательно происходит в 1978 году, когда выходит статья Л. Абрамсон и М. Селигмана, обобщающая результаты поиска подходящей теории и методики изучения беспомощности человека. Ключевым понятием новой модели феномена является «причинное объяснение» или «стиль атрибуции» событий. Это понятие, заимствованное из когнитивной психологии, должно было объяснить генерализацию беспомощности, ее хронизацию у отдельных людей и снижение самооценки через введение промежуточной переменной: субъективной веры или ожидания того, что от действий человека ничего не зависит – негативного или пессимистического стиля атрибуции. Сразу же были выделены основные черты стиля атрибуции человека с ВБ: глобальность (диапазон жизненных задач, на которые распространяется беспомощность – «беспомощен во всем»), стабильность (длительность по времени – «беспомощен всегда») и интернальность (объяснение неудачи внутренними условиями – «проблема во мне») [13]. Здесь же впервые появилось закономерное деление личностной и ситуативной беспомощности, происходившее из-за различий негативного и позитивного стилей атрибуции соответственно [22].

За преобразованием теории неизбежно последовало появление новых методов исследования, формулируемых в духе новой когнитивной модели феномена. ВБ фактически отождествилась со стилем атрибуции, нахождение и описание которого в каждом конкретном случае осуществлялось при помощи опросников стиля атрибуции

(Attributional Style Questionnaire (ASQ) у взрослых и Children's Attributional Style Questionnaire (CASQ) у детей), разработанных М. Селигманом. Другим однозначным показателем беспомощности человека считалось наличие у него депрессивных симптомов или нескольких «компонентов» ВБ, описанных выше: когнитивных трудностей, снижения мотивации, снижения самооценки или эмоциональных переживаний, возникших после неуспешного выполнения какой-либо задачи. Депрессивные симптомы находили при помощи широко известной Шкалы депрессии Бека (у взрослых), а также различных опросников (например, Children's Depression Inventory того же Аэрона Бека) [20; 22; 28].

Введение понятия стиля атрибуции должно было расширить возможности исследования причин ВБ, ее генетических корней и конкретных механизмов влияния на поведение и психику человека. Построение новой модели должно было избавить исследователей от проблем старых теоретических и методических предпосылок. Однако уже в самых первых исследованиях стиля атрибуции обнаружилось недостатки тестирования. Корреляции между выявленным в тесте стилем атрибуции и различными независимыми переменными не позволяли исключить альтернативных объяснений изучаемых связей, а также их обратной зависимости или вообще случайности [30].

Тестирование не раскрывало потенциал новой модели ВБ. У исследователей лишь появился инструмент распознавания людей с признаками беспомощности, но не метод исследования структуры, функций и формирования ВБ. В качестве решения проблем метода «поперечных срезов» было выдвинуто два программных изменения. Первым стало введение «лонгитюдных» исследований с несколькими «поперечными срезами» (претест и посттест) и поиском корреляций результатов поперечных срезов с различными поведенческими и социальными показателями (снижением успеваемости в школе, снижением настроения или симптомами депрессии и беспомощности у родителей детей с ВБ т.д.) [17; 21]. Однако и в «лонгитюдных» исследованиях однозначные выводы сделать не удалось, так как анализировать приходилось не эмпирические, а статистические зависимости (коррекции). К примеру, в исследовании, посвященном поиску причин возникновения выученной беспомощности у детей, а также связи беспомощности с депрессией, М. Селигман с коллегами приходит к выводу, что как пессимистический стиль атрибуции может стать одной из причин формирования депрессивного состояния, так депрессия может стать условием возникновения негативного стиля атрибуции [21]. Таким образом, при помощи «срезовых» методов устанавливается одна из возможных действующих причин, но не достаточная или необходимая детерминация.

Вторым программным дополнением стало введение контент-аналитического метода (The Content Analysis of Verbatim Explanations (CAVE)) исследования речевых проявлений ВБ, а точнее – пессимистического стиля атрибуции. Впервые этот метод был применен М. Селигманом для анализа протоколов успешной психотерапии подопечного с депрессией. В исследовании анализировались высказывания больного на разных этапах психотерапии: во время поступления к психотерапевту, в периоды кратковременных улучшений и ухудшений состояния подопечного, а также перед прекращением сессий. Для анализа выделялись и маркировались высказывания, связанные с объяснением жизненных неудач и роли подопечного в их возникновении, а также высказывания, сделанные до и после смены настроения. Собранные текстовые материалы подвергались независимому, слепому анализу и оценке несколькими специалистами, которые должны были по заранее подготовленным критериям выделить пессимистические и оптимистические причинные высказывания, чтобы указать на преобладающий стиль атрибуции подопечного в тот или иной период психотерапии [24].

По этой же методике был проведен контент-анализ писем людей, переживших тяжелые кризисы или потрясения, во время которых они были «объективно беспомощны» (экономические кризисы, катастрофы и т.д.) [14], а также анализ высказываний больных клинической депрессией с последующим проведением на них тестов стиля атрибуции [25]. В этих исследованиях новая когнитивная модель феномена ВБ нашла свои подтверждения. Однако задачи, которые ставил перед собой М. Селигман с коллегами, так и не были решены: не удалось однозначно установить детерминанты развития ВБ, не получилось однозначно доказать первичность беспомощности в отношении депрессии или других психических расстройств, а также установить место ВБ в протекании депрессии. Кроме того, не получилось однозначно решить вопрос с хронизацией беспомощности и распространением ее на одни виды деятельности подопечного при сохранности оптимистического стиля атрибуции в других жизненных задачах.

С такими результатами атрибутивная модель феномена ВБ пришла в отечественную психологию. Некоторые отечественные исследователи, придерживаясь курса, предложенного М. Селигманом, сохранили практически все черты его методического подхода к изучению феномена до наших дней, внося незначительные добавления в теорию и опустив отдельные положения модели ВБ, предложенной самим Селигманом. Другие исследователи смогли не просто дополнить методику исследования

беспомощности новыми методическими приемами и схемами, но предложили принципиально новые подходы к изучению ВБ.

Классическим примером первой группы исследователей, безусловно принявшими методическую программу М. Селигмана, являются Д. А. Циринг, Е. В. Забелина, Э. В. Галажинский и др. В своих работах они сохраняют основные черты классической модели ВБ: 4-х компонентную структуру феномена (мотивационный, когнитивный, эмоциональный и волевой (вместо самооценки у Селигмана)), роль неподконтрольных неприятных ситуаций в генезе беспомощности, использование «срезовых» методов как основных для исследования связи беспомощности с какими-либо поведенческими показателями или результатами других тестов и т.д. Наиболее используемыми среди этой группы исследователей являются следующие методики: опросник Кеттелла (для изучения корреляций между чертами личности и беспомощностью), различные шкалы депрессии и тревоги у А. Бека и других авторов (для установления связи между беспомощностью и депрессией и тревожностью), а также специальные методы, подобранные под конкретные задачи («Методика анализа семейных взаимоотношений» (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкого, методика определения самооценки (С. А. Будасси) и т.д.) [4; 6; 12]. Но введение новых методик без изменения методического и методологического подхода к исследованию ВБ приводит к тем же проблемам, с которыми в свое время столкнулся М. Селигман: недостаточность корреляции для установления однозначности связи, гипотетичность причинных объяснений феномена, невозможность представить генезис ВБ из-за нехватки инструментария для изучения развертывания в онтогенезе и исследования ВБ в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Иной подход к изучению генезиса ВБ мы находим в работах О. В. Волковой и А. А. Завертяевой, выполненных под руководством Г. В. Залевского. Модель феномена в этих исследованиях исходит из соединения концепции М. Селигмана с принципами культурно-исторической психологии. ВБ в них представлена как пессимистическая жизненная стратегия, приводящая к системному нарушению четырех компонентов психики: когнитивного, эмоционального, волевого и мотивационного. Функционально ВБ рассматривается как состояние человека, характеризующееся пессимистическими установками в отношении собственного поведения, негативного самоотношения. Генезис беспомощности здесь – это процесс интериоризации пессимистичных установок, характерных для ВБ, как присвоение негативного отношения к себе извне, из отношений с окружающими [2]. Введение принципов интериоризации и системности не отражается на

содержании основных элементов модели ВБ, разработанной М. Селигманом, которая практически целиком вводится О. В. Волковой в теоретические предпосылки исследования. Однако методическое обеспечение исследования заметно выделяется на фоне повсеместного использования «срезовых» методов, характерного для классических подходов к изучению беспомощности.

Развитие методического подхода в работах О. Волковой характеризуется приближением его к клинико-психологическому методу исследования. Целью такого подхода является изучение «степени уязвимости каждой из сфер личности, имеющих непосредственное отношение к структуре феномена выученной беспомощности: эмоциональная, мотивационная, волевая и когнитивная сферы» [3, с. 400]. С такой постановкой задачи становится возможным изучение структуры ВБ в дошкольном и младшем школьном возрастах. Приведение в соответствие с возрастными особенностями и ранжирование показателей развития той или иной «сферы личности» приводит к формированию сфер-мишеней, на которые должен быть направлен клинико-психологический инструментарий. Например, для старшего дошкольного возраста мишенью служит эмоциональная сфера, а показателем ВБ является повышенный уровень тревожности. Для младших школьников мишенью является мотивационная сфера, при исследовании которой у беспомощных школьников на первый план выступает низкий уровень учебной мотивации [3].

Но исследованию подвергаются все сферы в каждой возрастной группе. Таким образом реализуется попытка учесть возрастные особенности детей с ВБ и нормативы развития той или иной «сферы личности», что должно привести к более точному описанию структуры ВБ. Методическое обеспечение исследований О. Волковой состоит из смеси тестовых и клинико-психологических методик (см. Таблицу 1). Однако исследование здесь сводится к обследованию подопечных с ВБ, что неминуемо приводит к дискуссионным для современной психодиагностики вопросам: целесообразности использования той или иной методики, внутренней согласованности батарей методик (количественных и качественных), их валидности, надежности и репрезентативности, остающихся важными и требующими дополнительного обсуждения, но выходящего за рамки нашей статьи.

Таблица 1. Методики исследования структуры ВБ в дошкольном и младшем школьном возрасте (О.В. Волкова) [3, с. 402]

Старший дошкольный возраст (5–6 лет)	Воля: «Да и нет» (Н. И. Гуткина); методика «Изучение волевых проявлений» (Г. А. Урунтаева); «Выкладывание узора по образцу» (Н. А. Циркун); методика исследования умения совершать усилия «Лабиринт» (аналог субтеста Векслера); Эмоции: проективный рисуночный тест «Рисунок семьи»; проективный тест «Кактус»; «Домик» (О. А. Орехова); проективный рисуночный тест «Человек» и «Человек под дождем» (Е. В. Романова, Т. И. Сытько); Мотивация: «Лесенка побуждений» (А. И. Божович, И. К. Маркова), адаптированная для старшего дошкольного возраста; методика определения мотивов учения (М. Р. Гинзбург); проба на познавательную инициативу «Незавершенная сказка» (Р. С. Немов); методика «Изучение мотивов поведения в ситуации выбора» (Г. А. Урунтаева, Ю. А. Афонькина); Когнитивное развитие: наблюдение в ходе занятий с педагогом, а также фиксация уровня проявления когнитивных способностей в процессе диагностики; классификация для детей 6–8 лет «Исключи лишнюю картинку, слово»; методика исследования мышления детей 5–7 лет «Времена года»; тест на мышление ребенка «Последовательность событий» (А. Н. Бернштейн)
Младший школьный возраст (7–9 лет)	Воля: графический диктант (Д. Б. Эльконин); Корректурная таблица кольца Ландольта (модификация корректурной пробы Б. Бурдона); «Тест на определение уровня развития произвольной регуляции деятельности» (И. Б. Дерманова); Эмоции: анкета «Школьная адаптация» (Н. Г. Лусканова) в модификации Е. И. Даниловой; проективный рисуночный тест «Рисунок несуществующего животного» (М. З. Дукаревич); проективный рисуночный тест «Человек» и «Человек под дождем» (Е. В. Романова, Т. И. Сытько); методика «Радости и огорчения» (Н. А. Тихонова); «Тест фрустрационных реакций» (детский вариант) (С. Розенцвейг); Мотивация: методика «Неоконченные предложения» (М. Ж. Ньютен) в модификации А. Б. Орловой; методика «Составление расписания на неделю» (С. Я. Рубинштейн) в модификации В. Ф. Моргун; анкета «Изучение мотивации младшего школьника (1–4 класс)» (Н. Г. Лусканова); «Методика по определению мотивов учения» (М. Р. Гинзбург); Когнитивное развитие: классификация для детей 6–8 лет «Исключи лишнюю картинку, слово»; методика исследования мышления детей 5–7 лет «Времена года» (Р. С. Немов); тест на мышление ребенка «Последовательность событий» (А. Н. Бернштейн)

Иной клинико-психологический методический подход к исследованию ВБ реализуется в работах Г. В. Залевского и А. А. Завертяевой. Этологический подход, как его назвали сами авторы, «включает в себя заполнение карт наблюдений и решение проблемных ситуаций. Данный метод предполагает выявить основные формы и модели поведения ребенка в различных, но естественных для ребенка условиях: в хорошо знакомых и известных ребенку, а также в новых и проблемных. Анализ поведения ребенка позволяет качественно и количественно оценить особенности мотивационной, когнитивной, эмоциональной и волевой сфер» [5, с. 5]. Данный подход заключается в

включении ребенка в новую игровую ситуацию, которая воссоздает условия успеха и неудачи, а предметность и сюжетность игры позволяет варьировать условия решения тех или иных проблемных ситуаций, а также сложность поставленных задач. В картах наблюдения фиксируется поведение ребенка, после чего оно анализируется на предмет проявлений ВБ [6; 7]. Этот метод позволяет исследовать непосредственно беспомощность, так как направлен не на анализ ее косвенных проявлений, возникающих после или до ситуации проявления ВБ, но на моделирование ситуации непосредственного проявления беспомощности, что позволяет фиксировать не только ее симптомы, но и условия их появления.

Классические проекты исследования ВБ направлены на исследование поведенческих или иных косвенных проявлений беспомощности, рассматривая все сопутствующие ВБ нарушения как систему симптомов. При этом корреляционный подход к выделению этих нарушений не дает возможности однозначно установить связь между диагностируемыми нарушениями и самой беспомощностью. Остается невыясненной природа, как этих симптомов, так и самой беспомощности. Первичность или вторичность так называемых проявлений феномена или нарушений компонентов ВБ практически не обсуждается большинством исследователей. Отсюда невозможность окончательного решения средствами классической модели задач исследования генезиса, функционирования и структуры ВБ.

Развитие теоретических подходов к модели феномена ВБ приводит современных исследователей (и самого Селигмана) к постановке вопроса о функции целеполагания, поисковой активности, внутреннего планирования поведения, а значит, к недостаточности простого каузального объяснения ВБ. Развитие современных моделей феномена беспомощности приводит некоторых исследователей к гипотезе о возникновении ВБ как результата невозможности осуществления поисковой активности [10], а не научения или систематического переживания опыта неконтролируемых неприятных воздействий. С нашей точки зрения, невозможность нахождения решения проблемной ситуации и невозможность прогнозирования – это частные проявления неэффективности ориентировки человека в проблемной ситуации или его дезориентировки. Такая постановка проблемы должна неизбежно сказаться на методах исследования феномена ВБ.

Обзор истории развития теоретических моделей ВБ и методов ее изучения показывает необходимость создания инструментов качественного лонгитюдного исследования, а также процедур анализа ВБ в разных возрастных группах. На

востребованность этих разработок указывает как сам М. Селигман [29], так и другие исследователи [13]. Логика развития рассмотренных в нашей статье методических программ подсказывает нам основное направление совершенствования методов исследования ВБ: расширение учитываемой системы условий развития подопечного с ВБ, предпочтение клинического или генетико-моделирующего методов исследования беспомощности «срезовым» процедурам, изучение проявлений и функционирования ВБ в реальной деятельности, необходимость изучения предыстории развития ВБ в каждом конкретном случае с целью нахождения общих закономерностей (патогенеза). Отчетливо прослеживается давно известная проблема метода «срезов» – принципиальная невозможность изучения генетических корней психического действия из-за недоступности для изучения его опосредствования (или раскрытия системы средств, лежащих в основе этого действия), а значит и невозможность воссоздания психического явления и изучения сложной структуры его ориентировочной основы [5; 10].

Для изучения ВБ требуется целостная методическая система, которой может стать консультативный метод, в культурно-исторической психологии впервые описанного Л. С. Выготским [1, с. 31]. Консультирование в современном представлении — это метод «порождения и управления кризисами развития, координированная организация распада и развития, уникальное сочетание формирования и деформирования в индивидуальных и групповых условиях» [11, с. 204]. Такое методическое сопровождение исследования позволяет: развернуть широкий контекст исследования с «учетом всей предыстории развития и отказом от линейных моделей развития человека», активным включением в анализ множества условий формирования изучаемой проблемы; реализовать метод преодоления ВБ как систему воздействий экспериментатора, предполагающую «существенные (вплоть до кризиса развития подопечного с последующим его преодолением) изменения личности подопечного, а также его окружения», осуществляемую «с учетом зоны актуального и ближайшего развития... а также предполагает одновременное воздействие на социальную ситуацию развития (прямое – через консультирование членов семьи или близких, либо косвенное – через самого подопечного)» [11, с. 203].

Библиографический список:

1. Выготский Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. М.: Изд-во экспер. дефектол. ин-та, 1936. 78 с.
2. Волкова О. В. Принцип эмерджентности как основание разработки принципиально нового подхода к изучению генеза выученной беспомощности // Сибирский психологический журнал. 2018. №68. С. 93-108.
3. Волкова О. В. Особенности развития личности, характеризующейся состоянием выученной беспомощности, на ранних этапах онтогенеза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. №2 (82). С. 397-408.
4. Галажинский Э. В. Социально-психологические проявления личностной беспомощности на различных возрастных этапах / Галажинский Э. В., Циринг Д. А. // Вестн. Том. гос. ун-та, 2010. №339. С.139-142.
5. Гальперин П. Я. Метод срезов и метод поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопросы психологии. 1966. №4. С. 128-135.
6. Забелина Е. В. Результаты исследования феномена беспомощности в структуре интегральной индивидуальности подростка // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2008. № 312. С. 165-169.
7. Залевский Г. В. Диагностика состояния беспомощности в старшем дошкольном возрасте / Залевский Г. В., Завертяева, А. А. // Медицинская психология в России. 2018. № 1. С. 4.
8. Залевский Г. В., Состояние беспомощности у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития и возможности его коррекции / Залевский Г. В., Завертяева, А. А. // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С. 78-90.
9. Залевский Г. В. «Выученная беспомощность» как состояние у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития / Залевский Г. В., Завертяева, А. А. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология. 2016. №1. С. 89-96.
10. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984. 193 с.
11. Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. №1. С. 190-206.

12. Циринг Д. А. Средовая природа личностной беспомощности: результаты эмпирического исследования / Циринг Д. А., Пономарева И. В., Овчинников М. В. // Современные исследования социальных проблем. 2015. №10 (54). С. 283-296.
13. Abramson L. Y. Learned helplessness in humans: critique and reformulation / Abramson L. Y., Seligman M. E., Teasdale J. D. // Journal of Abnormal Psychology. 1978. №87. Pp. 49-74.
14. Burns M. O. Explanatory style across the life span: evidence for stability over 52 years / Burns M. O., Seligman M. E. // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. №56. Pp. 471-477.
15. Fincham F. D. Learned helplessness in humans: A developmental analysis / Fincham F. D., Cain K. M. // Developmental Review. 1986. № 4. Pp. 301-333.
16. Hiroto D. S. Locus of control and learned helplessness // Journal of Experimental Psychology. 1974. №102 (2). Pp. 187-193.
17. Kaslow N. J. Problem-solving deficits and depressive symptoms among children / Kaslow N. J., Tanenbaum R. L., Abramson L. Y. // Journal of Abnormal Child Psychology. 1983. № 11. Pp. 497-501.
18. Klein D. C. Learned helplessness, depression, and the attribution of failure / Klein D. C., Fencil-Morse E., Seligman M. E. // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. №33. Pp. 508-516.
19. Maier S. E. Learned helplessness: Theory and evidence / Maier S. E., Seligman M. E. // Journal of Experimental Psychology: General. 1976. №105. Pp. 3-49.
20. Metalsky G. I. The Attributional Style Questionnaire / Metalsky G. I., Seligman M. E. // Cognitive Therapy and Research. 1982. №6. Pp. 287-299.
21. Nolen-Hoeksema S. Learned helplessness in children: A longitudinal study of depression, achievement, and explanatory style / Nolen-Hoeksema S., Gircus J. S., Seligman M. E. // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. №51 (2). Pp. 435-442.
22. Peterson C. Causal explanations as a risk factor for depression: theory and evidence // Psychological Review. 1984. № 3. Pp. 347 – 374.
23. Peterson C. Depressive symptoms and unprompted causal attributions: content analysis / Peterson C., Bettis B. A., Seligman M. E. // Behaviour Research and Therapy. 1985. №23. Pp. 379-382.

24. Peterson C. Attributions and depressive mood shifts: a case study using the symptom-context method / Peterson C., Luborsky L., Seligman M. E. // *Journal of Abnormal Psychology*. 1983. №92. Pp. 96-103.

25. Riskind J. H. Spontaneous causal explanations in unipolar depression and generalized anxiety: Content analysis of dysfunctional-thought diaries / Riskind J. H., Castellon C. S., Beck A. T. // *Cognitive Therapy and Research*. 1989. №13 (2). Pp. 97-108.

26. Seligman M. E. Learned helplessness // *Annual Review of Medicine*. 1974. № 23. Pp. 407-412.

27. Seligman M. E. On the generality of the laws of learning // *Psychological Review*. 1970. №77 (5). Pp. 406-418.

28. Seligman M. E. Attributional style and depressive symptoms among children / Seligman M. E., Peterson C., Kaslow N. J. // *Journal of Abnormal Psychology*. 1984. № 83. Pp. 235-238.

29. Seligman M. E. Unpredictable and uncontrollable aversive events / Seligman M. E., Maier S. F., Solomon R. L. // *Aversive conditioning and learning*. 1971. №6. Pp. 347-400.

30. Seligman M.E. Depressive attributional style / Seligman M.E., Abramson L.Y., Semmel A. // *Journal of Abnormal Psychology*. 1979. №88. Pp. 242-247.

31. Seligman M.E. Navigating Into the Future or Driven by the Past / Seligman M.E., Railton P., Baumeister R. F. // *Perspectives On Psychological Science: a Journal of the Association For Psychological Science*. 2013. № 8. Pp. 119-141.

32. Seligman M. E, Maier Steven F., Geer J. Failure to escape traumatic shock // *Journal of Experimental Psychology*. 1967. №1. Pp. 1-9.

E. A. Frolov. Methods of studying learned helplessness in preschoolers and younger schoolchildren

Annotation:

The article provides an overview of the main methods of studying the phenomenon of learned helplessness. The main approaches are considered, as well as the influence of theoretical provisions on the choice of methodological tools for studying various aspects of helplessness. An analysis of the development of methodological procedures for studying this phenomenon in preschool and junior school age is being carried out. The basic requirements for the method of studying learned helplessness are justified.

Key words: learned helplessness, personal helplessness, methods of helplessness research.

УДК 159.9.07

С. Ю. Тарасова

Одаренность как личностный ресурс лиц шизоидной личностной организации

Аннотация:

Одаренность рассматривается как личностный ресурс, как способность к творчеству. Основным критерием анализа одаренности была оригинальность, которая определялась путем экспертных оценок вербальной и графической продукции участников исследования. Оригинальность мышления определялась с помощью патопсихологического обследования. Изучалась одаренность как личностный ресурс по результатам патопсихологической диагностики, а также в процессе психологического консультирования.

Ключевые слова: шизоидная организация личности, оригинальность мышления, одаренность, личностный ресурс, анализ клинического случая.

Об авторах: Тарасова Софья Юрьевна, канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии Государственного университета «Дубна», ст. н. с. Психологического института РАО, психолог Центра психосоматической медицины и психотерапии Алвиан, syutarasov@yandex.ru

Проблема одаренности человека сложна. Многие авторы связывают одаренность с уровнем умственного развития, с темпом развития ребенка в онтогенезе. Еще в начале XX века французский психолог Бине разработал способы диагностики уровня умственного развития. Детям разного возраста предлагали краткие стандартизированные задания (тесты) разной степени сложности – для каждого возраста свой набор тестов. Умственный уровень ребенка оценивался по тому, с заданиями для какого возраста он успешно справлялся. Позднее немецкий психолог Штерн предложил для количественной характеристики индивидуального уровня интеллекта применять так называемый интеллектуальный коэффициент (IQ). Однако для определения одаренности IQ недостаточно. Отмечено, что для многих незаурядных в плане умственного развития детей характерна высокая познавательная активность, ненасыщаемая познавательная

потребность. Важны возрастные периоды развития. Переходы от одного этапа к другому, от дошкольного возраста к школьному, от младшего школьного к подростковому являются критическими. Здесь многое может перемениться в еще неокрепшей, невзрослой личности. Важно, чтобы необычно умный ребенок не получал в критические периоды такие психические травмы, которые могут тормозить или исказить его дальнейшее развитие. В критические, кризисные периоды ребенка подстерегает опасность утратить интерес к умственному труду и творческим усилиям. В возможностях ребенка взаимодействуют, образуют единое целое индивидуальное и возрастное, умственное и личностное.

На протяжении XX века термин «одаренность» претерпел изменения. Сегодня его применяют как к детям, так и ко взрослым, которые демонстрируют выдающиеся успехи в какой-либо области. В 20-е годы прошлого века ученые выделили специальные таланты: технический, коммерческий, научно-академический, художественный и социальный (например, учителя). С накоплением опыта понимание одаренности расширяется. Одаренность стали понимать как способность к выдающимся достижениям в любой социально значимой сфере деятельности человека. Это привело к созданию новых концепций интеллектуальной и творческой одаренности. Одной из них стала теория интеллекта Гарднера. Согласно теории Гарднера, существует семь видов интеллекта. Лингвистический интеллект – способность с помощью языка создавать словесный продукт, передавать информацию, «глаголом жечь сердца людей». Музыкальный – способность создавать музыкальные произведения, исполнять их на высоком уровне, получать от музыки эстетическое удовольствие. Логико-математический интеллект – способность манипулировать и анализировать взаимоотношения между символами, знаками, объектами, классифицировать их определенным образом (ученый, математик). Пространственный интеллект – способность представлять и манипулировать объектом в уме, способность создавать пространственные композиции (инженер, архитектор, хирург). Телесно-кинестетический интеллект – способность к ловкости, использованию двигательных навыков на высоком уровне (спортсмен, танцовщица, мастер на заводе). Личностный интеллект включает способность управлять собственными чувствами и использовать это в своей деятельности.

Человек с высоким личностным интеллектом может понимать мотивации и потребности других людей и прогнозировать поведение окружающих (психолог, педагог, политик). Отдельно был выделен такой вид одаренности как творческая, творческое,

продуктивное мышление. Но многие исследователи полагают, что творчество является сутью одаренности, неотъемлемым компонентом любой одаренности. Без творчества нет одаренности. Одна из точек зрения такова, что одаренность – это способность создавать новое, изобретать, синтезировать старое новым, оригинальным образом. Мы понимаем одаренность как способность к творчеству.

Широко используется знаменитая модель структуры интеллекта американского психолога Гилфорда. Эта модель различает пять типов операций: познание, включая восприятие; память; дивергентное мышление как средство порождения оригинальных идей; конвергентное мышление как более линейный вариант мышления; оценочное мышление (механизм сравнения по установленным стандартам и критериям). В отличие от линейного конвергентного мышления, дивергентное мышление направлено на возможное получение ряда правильных ответов. Характеристики дивергентного мышления: беглость, «легкость» мысли (количество мыслей за единицу времени); гибкость – способность хорошо переключаться с одной идеи на другую; оригинальность – способность порождать новые, необычные, нестандартные идеи; точность – способность завершать продукт собственного творчества. Оригинальность мышления иначе называют креативностью.

Одаренность не ограничивается интеллектом. Вспомним о единстве аффекта и интеллекта. Ни одно продуктивное познание невозможно без включения эмоциональной сферы человека. Чтобы мышление было творческим, оно должно быть свободным. Масштаб свободы от косности и догм может быть разным, но всегда, во всех случаях творческого акта происходит создание нового. Мы понимаем единство креативности, оригинальности мышления и чувственного познания как творчество. Это как раз высокая познавательная активность, ненасыщаемая познавательная потребность, удовольствие от познания. На основе модели Гилфорда созданы тесты на креативность. В работах школы Гилфорда рассматривалась связь дивергентного мышления и IQ. Указывается, что связь между дивергентным мышлением и IQ односторонняя. При низком IQ не обнаруживается склонность к дивергентному мышлению. Но высокий IQ не гарантирует наличие высоких показателей дивергентного мышления. Последователь Гилфорда Торранс дополнил понимание креативности. В частности, он говорил, что креативность есть способность к обостренному восприятию недостающих элементов образа, к обостренному восприятию дисгармонии. Поэтому творческий акт включает в себя переживание трудности, поиск возможных решений. На сегодняшний день накоплен богатый опыт использования теста

Торранса. Многие авторы указывают на связь аффекта и интеллекта. Собственно, сами интеллект и креативность зависят от особенностей эмоциональной сферы. В настоящей работе сделана попытка осмыслить применение теста Торранса с учетом опыта психологической диагностики и психологической поддержки. Среди характеристик творческой личности часто упоминают такие черты как: странность и эксцентричность, повышенная чувствительность к несправедливости, повышенное фантазирование.

Нередко не по годам умный или с выдающимися успехами в каком-либо виде деятельности ребенок обладает своеобразием черт личности. Например, дети обнаруживают несвойственную возрасту рефлексивность, рано задумываются о проблемах мироздания и смысле жизни. Могут обнаруживаться психопатические черты. Психопатия не является психическим расстройством в буквальном смысле слова. Это патология характера, при которой человек имеет малообратимую выраженность свойств, мешающих полноценной адаптации в социуме. Такие психопатии Ганнушкин назвал конституциональными. При этом странности в интеллектуальной сфере, в эмоциональной сфере и поведении могут быть самые разные. Возможны случаи, когда своеобразие эмоциональной и волевой сфер практически обесценивает умственные преимущества, по крайней мере в глазах окружающих. Окружающие могут страдать от постоянных конфликтов с одаренным ребенком. Четкой границы между психопатией и нормальным вариантом характера нет. Нет ничего в патологии, чего бы ни было в норме.

Шизоидный тип психопатии характеризуется замкнутостью, скрытностью, снижением эмпатии. Достаточно давно врачи-психиатры обратили внимание на вариант развития личности «ранних дарований» еще не патологический, но уже и не вполне нормальный. Немецкий психиатр Stutte (1967) систематизировал виды нарушенного развития у детей и описал «гениального мальчика», знавшего к четырем годам жизни несколько иностранных языков. Автор назвал такой преждевременный вариант созревания «скороспелым дарованием». Уже в подростковом возрасте таким людям свойственны следующие черты: философствование, поиски смысла жизни; недовольство собственной внешностью, телесностью; сильные немотивированные перепады настроения. В сфере мышления обращает на себя внимание нестандартность, оригинальность, умение решать логические задачи необычным способом. Такую картину развития характера и личности в целом на сегодняшний день называют шизофреноподобной, шизотипической (schizotypy). С точки зрения психиатрии, отчасти этот вариант развития характера и личности приближен к заболеванию шизофренией.

Однако от клинической картины заболевания шизофрении шизоидная организация личности отличается отсутствием так называемой продуктивной симптоматики, а именно бреда и галлюцинаций.

Давно известно, что люди с выдающимся социальным, музыкальным, литературным и художественным творчеством чаще страдают психическими заболеваниями, чем население в среднем. Проблема взаимосвязи одаренности и психических расстройств обсуждается давно, но актуальна и сегодня [30; 15; 6; 5; 8]. Особенно это касается именно заболевания шизофрения. Шизофрения – распространенное психическое расстройство, каждый сотый человек страдает этой болезнью. Нередко страдающие шизофренией люди профессионально и успешно занимаются творчеством. Также есть данные о заболевании шизофренией в семьях выдающихся талантливых личностей. Некоторые эмпирические данные показывают высокий уровень творческих способностей среди родственников первой степени родства пациентов с психотическими заболеваниями [28]. В недавнем эпидемиологическом исследовании определили ученых (академиков) в университетах как людей, которые проявляют «больше творческих способностей», чем обычные люди. По результатам этого исследования, у родственников ученых значительно повышен риск заболеть шизофренией [22]. Обсуждается возможность того, что шизофрения и творчество являются двумя сторонами одного и того же процесса. Ищутся параллели между разными типами шизофрении и разными факторами творчества. Существуют некоторые доказательства того, что разные подтипы шизофреников проявляют разные факторы или типы творческих способностей. Однако результаты исследований креативности при шизофрении разнообразны, возможно, из-за многогранных аспектов креативности и трудностей дифференциации адаптивного творчества от шизотипии.

Особое внимание исследователи уделяют особенностям мышления и памяти страдающих шизофренией, а именно, анализу уровня обобщений [9; 1; 27; 10]. Предполагается, что и творчество, и шизотипия являются проявлениями гиперактивации необычных или отдаленных понятий и/или слов, так называемой легкой актуализации латентных признаков предметов (например, шкаф – замкнутый объем пространства). Еще российский психолог Ю. Ф. Поляков показал, что больные шизофренией в 4 раза чаще правильно решают логические и математические задачи, чем население в среднем. Степень выраженности категориальных и/или функциональных обобщений при шизофрении зависит от степени выраженности когнитивного искажения. Предпочтение

типа обобщения зависит от степени выраженности когнитивного искажения, наличия продуктивной симптоматики. У больных с невыраженным когнитивным искажением в ответах при решении логических задач преобладают обобщения категориального типа. У больных с выраженным когнитивным искажением, например, у больных параноидной шизофренией обнаружен рост числа неадекватных ответов, а именно рост предпочтений обобщений функционального типа [16]. Вероятно, те же самые особенности мышления присутствуют у лиц шизоидной личностной организации, только в менее выраженной степени [36, 3, 11, 34, 20; 21]. Речь идет о континууме развития психопатологии: психическая норма, шизотипия, шизофрения [18].

Современные исследования показали, что у участников исследования с шизотипическим расстройством обнаружена неоднородность ответов по типу категориальных и/или функциональных обобщений, легкая актуализация латентных признаков предметов. Но в отличие от выборки больных шизофренией, участники исследования с шизотипическим расстройством более эмоционально сохранны [2; 13; 32; 14]. Таким образом, если дефект не сильно выражен, легкая актуализация латентных признаков даже помогает правильно и быстро решать задачи. К психическим расстройствам может иметь отношение теория эволюции. Эволюция отражает изменения генов во времени. Шизофрения, вероятно, является древним заболеванием со значительным генетическим компонентом. Возможно, она является побочным продуктом эволюции мозга человека, а также когнитивных функций, языка и творческого, оригинального мышления [30]. То есть, эволюционные силы могут формировать любой фенотип, имеющий генетические корни (genetically rooted) и имеющий долгую историю. Существуют попытки найти «ген шизофрении» (Schizophrenia genetic component), который также отвечает за творчество.

С 1960-х годов исследователи применили эволюционные принципы к изучению шизофрении. Результаты таковы, что шизофрения рассматривается либо как эволюционно выгодное состояние, либо как неблагоприятный побочный продукт нормальной эволюции мозга. Авторы рассматривают основные исторические и современные эволюционные объяснения, которые предполагают возможное происхождение шизофрении [24; 35; 25; 19; 4; 26; 12; 23; 33; 17]. В целом, эволюционные гипотезы связывают парадокс шизофрении с преимуществом выживания, полученным в результате повышения творческих способностей. Возможно такое стечение эволюционных обстоятельств, когда люди шизоидной личностной организации будут более адаптированы, чем население в

среднем.

На эффективную адаптацию человека к какой-либо ситуации направлены личностные ресурсы человека. Мы понимаем личностные ресурсы как систему внутренних свойств человека, проявляющуюся на трех уровнях: индивидуальные свойства организма, индивидуальные свойства психики, и социально-психологические индивидуальные свойства.

Выборка исследования

Нами было проведено исследование 66 взрослых лиц, 36 мужчин и 30 женщин, возраст от 18 до 60 лет. В экспериментальную группу вошли 36 человек, имеющих диагноз «шизотипическое расстройство» (F21) согласно международной классификации болезней МКБ 10. Экспериментальную группу составили 21 мужчина и 15 женщин. Участники исследования в контрольной группе не имели психиатрического диагноза. В контрольную группу вошли 30 человек, имеющих персональные психологические проблемы и обратившихся к психотерапевту за помощью. Контрольную группу составили 15 мужчин и 15 женщин. Критерии включения в исследование: наличие информированного согласия на участие в исследовании. Критерии исключения: психотические проявления, дезорганизация поведения и формальное отношение к исследованию. Участники исследования из экспериментальной группы получали щадящую медикаментозную поддержку. Мишенью психофармакологической коррекции стал повышенный уровень тревожности. Участники из контрольной группы медикаментозной поддержки не получали. Исследование проводилось на базе негосударственного медицинского центра психотерапии г. Москвы.

Цель исследования – изучение проявлений одаренности как личностного ресурса у лиц шизоидной личностной организации по результатам патопсихологической диагностики, а также в процессе психологической реабилитации.

Психодиагностические методы исследования

Патопсихологическое обследование. Использовалось для изучения характера психической деятельности участников исследования и их адаптационных возможностей. Также акцент делался на оригинальности мышления.

Развернутая клиническая беседа. Сбор психологического анамнеза. Использовались для изучения социальной ситуации развития участников исследования и их адаптационных возможностей. Кроме того, мы собирали психологический анамнез у родственников участников исследования, верифицируя таким образом проявления

одаренности участников исследования.

Незаконченные предложения. Использовались для выявления персональных проблем участников исследования. Также акцент делался на оригинальности мышления.

Тест личностной тревожности Спилбергера. Использовался для определения уровня личностной тревожности.

Опросник агрессии Басса-Перри в адаптации С.Н. Ениколопова. Русскоязычная версия опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри содержит следующие шкалы: Физическая агрессия – самоотчет о склонности к физической агрессии в поведении (поведенческий компонент); Гнев – самоотчет о склонности к раздражительности (эмоциональный компонент); Враждебность – шкала, включающая в себя утверждения двух подшкал: Подозрительность и Обидчивость (когнитивный компонент).

Образные субтесты Е. Торранса. Использовались для изучения уровня оригинальности мышления.

Анализ словесной и графической продукции участников исследования (рисунки, дневники, эссе, прочие записи, анимационные ролики). Специалисты, искусствовед и художник, предоставили экспертные оценки проявлений одаренности по 10-балльной шкале. О цели исследования эксперты не знали.

Методы анализа данных. В нашей работе акцент сделан на качественном анализе содержания вербальной или графической продукции участников исследования, проходящем через всю батарею методик. Нас интересовала повторяемость проявлений одаренности и оригинальности мышления в каждой методике. Оригинальность мышления определялась с помощью патопсихологического обследования, субтестов Е. Торранса, незаконченных предложений – такая батарея методик позволяет взаимно проверить результаты.

Проводился корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и анализ межгрупповых различий (критерий U-Манна–Уитни).

Схема исследования

Исследование состояло из трех этапов.

Первый этап заключался в проведении психологической диагностики. Кроме того, диагностику проводил врач-психиатр.

Второй этап заключался в проведении психологической реабилитации по разработанному тематическому плану психологической поддержки.

Третий этап заключался в проведении заключительного этапа психологической диагностики. Врач-психиатр проводил наблюдение в динамике.

Результаты и их обсуждение

По результатам исследования, у всех участников исследования из экспериментальной группы присутствует оригинальность мышления. Мы понимаем оригинальность мышления как легкую актуализацию латентных признаков предметов. Эта особенность мышления обнаруживалась как при помощи классических патопсихологических методик, таких как пиктограмма, исключение лишнего, предметная классификация, сравнение понятий, проективные рисуночные техники, так и при помощи образных субтестов Е. Торранса. При этом части обследуемых из экспериментальной группы с диагнозом «шизотипическое расстройство» врач-психиатр ставил под вопросом диагноз «шизофрения» (F20). В эту группу вошло 14 человек, из них 10 мужчины.

Участников исследования из группы под вопросом шизофрении можно охарактеризовать как эмоционально холодных, со скудными чувствами. Например, они стабильно эмоционально холодно отзывались о собственных близких людях, родственниках, хотя последние, по результатам объективного анамнеза, заботились об обследованных. Участники исследования из экспериментальной группы с однозначным диагнозом «шизотипическое расстройство» показали себя более эмоционально теплыми. Даже при сильной эксцентричности, чудаковатости в поведении они более эмоционально отзывчивы. У участников исследования с персональными проблемами, которые составили контрольную группу, оригинальности мышления не обнаружено. По результатам диагностики с помощью теста Спилбергера и опросника Басса-Перри, не выявлено значимых различий в уровнях личностной тревожности и агрессивности в экспериментальной и контрольной группах. Однако следует отметить, что враждебность у людей шизоидной личностной организации прежде всего качественно иная, чем у населения в среднем.

Согласно экспертному заключению искусствоведа и художника, у 9 участников исследования из экспериментальной группы присутствует одаренность (9-10 баллов). Из них 5 обследованных имели под вопросом диагноз шизофрения. Хотя у них не было продуктивной симптоматики (бред, галлюцинации), они сильно эмоционально холодные в отношении значимых других людей.

Опишем два типичных случая. В первом случае в исследовании участвовала девушка 18 лет с художественными способностями, которая учится в школе дизайна

(добавим, что большинство дисциплин преподается там на английском языке). Эмоционально холодно отзывается о родителях. Присутствует оригинальность мышления (например, «разлука» в пиктограмме – решетка, «печаль» – чашка с дымящимся чаем). Оригинальность мышления проявилась также в комментарии к стимулу «война» в пиктограмме – «обглоданная кость как голод и смерть» (нарисовала пустой холодильник и кость). На стимул «счастье» нарисовала кровать и прокомментировала, что «счастье – это легко подниматься по утрам». Общее между ежиком и молоком видит в том, что «если ежика раскрошить в труху – будет жидкость»; различаются тем, что «еж статичный, молоко принимает различные формы». В ответ на стимульное словосочетание «кровь и керосин» отвечает, что «из них можно сделать бассейн, все норм, но цвет и затратность разные». Кровь и керосин различаются тем, что «керосин лучше горит».

Во втором случае в исследовании участвовал мужчина 35 лет, инженер. Эмоционально холодно отзывается о жене. В методике пиктограмма на стимул «разлука» нарисовал текущую воду и камень и пояснил, что «вода разлучается с землей». Для запоминания стимула «печаль» изобразил «Роденовского мыслителя». Для запоминания стимула «война» нарисовал шахматы, которые видел в Историческом музее, и пояснил: «война – путь обмана, обман – путь войны, древнекитайская мудрость». Для запоминания стимула «власть» изобразил Макиавелли. При выполнении методики «классификация предметов» выделил отдельно глобус, «он самый важный, он олицетворяет мир», а посуду назвал «царством сосудов».

Согласно заключению экспертов, в контрольной группе одаренных не выявлено.

Оказание индивидуальной психологической помощи

Мы оказывали психологическую помощь как участникам исследования из экспериментальной группы, так и участникам исследования из контрольной группы. Но так как в контрольной группе одаренность выявлена не была, в реабилитационной работе с контрольной группой сложнее опираться на творчество. По этой причине мы не сравниваем результаты коррекции в экспериментальной и контрольной группах. Тем не менее, врач-психиатр, который проводил динамическое наблюдение участников исследования и в экспериментальной, и в контрольной группе, отмечал положительную динамику в контрольной группе в 50% случаев. Отрицательная динамика не отмечена.

Мы работали с пациентами по ориентировочному тематическому плану, который в каждом конкретном случае превращается в индивидуальную программу психологической реабилитации. Такая психологическая помощь возможна только при отсутствии

продуктивной симптоматики (бред, галлюцинации), под наблюдением врача-психиатра. Перечислим принципы работы с экспериментальной группой, то есть с лицами с шизоидной личностной организацией.

Основная цель психологической реабилитации: оказание поддержки лицам шизоидной личностной организации и формирование у них адекватного понимания и отношения к особенностям своего характера.

Основные задачи психологического сопровождения:

- повышение уровня социальной адаптации лиц шизоидной личностной организации;
- снижение уровня тревожности;
- снижение уровня агрессивности, формирование адекватного уровня агрессивности.

Важным принципом работы является учет актуального психического состояния клиента-пациента на каждой встрече, учет его жизненных событий, обстоятельств.

В настоящем исследовании курс индивидуального психологического консультирования лиц шизоидной личностной организации продолжался 5-6 месяцев. Можно выделить следующие этапы.

1. Знакомство с историей жизни клиента-пациента, сбор субъективного и объективного психологического анамнеза. Субъективный анамнез собирается со слов самого участника исследования, объективный – со слов его родственников.

2. Патопсихологическое обследование, психологическая беседа с включением проективных методик, с учетом обследования врача-психиатра. Опросник агрессии Басса-Перри. Тест личностной тревожности Спилбергера. При необходимости специалист рассказывает участнику исследования и/или его родным о том, какие задачи способна решать психология (например, помощь в сложных жизненных ситуациях). Предоставление информации о том, какие бывают характеры людей. Предоставление информации о том, как понимают высокие способности и одаренность.

3. Продолжение диагностики и консультирование в русле каузальной психотерапии. Взаимодействие с клиентом-пациентом строится в парадигме гуманистического подхода. Основная техника – эмпатическое слушание.

4. Использование материала художественного творчества. Спонтанное рисование и лепка. Музыкальные ассоциации. На этом этапе важно соблюдать принцип принятия клиента-пациента, чтобы укрепить сложившийся рабочий альянс.

5. Обсуждение и (или) невербальная проработка тем: «мой обычный день», «мои желания», «человек, которого я люблю», «человек, которого я не люблю», «человек, которого я уважаю», «мое прошлое» и т.д. Следует учитывать собранный психологический анамнез. Мы уделяем внимание сложным жизненным ситуациям, в которые попадал клиент-пациент: утрата работы, конфликты на почве ревности, конфликты в уголовно-правовой сфере, моббинг и буллинг, семейные конфликты, разрыв любовных отношений, несостоятельность в индивидуально-значимой сфере и др. Важно, что это не просто субъективно значимые события, а объективно психотравмирующие факторы.

6. Обсуждение и/или невербальная проработка тем: «я – реальное, я – идеальное», «я в прошлом, настоящем и будущем», «человек, которого я боюсь», «два настроения». Рисунки «я в виде оружия», «я в виде ювелирного изделия». Можно затронуть темы «конфликт», «восприятие счастья», «восприятие несчастья». Но эти темы требуют большой осторожности.

7. Сочинение на тему «Личный сценарий ужаса». Попытка выяснить и сформулировать, каким образом клиент-пациент справляется со страхами, как он их контролирует, как он с ними «дружит». Здесь также важно эмпатически разделить с участником исследования его переживания.

8. Промежуточная диагностика, наблюдение врача-психиатра. Психологу следует обратить пристальное внимание на состояние защитных механизмов личности.

9. Проективные методики «я через 10 лет», «я через 5 лет», «моя мечта», «моя цель». Очень важно учитывать индивидуальные особенности клиента-пациента, наличие поддержки со стороны значимых других людей, родных, членов семьи, протроенность временной перспективы, наконец, просто возраст.

10. Мифодрама, сочинение истории о себе. История должна носить несколько парадоксальный, интригующий характер, должна содержать психологическую ситуацию, подобную той, которую приходится или приходилось преодолевать клиенту-пациенту. Это могут быть истории расставания с любимыми людьми, поиск интересных увлечений и занятий, проблемы самореализации в профессии и многое другое.

11. Заключительный этап диагностики. Оценка уровня тревожности и степени выраженности агрессивных тенденций с помощью теста Спилбергера и опросник Басса-Перри.

12. Заключительная консультация самого клиента-пациента и его родственников, близких по всему циклу занятий.

Опишем случай девушки 29 лет из группы одаренных участников исследования. Она входит в группу, в которой врач-психиатр поставил однозначный диагноз «шизотипическое расстройство» без шизофрении под вопросом. То есть, эмоциональная сфера участницы исследования характеризуется теплотой. Девушка окончила ВГИК, педагоги отмечали у нее высокие учебные успехи, ведет страничку с графическими рисунками ВК. Успешна в профессиональной деятельности, которая связана с анимацией. Увлекается танцами, классической аутогенной тренировкой, отлично владеет английским языком. Опишем результаты патопсихологического обследования. Умственное развитие соответствует полученному образованию. Можно отметить богатый словарный запас. Присутствует оригинальность мышления. При выполнении методики «классификация предметов» отдельно положила бабочку и назвала группу «то, что летает». Общее между подушкой и небоскресом видит в том, что можно спать на крыше, «романтика», облака похожи на подушку. Общее между осью и осой видит в том, что «оса летает по прямой;

слова похожи». Общее между совой и корзиной в том, что сова несет корзину, как в мультфильме. Согласно мнению экспертов, в образных субтестах Е. Торранса проявился свойственный участнице исследования собственный анимационный стиль рисования.

Приведем примеры методики «незаконченные предложения»: «знаю, глупо, но боюсь общаться с незнакомыми людьми», «лучше всего мне работать с другом, пусть даже воображаемым», «когда я вижу женщину вместе с мужчиной, мне становится одиноко», «будущее кажется мне далеким, нереальным». Мишенью психологической коррекции стали повышенная тревожность, проблемы самооценки и Образа Я. В процессе психологической реабилитации обсуждались и невербально прорабатывались темы: «мой обычный день», «мои желания», «мое прошлое», «я-реальное, я-идеальное» и др. Кроме того, мы консультировали мать девушки по всему курсу занятий, особенно по теме выражения

гнева и раздражения. Приведем примеры рисунков «я в виде ювелирного изделия», «я реальное и я идеальное» в процессе психологической реабилитации (рис. 1-2).

Рисунки 1-2. Рисунки участницы исследования «я в виде ювелирного изделия», «я реальное и я

идеальное» в процессе психологической реабилитации.

Динамику состояния участников исследования оценивал лечащий врач-психиатр. По результатам исследования, у всех 9 одаренных (9-10 баллов, согласно заключению экспертов) участников исследования из экспериментальной группы врач-психиатр отмечает выраженную положительную динамику. Из них 5 эмоционально холодных остались эмоционально холодными в отношении значимых других людей, но собственное эмоциональное состояние стали оценивать существенно лучше. По самоотчету данных 5 участников исследования, положительные эмоции стали преобладать над отрицательными, стали видеть свое будущее более положительно, простроилась временная перспектива. Данная информация взята из заключения лечащего врача-психиатра. У менее одаренных участников исследования (менее 9 баллов) из экспериментальной группы врач-психиатр определил положительную динамику в половине случаев, выраженная положительная динамика не отмечена врачом ни у кого. Также в экспериментальной группе не отмечена отрицательная динамика. В экспериментальной группе уровень враждебности по результатам методики Басса-Перри понизился статистически значимо ($p=0.05$), уровень тревожности по результатам теста личностной тревожности Спилбергера понизился статистически значимо ($p=0.03$). При этом как на первом этапе психологической диагностики, так и на заключительном этапе психологической диагностики показатели враждебности положительно коррелируют с показателями личностной тревожности ($r = 0,41, p < 0,05$ и $r = 0,36, p < 0,05$ соответственно).

В контрольной группе картина тревожности-агрессивности по опросным методикам сходная. Уровень враждебности по результатам методики Басса-Перри понизился на уровне тенденции ($p=0.08$), уровень тревожности по результатам теста

личностной тревожности Спилбергера статистически значимо не изменился. При этом как на первом этапе психологической диагностики, так и на заключительном этапе психологической диагностики показатели враждебности положительно коррелируют с показателями личностной тревожности ($r = 0,37$, $p < 0,05$ и $r = 0,39$, $p < 0,05$ соответственно).

Существуют различные попытки междисциплинарных исследований шизофрении и шизотипии. В настоящее время из психологии в психиатрию пришла идея, что психотические мысли и чувства считаются обычным переживанием среди населения в целом. Такие переживания статистически широко распространены, поэтому просто не могут отражать именно патологию. Одно и то же качество может выступать и здоровым, и патологическим. Но важно, на каком этапе шизофренического континуума находится личность. При тяжелом параноидном варианте шизофрении «ключевыми» нарушениями являются нарушения в планировании деятельности, решении проблем. Говорить о продуктивной деятельности в случае параноидной шизофрении, при наличии бреда и галлюцинаций, трудно. Но при шизотипии не достигающей степени болезни именно оригинальность мышления может помогать адаптироваться к какой-либо ситуации. Можно в этой связи говорить об эволюционных преимуществах психоза. Поэтому имеет смысл попытаться изучить поведенческие, генетические, визуальные и психофармакологические маркеры здорового выражения психотических черт. Шизофрения и шизотипия так или иначе связаны с эволюционным процессом человека.

Помимо попытки найти «ген шизофрении», существуют попытки найти изменения мозгового субстрата при шизофрении. Ряд авторов увязывает это с нарушениями лобно-височно-теменной области в мозгу [37]. С другой стороны, результаты исследований биологических, нейрофизиологических и генетических коррелятов шизофрении противоречивы [20; 21; 29]. Есть гипотеза, что «ген шизофрении» как генетическая основа собственно психоза и «ген шизотипии» (schizotypal genetic component) могут различаться [7]. Мы склонны считать, что шизофрения и творчество являются двумя сторонами одного и того же процесса. Возможно даже, что наличие шизотипии оптимально для творческой самореализации личности. При шизотипии есть «хорошая» оригинальность мышления в отличие от населения в целом и нет выраженного психоза в отличие от больных шизофренией.

Если говорить об одаренности как способности к творчеству, важную роль играют эмоциональные нарушения, эмоциональные изменения личности. Даже редуцированные, в анамнезе, бред и галлюцинации могут мешать творчеству. Или творчество при наличии бреда будет носить болезненный характер. До сих пор историки литературы, культурологи, психологи ведут дискуссии, а не убил бы кого-нибудь Ф. М. Достоевский, если бы не написал «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых»? Был ли написавший «Лолиту» Набоков педофилом? В этом сила художественного образа, литературного таланта. Однако многим читателям произведения вышеназванных писателей кажутся болезненными, неприятными. По нашему опыту оказания психологической поддержки больным шизофренией, они тоже бывают одаренными. Но их творчество выглядит эмоционально измененным, пугает. Приведем пример рисунка больной шизофренией, чье художественное творчество, согласно мнению искусствоведа и художника, представляют художественную ценность (рис. 3). Рисунок отражает бредовую

идею воздействия пациентки – большая черная собака.

Рисунок 3. Пример графической продукции больной шизофренией

Насколько болезненное и пугающее творчество имеет право называться творчеством? Ведь оно может «заразить» какого-либо эмоционально неустойчивого человека собственной болезненностью. Возможно, это философский вопрос. Нам ближе «здоровое» творчество, при этом мы

понимаем: нет ничего в патологии, чего бы ни было в норме.

Мы пришли к выводу, что вместо того, чтобы сосредотачиваться только на патологии, будущие исследования должны изучить поведенческие, генетические, визуальные и психофармакологические корреляты, которые определяют здоровое выражение психотических черт. Такие исследования могут дать информацию о защитных или компенсаторных механизмах психоза и могут дать нам полезную информацию об эволюционных преимуществах психоза. Будущее за междисциплинарными исследованиями, методологически основанными на психологии.

Выводы:

1. В эмпирическом исследовании показано, что одаренность взаимосвязана с шизоидной личностной организацией.
2. Одаренность является личностным ресурсом при психологической реабилитации лиц шизоидной личностной организации.
3. Подобно методикам классического патопсихологического обследования образные субтесты Е. Торранса выявляют оригинальность мышления и психопатологию у лиц шизоидной личностной организации. Этот факт может быть использован при профессиональной подготовке клинических психологов.

Библиографический список:

1. Acosta H. Schizotypy and mentalizing: An fMRI study / Acosta H., Straube B., Kircher T. // *Neuropsychologia*. 2019. №124. Pp. 299-310.
2. Barrantes-Vidal N. The role of schizotypy in the study of the etiology of schizophrenia spectrum disorders / Barrantes-Vidal N., Grant Ph., Kwapil Th. // *Schizophr Bull*. 2015. №2. Pp. 408-416.
3. Bora E. Theory of mind and schizotypy: A meta-analysis // *Schizophr Res*. 2020 №222. Pp. 97-103.
4. Brüne M. Schizophrenia-an evolutionary enigma? // *Neurosci Biobehav*. 2004. №28 (1). Pp. 41-53.
5. Charlier P. Schizophrenia: Four Examples of Historical Retrospective // Charlier P., Deo S. 2018. №44 (6). Pp. 55-57.
6. MacCabe J H. Artistic Creativity and Risk for Schizophrenia, Bipolar Disorder and Unipolar Depression: A Swedish Population-Based Case-Control Study and Sib-Pair Analysis / MacCabe J H., Sariaslan A., Almqvist C. // *Br J Psychiatry*. 2018. №212 (6). Pp. 370-376.
7. Cohen Al. Schizotypy as an organizing framework for social and affective sciences / Cohen Al., Mohr Chr., Ettinger Ulr. // *Schizophr Bull*. 2015. №41 (2). Pp. 427-435.
8. Dalglish M. Art-making and Lived Experience of Schizophrenia: A Vitalist Materialist Analysis Arts // *Health*. 2019. №11 (1). Pp. 26-37.
9. Ettinger Ulr. Cognition and brain function in schizotypy: a selective review / Ettinger Ulr., Mohr Chr., Gooding D. // *Schizophr Bull*. 2015. №41 (2). Pp. 417-426.

10. Flückiger R. The interrelationship between schizotypy, clinical high risk for psychosis and related symptoms: Cognitive disturbances matter / Flückiger R., Michel Ch., Grant Ph. // *Schizophr Res.* 2019. №210. Pp. 188-196.
11. Giakoumaki St. Emotion processing deficits in the different dimensions of psychometric schizotypy // *Scand J Psychol.* 2016. №57 (3). Pp. 256-270.
12. Giotakos O. Persistence of psychosis in the population: The cost and the price for humanity // *Psychiatriki.* 2018. №29 (4). Pp. 316-326.
13. Horan W. Affective traits in schizophrenia and schizotypy / Horan W., Blanchard J., Clark L. // *Schizophr Bull.* 2008. №34 (5). Pp. 856-874.
14. Pflum M. Hint, hint: theory of mind performance in schizotypal individuals / Pflum M., Gooding D., White H. // *J Nerv Ment Dis.* 2013. №201 (5). Pp. 394-399.
15. Kar N. Psychosis, Creativity and Recovery: Exploring the Relationship in a Patient / Kar N., Barreto S. [Электронный ресурс] // *BMJ Case Rep.* 2018. №43 (3). Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5926603/> (дата обращения: 19.03.2022).
16. Karagiannopoulou L. Cognitive profiles of schizotypal dimensions in a community cohort: Common properties of differential manifestations / Karagiannopoulou L., Karamaouna P., Zouraraki Chr. // *J Clin Exp Neuropsychol.* 2016. №38 (9). Pp. 1050-1063.
17. Kelemen Og. Schizophrenia and evolutionary psychopathology / Kelemen Og., Kéri Sz. // *Psychiatr Hung.* 2007. №22 (5). Pp. 333-43.
18. Yanqing Li L. Differential emotional abnormalities among schizotypy clusters / Yanqing Li L., Fung Chr., Moore M. // *Schizophr Res.* 2019. №208. Pp. 285-292.
19. Mistry S. The use of polygenic risk scores to identify phenotypes associated with genetic risk of bipolar disorder and depression: A systematic review / Mistry S., Harrison J., Smith D. // *J Affect Disord.* 2018. №234. Pp. 148-155.
20. Mohr Chr. An Overview of the Association between Schizotypy and Dopamine / Mohr Chr., Ettinger Ulr. // *Front Psychiatry.* 2014. №19 (5). P. 184.
21. Mohr Chr. Schizotypy – do not worry, it is not all worrisome / Mohr Chr., Claridge G. // *Schizophr Bull.* 2015. №41 (2). Pp. 436-443.
22. Parnas J. Schizophrenia and Bipolar Illness in the Relatives of University Scientists: An Epidemiological Report on the Creativity-Psychopathology Relationship / Parnas J., Sandsten K., Vestergaard Cl. // *Front Psychiatry.* 2019. №2 (10). P. 175.
23. Polimeni J. Evolutionary perspectives on schizophrenia / Polimeni J., Reiss J. // *Can J Psychiatry.* 2003. №48 (1). Pp. 34-39.

24. Power R. Polygenic risk scores for schizophrenia and bipolar disorder predict creativity / Power R., Steinberg St., Bjornsdottir G. // *Nat Neurosci.* 2015. №18 (7). Pp. 953-955.
25. Pearlson G. Schizophrenia, psychiatric genetics, and Darwinian psychiatry: an evolutionary framework / Pearlson G., Folley Br. // *Schizophr Bull.* 2008. №34 (4). Pp. 722-733.
26. Rybakowski J. Psychopathology and creativity / Rybakowski J., Klonowska P., Patrzala A. // *Psychiatr Pol.* 2006. №40 (6). Pp. 1033-1049.
27. Sahakyan L. Moving beyond summary scores: Decomposing free recall performance to understand episodic memory deficits in schizotypy / Sahakyan L., Kwapil Th. // *J Exp Psychol Gen.* 2018. №147 (12). Pp. 1919-1930.
28. Sandsten K. Creativity and psychosis / Sandsten K., Nordgaard J., Parnas J. [Электронный ресурс] // *Ugeskr Laeger.* 2018. №180 (32). Режим доступа: <https://ugeskriftet.dk/videnskab/kreativitet-og-psykose> (дата обращения: 19.03.2022).
29. Sampedro Ag. Neurocognitive, social cognitive, and clinical predictors of creativity in schizophrenia / Sampedro Ag., Peña J., Ibarretxe-Bilbao N. // *J Psychiatr Res.* 2020. №129. Pp. 206-213.
30. Srinivasan S. Genetic Markers of Human Evolution Are Enriched in Schizophrenia / Srinivasan S., Bettella Fr. & Mattingsdal M. // *Biol Psychiatry.* 2016. №80 (4). Pp. 284-292.
31. Son Sh. Creativity and positive symptoms in schizophrenia revisited: Structural connectivity analysis with diffusion tensor imaging / Son Sh., Kubota M., Miyata J. // *Schizophr Res.* 2015. №1-3. Pp. 221-226.
32. Statucka M. Facial affect recognition and social functioning among individuals with varying degrees of schizotypy / Statucka M., Walder D. // *Psychiatry Res.* 2017. №256. Pp. 180-187.
33. Thys E. Creativity and psychiatric disorders: exploring a marginal area / Thys E., Sabbe B., De Hert M. // *Tijdschr Psychiatr.* 2012. №54 (7). №413-425.
34. De Wachter O. Social dysfunction in schizotypy / De Wachter O., De La Asuncion J., Sabbe B. // *Tijdschr Psychiatr.* 2016. №58 (2). Pp. 114-21.
35. Wang D. The Association Between Schizophrenia Risk Variants and Creativity in Healthy Han Chinese Subjects / Wang D., Guo T., Guo Q. [Электронный ресурс] // *Front Psychol.* 2019. №10. Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02218/full> (дата обращения: 19.03.2022).

36. Wastler H. Cognitive and Affective Theory of Mind in Positive Schizotypy: Relationship to Schizotypal Traits and Psychosocial Functioning / Wastler H., Lenzenweger M. // *J Pers Disord.* 2020. №12. Pp. 1-16.

37. Zouraraki Chr. Schizotypy-Independent and Schizotypy-Modulated Cognitive Impairments in Unaffected First-Degree Relatives of Schizophrenia-spectrum Patients / Zouraraki Chr., Karamaouna P., Karagiannopoulou L. // *Arch Clin Neuropsychol.* 2017. №32 (8). Pp. 1010-1025.

S. Yu. Tarasova. Talent as a personality resource of people with schizotypal personality

Talent is considered as a personality resource. We see talent as aptitude for creative activity. The main consideration in the analysis of talent was originality determined by experts as a result of their assessment of the participants' verbal and graphic production. Originality of thinking was determined via the pathopsychological test. Talent as a personality resource was examined based on pathopsychological diagnostics, as well as in the process of psychological counseling. Methodological basis of the research lies in the classic theory of human characters. It also includes Guilford's Structure of Intellect. For the purpose of the research pathopsychological test, Torrance figurative subtests, incomplete sentences, analysis of the participants' verbal and graphic production, Buss-Perry Aggression Questionnaire, Spielberg's State-Trait Anxiety Inventory were carried out. Art specialists – an art expert and a painter – provided expert assessment of the participants' talent on a 1 to 10 scale.

The empirical research has shown the interconnection between a schizotypal personality and talent. Torrance figurative subtests reveal originality of thinking and psychopathology as do methods of classic pathopsychological test. For people with schizotypal personality talent acts as a resource in the process of psychological rehabilitation. Aptitude for creative activity as a personality resource can be used a basis for psychological support of people with schizotypal personality. We have developed, tested and implemented a thematic plan for the psychological support of people with schizotypal personality. For each patient the plan transforms into an individual rehabilitation programme. The results of empirical research can be used in training of clinical psychologists. During research-based learning clinical psychology students learn how to identify talent in schizotypal personality. This is important for clinical psychologist qualification.

Keywords: schizotypal personality; originality of thinking; talent; personality resource; clinical psychology students; learning in the workshop; clinical case analysis.

УДК 159.9.07

Э. М. Богачук

Мультипликация и детское развитие

Аннотация:

В статье описаны подходы к проблематике мульткультуры и пониманию ее роли и места в детском развитии и воспитательном процессе. Также представлены результаты исследования родительских позиций в понимании направлений воспитательных усилий при ознакомлении детей-дошкольников с содержанием анимации, а также способы ориентировки самих детей в содержании мультфильмов.

Ключевые слова: мультфильмы, детское развитие, мульткультура как цель и средство детского развития, совместная деятельность.

Об авторе: Богачук Эмилия Михайловна, студентка 5-го курса кафедры клинической психологии Государственного университета «Дубна», эл. почта: morkovkamilya@gmail.com

Научный руководитель: Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна», v_hoziev@mail.ru

Мульткультура как область искусства представлена большим количеством жанровых ответвлений. Мультфильмы имеют особую распространенность в детском сообществе. Это связано с тем, что анимация легка и доступна для восприятия, так как поверхностность и абстрактность создаваемого мультипликацией образа, и способ художественного повествования позволяет сориентировать даже маленького зрителя на важные обстоятельства сюжета. Большое количество мультиков в обыденной жизни ребенка приводит к тому, что именно через мульткартины происходит освоение смыслов (сюжетных линий, мизансцен), языка (художественного диалога), паттернов поведения и эмоциональности героев.

Однако при всех плюсах, которые включают в себя мультфильмы, есть и отрицательные моменты, которые вызывают сомнения и беспокойство, как со стороны родителей, так и психологов. Примером подобного влияния является детская ажитация, отчетливое застревание в шаблонах языка и речевых стереотипах героев, а также диверсия художественного вкуса ребенка (когда дети не заинтересованы в просмотре чего-либо нового и останавливаются на постоянных повторах понравившихся мультфильмов). Также могут отмечаться агрессивные формы поведения, что в своей работе описал А. Бандура.

Таким образом, мультфильмы – это актуальная и проблемная тема для психологического сообщества, т.к. они широко распространены и имеют значимость в контексте детского развития. Чтобы проследить и обозначить внутренние связи и закономерности данной темы, выделить значимые маркеры как для родителей, так и специалистов, нами было проведено исследование, из которого удалось выделить значимые основания обозначенной проблематики.

Прежде стоит отметить, что мультипликация – это не просто способ занять ребенка, который дает возможность родителю решить свои задачи, это средство, которое может быть использовано в контексте развития и становления личности ребенка. В частности, в статье Никуловой И. С., Шишкиной К. И. авторы подчеркивают, что мультфильмы способны оказывать влияние на паттерны поведения детей и вызывать агрессию, жестокость и т. п. [3]. В результате, почти каждый младший школьник проявляет средний уровень агрессивности, который является нормативным. Таким образом, агрессия действительно достаточно часто встречается и является актуальной темой для рассмотрения. Но анкетирование не всегда является качественной методикой исследования, т.к. ответы детей могут зависеть напрямую от настроения и желания участвовать в опросе.

Встречаются ситуации, когда ребенка заставляют проходить опрос, из-за чего возникает формальное отношение к данной процедуре, и задача выполняется, чтобы сделать, а не показать свое мнение. Для нас более значимыми и репрезентативными являются личные беседы с детьми. Мы не наблюдаем прямой связи между мультфильмом и дальнейшими паттернами поведения. Есть достаточно большое количество различных сфер жизни у ребенка, которые могут влиять на его уровень агрессии. Следовательно, нужно учитывать не только мультипликацию, а еще и социальную ситуацию развития и увлечения ребенка. Поэтому для более глубоких характеристик траекторий детского развития нужно личное взаимодействие с ребенком.

В статье Кривули Н. Г. «*«Страшные» мультфильмы современной анимации»* прослеживается связь с проблематикой места мульткультуры в жизни ребенка [1]. Здесь мультипликация представлена сразу с нескольких сторон. Прежде – мультфильмы достаточно часто создают такие образы, которые способны повлиять на формирование страхов и тревог. Подобную тенденцию мы можем заметить и в отечественных, и в зарубежных мультфильмах. Интересно, что мульткультура может помогать детям избавляться от фобий, которые появлялись из-за неосторожных высказываний родителей или персонажей из сказок. Например, взрослый читал ребенку сказку, где в одной из главных ролей баба Яга – образ часто таинственный и пугающий. Этот образ напугал дошкольника. Позже родитель, будучи неосторожным, сказал, что этот персонаж заберет ребенка к себе в избушку, если он не ляжет спать. Для взрослого понятно, что это лишь уловка, но дети это могут воспринять иначе, потому что часто им кажется, что образы реальны. Стоит отметить, что то же самое мы встречали в наших интервью, когда ребенок думал, что в «Простоквашино» действительно живут кот Матроскин, дядя Федор и пес Шарик.

Далее – мультипликация регулярно использует образы различных существ, которые в фольклоре чаще всего «плохие», и нередко разворачивает различные сюжеты в данной области, как бы операционализируя зло. Возможно, что подобный подход может сгладить детский аффект от знакомства с непривычными фигурами. Но возникает следующий вопрос: не может ли подобное художественное преобразование исказить образ, например, человеческого тела в глазах ребенка? Скорее всего, такую вероятность мы не должны исключать, поэтому мультфильмы с различными необычными персонажами кажутся логичнее показывать на более старших возрастных этапах, чем в раннем детстве и дошкольничестве. Таким образом, мы не отрицаем, что мульткультура может сглаживать некоторую тревожность, касающуюся именно страшных образов, с которыми ребенок познакомился в каких-либо источниках. Однако взрослый все равно должен находиться рядом и разворачивать диалоговую форму обсуждения для прояснения смысла происходящего и ориентировки ребенка в сюжете и деталях художественных образов. Также важно не упускать то, что детские страхи и фобии обычно имеют более глубокое и сложное содержание, поэтому многие аспекты тревожности не сгладятся, даже если дети будут смотреть мультфильмы.

В статье Мордвиновой М. С. мультфильмы представлены как возможное средство влияния на формирование дружелюбия и коммуникабельности у дошкольников [2]. Автор

подчеркивает, что многие анимации оказывают положительное влияние на детей, т.к. демонстрируют правильные и добрые взаимоотношения между персонажами, учат нравственности и в них отсутствует агрессия. Обращается внимание на то, что дошкольники в определенный момент очень восприимчивы к простым и понятным средствам общения и многое заимствуют из мультфильмов, что учит их коммуникабельности и доброте. Подобную тенденцию мы наблюдали и в наших интервью. Например, опрошенные нами родители дошкольников отмечали, что примерно в возрасте 3-х лет ребенок начинает активно перенимать модели поведения, фразы и различные художественные детали из мультфильмов. Нередко дети начинают изучать окружающий мир тем способом, который был показан в мультфильмах. При этом достаточно часто детьми заимствуются отрицательные аспекты и моменты поведения героев, их речи, мотивов поступков и др.

Очевидно, что сами по себе мультфильмы, несмотря на их могущие быть высокими художественные и нравственные достоинства, отдельно от совместной познавательной деятельности со взрослым вряд ли полноценно могут оказывать положительное влияние и реализовывать становление понятий добра и зла, правды и лжи, подлинности или имитации. Мультипликация сама по себе (без взрослого) не может являться средством личностного развития ребенка в раннем возрасте, так как идея, которая заложена в них, не всегда открыта, проста и доступна. Поэтому траектория, по которой пойдет ребенок один при освоении данного смыслового пространства, во многом будет стихийной. Скорее всего, надеяться на случай в процессе развития и становления личности не стоит, потому что последствия могут быть самыми разными. Мы можем вспомнить историческую коллизию с Сенекой и его учеником Нероном, в ходе воспитания которого наверняка содержание было самой высшей нравственной пробы, равно как и сами методы общения и обучения, но вот конечный результат оказался чудовищным.

В различных исследованиях мультфильмы выступают одним из средств, которые занимают значимое место в жизни ребенка и оказывают влияние на его развитие и становление. Нередко мульткартины и красочные фильмы используют как способ ориентировки детей в ходе их лечения, в качестве рекламы, а также как средство для преодоления языкового барьера. В статье Хейден М., Мевкус Х., Хейде Х., Росмален Й., Ас С., Дейк М. поднимается проблема преодоления болевых ощущений в процессе медицинских процедур. Исследователи пытались ответить на вопрос, может ли анимация отвлечь ребенка и сгладить эффект врачебного вмешательства (использовался

мультипликационный фильм «Чип и Дейл») [4]. В результате оказалось, что мультфильмы никак не влияли на «снижение боли и дистресса». Экспериментаторы отдельно отмечали феномен привлекательности мульткартин, потому что несмотря на отсутствие эффективности для решения поставленной задачи, взгляды детей в большинстве случаев были прикованы к экранам.

В статье Варяш Г. Р., Гил Дж. А., Косинский Л. Р., Чиу Д. и Шиллер Дж. Р. мультфильмы использовались в медицинской сфере для ориентировки людей и повышения осведомленности в предстоящих болезненных процедурах [7]. По результатам работы стало понятно, что мульткартины действительно дают возможность объяснить основную суть вмешательства специалистов в организм. Хотя на знание врачебного дела это повлияло незначительно (на малый процент выборки), что сами исследователи считают несущественным.

В статье Келли Б., Хатгерсли Л., Кинг Л., Флуд В. представлена проблема ожирения детей в Австралии [5]. Мультфильмы нередко выступают средством рекламы, где демонстрируют фаст-фуд и то, как любимые герои детей едят вредную еду. По результатам анализа, агитация мультяшных персонажей действительно стала одним из условий, которое влияло на пищевое поведение ребенка. Это выразалось в том, что начинались просьбы покупки того или иного продукта и игрушек, которые были представлены в рекламе. И поскольку рекламируемая пища была «вредной», то у детей шел стремительный набор веса.

Таким образом, даже из ряда исследований видно, что мультфильмы могут быть использованы в психологическом дискурсе с различных сторон, но существенного сосредоточения на развитии компоненте и комплексном анализе родительского подхода к подбору и включению анимации в понимание и выстраивание динамики личности ребенка не отмечалось. Это связано с тем, что у отечественных экспериментаторов в центре традиционно стоит задача понимания влияния смысла мульткартин (по сути – искусствоведческая задача), а у зарубежных коллег анимация выступает либо средством, с помощью которого влияют на восприятие детей, либо как техническая возможность преодолеть незнание и отсутствие ориентировки в определенной, но узкой области.

При этом, конечно, есть исключения из этих правил. Например, статью Дж. Вандона стоит рассмотреть отдельно. Автор представляет мультфильм как стилистическую возможность показать, что такое пожилой возраст, какие в нем есть

сложности, болезни, переживания и каким образом вообще представлена жизнь в этот возрастной период [6]. Благодаря этой картине затрагиваются проблемные темы для общества, дается ориентировка и возможность понять, что пожилой человек – это все еще значимый и важный близкий родственник, а не «закрытая книга» и забытое прошлое. Такие проекты тронут не всех, но, тем не менее, мультфильм заставляет нас остановиться и задуматься о том, что действительно значимо в контексте обыденных ценностей.

Большое количество исследователей пытаются заходить на данную территорию и проследивать последствия просмотра мультипликации, а также использовать ее как стимульный материал. Одним из важнейших направлений исследований является прояснение возможного влияния мульткультуры на детское развитие. Общей тенденцией в оценке значения мультфильмов являются определенные психологические последствия просмотра, которые могут быть положительными и отрицательными. Важно понимать, что на ребенка воздействует не фильм сам по себе, а позиция родителя в определенной эмоциональной сфере, так как именно взрослый ориентирует ребенка в основных взаимоотношениях людей и скрытой за ними морали.

Для проявления позиции родителя в отношении опыта приобщения детей к мульткультуре нами было использовано полустандартизированное интервью, которое проводилось на базе психологического центра «Февраль» и детского сада г. Дубны. Родители по принципу добровольного согласия (25 родителей) принимали участие в данной беседе (40-60 мин, 21 вопрос). Исследование носило комплексный характер, так как включало работу как со взрослыми, так и с их детьми-дошкольниками. Мотивировка к полустандартизированному интервью звучала следующим образом: первый вариант – в устной форме: «Чтобы лучше понять и разобраться в том, какое влияние мультфильмы могут оказывать на развитие детей, нам необходимо побеседовать с Вами для уточнения данных о становлении и развитии Вашего ребенка».

Второй вариант – в письменной форме: «Уважаемые родители! Данный опросник направлен на сбор целостной картины развития ребенка и получение ориентировки о месте мульткультуры в жизни ваших детей. Это важно, так как мы пытаемся понять причину привлекательности мультфильмов и их возможное влияние на детское развитие. Со своей стороны гарантируем полную конфиденциальность».

Вопросы полустандартизированного интервью были направлены на то, чтобы выяснить и раскрыть понимание родителем мульткультуры и ее места в жизни ребенка. В ходе интервью испытуемые рассказывали о совместной деятельности, которая либо

реализовывалась, либо отсутствовала в контексте просмотра и обсуждения мультфильмов, приводили примеры взаимодействия ребенка с миром до и после просмотра, делились своим мнением и позицией о том, что такое мультфильмы, в чем их назначение и какое смысловое наполнение они в себе несут, а также рассказывали о своем индивидуальном подходе к теме мультипликации. Фиксировалось то, как родитель реализует просмотр и совместную деятельность с ребенком, возможно, на основе сюжетов или проблемы, которая поднималась в анимации.

По результатам интервью было выделено несколько основных позиций в отношении воспитания и развития ребенка. Эти позиции во многом определяют отношение к мульткультуре как средству и помогают в дальнейших исследованиях категоризовать полученные данные. Обозначим критерии и основания разделения по позициям.

1. Критерии ориентировки родителя в процессе развития своего ребенка. Учитывалась разница моделей воспитания, т.к. это является важным показателем, по какой траектории будет идти становление и развитие ребенка в семье.

2. Отношение к мультфильмам и их месту в развитии детей. Этот критерий во многом определял то, как подходит взрослый к развитию в целом, потому что мнение о мультипликации может быть разным.

3. Выделение индивидуальных особенностей родителей, которые присущи именно представленной позиции.

Перейдем к классификации. Первая позиция – **концептуальная**. Родители читают книги, пытаются найти как можно больше научной информации по вопросам развития и сверяют этапы развития своего ребенка с этими книгами. Однако может возникнуть проблема, т.к. если человек не ориентирован в многогранности психологического знания и подходов, то возможно смешение разных концепций и взглядов, что будет свидетельствовать об ошибочных представлениях. Можно предположить, что в подобном стиле воспитания мульткультура воспринимается как один из источников развития. Возможно, родители читают статьи о мультфильмах, в которых выражаются различные аспекты данной культуры, ее влияния и стараются ввести мультфильмы в жизнь ребенка не спонтанно. Хотя в подобной ситуации может случиться так, что родитель не будет ориентирован в том, что просмотр должен включать в себя не только хорошие, идейные мультфильмы, но еще и обсуждение, диалог вместе с ребенком и совместный просмотр. По результатам бесед с родителями стало понятно, что к

подобной позиции относится небольшое количество родителей, так как тема мультиков не воспринимается как значимое основание в контексте развития.

Второй вариант – **не концептуальный**. Родитель пытается применить к развитию ребенка все, что спонтанно и урывочно узнает из взаимодействия с окружающим миром. Т.е. для взрослого важно, чтобы в ходе развития ребенок осваивал значимые ориентиры человеческой культуры, но родитель не до конца понимает, как должен осуществляться данный процесс, поэтому также отрывочно услышанное вводит в контекст развития ребенка. Этой позиции воспитания характерно подобное отношение и к мульткультуре. Вероятнее всего, родитель может узнать о важности, полезности мультфильмов или об их негативной стороне из диалогов с другими родителями, телевидения или книг. Следовательно, взрослый не будет ориентирован в том, что анимации могут иметь положительное и отрицательное влияние, потому что узнает информацию не целостно. Значит, родитель может упустить, что одних мультфильмов недостаточно для того, чтобы ребенок получал новые знания о мире и человеческих отношениях, т.к. необходимы диалог и обсуждение. Обратимся к примеру из интервью: взрослый понимал, что мультик является значимой единицей в развитии ребенка, но при этом не обсуждал просмотренный контент и игнорировал эту сторону вопроса.

Директивная позиция. Здесь родителям свойственно брать на себя роль авторитарного лидера, который навязывает ребенку, по его мнению, значимые ориентиры развития. Однако данная позиция выстраивается еще и вокруг гиперопеки над детьми. Т.е. взрослый делает все, чтобы ребенок шел по траектории, которая выбрана именно родителем, и совершал как можно меньше ошибок и отходов от заданного взрослым пути. Мульткультура в этом подходе представлена как средство, которое родитель использует в своих целях. Следовательно, ребенку подбираются определенные мультфильмы к просмотру, зависящие от желания и вкуса родителей. Также мультфильмы часто используются как способ манипуляции и средство отвлечь ребенка.

Наконец, **эклектическая позиция воспитания**. Родитель не выбирает определенную траекторию подхода к воспитанию и постоянно изменяет ее. Например, родитель может вести себя по отношению к ребенку одним образом с утра и совсем иначе вечером (сначала попустительски, а после авторитарно и т.д.). Получается, что родитель не ориентирован в подходах воспитания и развития, поэтому постоянно переходит от одного к другому. При этом взрослый хочет казаться хорошим и ответственным родителем, т.к. для него это важно. Если родителя, который придерживается данной

позиции, спросить о причине того или иного действия по отношению к ребенку, то, скорее всего, он не даст конкретного ответа, т.к. все происходит на интуитивном уровне. Вероятно, отношение к мульткультуре в этом подходе будет неоднозначным. Мультфильмы могут выступать и как источник развития, и как способ занять ребенка, а также как средство манипулирования, что часто применяют родители, когда хотят добиться чего-либо от детей.

Таким образом, мы выделили несколько возможных вариантов позиций приобщения ребенка к мульткультуре, которые также могут определять отношение к мультфильмам. Эти варианты подвижны, и не всегда можно четко и с точностью предвосхитить траекторию знакомства и отношение ребенка к мульткультуре. По результатам проведенного интервью получились такие результаты.

Таблица 1. Родительские позиции в отношении мульткультуры (по итогам интервью)

Концептуальная модель	Неконцептуальная модель	Директивная модель	Эклектическая модель
2	15	3	5

Подобные данные связаны с тем, что в большинстве своем родители ориентированы на целостное и качественное развитие своих детей. Однако при этом некоторые из сфер жизни дошкольника взрослый не воспринимает как значимый компонент его становления (диалоговая форма обсуждения, подбор просматриваемого контента, совместный просмотр и т. п.), что заставляло нас относить эту позицию к неконцептуальной. В чистом виде к концептуальной позиции мы отнесли сравнительно малое число родителей, что может быть связано со слабой осознанностью мульткультуры в обществе, которая не рассматривается как возможный агент влияния на детское развитие. Небольшое значение фиксируется и в директивном варианте позиции, что может быть связано с нынешней тенденцией в обществе, которая направлена на гуманизацию и свободу слова и поведения детей. Эклектическая позиция представлена большим числом родителей, что указывает на непоследовательное, непродуманное и спонтанное отношение к развитию и становлению ребенка.

Таким образом, родительская позиция имеет ключевое значение для формирования отношения детей к мультфильмам, а также их понимания происходящего на экране (сюжета, истории). Еще одна классификация, которая будет приведена ниже, построена на ориентировке детей в идее мультфильмов, так как именно этот компонент (идея) является

показательным в контексте того, что выносит для себя ребенок в смысловом плане после просмотра. Под идеей мы понимаем нечто обобщенное, но постижимое ребенком, то, что вложено в сюжет: добро, зло, справедливость, благо, т.е. морально-нравственные аспекты, а также то, что ребенок позднее сможет артикулировать в беседе со взрослым. Данная классификация была разработана на основе наших ранее проведенных экспериментальных исследований дошкольников (5-7 лет). Основной задачей исследования было установление после просмотра мультфильма и в ходе беседы, что дошкольнику удалось понять из просмотренной анимации. Были получены такие результаты.

Уровни понимания идей:

1. Ориентировка ребенка только на внешние кинематографические конструкции (смена кадров, яркость и пр.) и звуки.

На этом уровне понимания для ребенка важны звуковые эффекты, быстрые передвижения героев, смена картинки, но не та идея, которая содержится в мультфильме. Первый уровень имеет во многом патологическое влияние, т.к. ребенок фиксирован лишь на внешних характеристиках фильма, которые не несут смыслового значения. Пример из бесед с детьми: ребенок не мог обозначить название мультфильма и того, о чем была анимация. Запоминались только некоторые герои и отрывочные ситуации, которые вызвали определенные эмоции. «Они бежали, а потом прыгнули... Не помню, что дальше».

2. Распредмечивание экранных отношений.

Для данного уровня характерно то, что ребенок не замечает основной идеи мультфильма и придает значение только моментам взаимодействия героев друг с другом или с окружающим миром. Здесь уже в звуковые и внешние конструкции включаются особенности взаимоотношений героев, но отсутствуют причинно-следственные связи и понимание мотивов персонажей. Например, смех детей невпопад – ребенок смеется над моментами жестокости в мультфильмах или из-за каких-либо эмоциональных фраз героев. Следовательно, у него нет понимания смысла, а замечаются им лишь отдельные ситуации, которые выдергиваются из контекста, что также является отрицательным аспектом восприятия.

3. Ориентировка на закадровый смысл произведения (опредмеченная в художественном контексте идея).

Ребенок понимает основную идею и суть мультфильма. Т.е. просмотр не носит формального характера, при котором ребенка необходимо просто занять. Например,

ребенок после просмотра мультфильма начнет интересоваться различием предметов, которые его окружают, так как об этом шло повествование мультлика. Однако при этом также необходим взрослый, который будет помогать и ориентировать ребенка.

Следовательно, правильное знакомство с мультикультурой – это специально созданные взрослым условия, при которых родитель объясняет ребенку то, что происходит в мультфильме, участвует в просмотре и развертывает диалоговую схему обсуждения. Взрослый опосредствует мультикультуру и вводит ребенка в язык искусства. Именно родитель переводит ребенка на этот 3 уровень.

Никаких априорных (дочувственных, без опыта) визуальных моделей у детей не существует. Они формируются «здесь и сейчас», в ходе просмотра и обсуждения. Поэтому совместная деятельность родителя и ребенка значима для правильного знакомства с мультикультурой, познания истинной идеи, скрытой в мультфильме, и выделения важных средств, которые включены в мультипликацию. Конечно, есть картины, которые не предполагают в себе качественного смыслового контекста, однако даже с таким мультфильмом путем рассуждений и диалоговой формы обсуждения можно прийти к важным выводам. Все это происходит благодаря включенному в процесс взрослому, который даже из отрицательных и патогенных аспектов мульткартины выделит важные обобщения.

Библиографический список:

1. Кривуля Н. Г. «Страшные» мультфильмы современной анимации // Культурно-историческая психология. 2014. № 4. С. 57-65.
2. Мордвинова М. С. Особенности влияния мультипликационных фильмов на формирование дружелюбия и коммуникабельности у дошкольников // Молодой ученый. 2017. № 1. С. 80-82.
3. Никулова И. С. Влияние современных мультфильмов на развитие агрессивности у детей младшего школьного возраста / Никулова И. С., Шишкина К. И. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. №4 (44). С. 262-266.
4. Heijden van der M. Children Listening to Music or Watching Cartoons During ER Procedures: A RCT / Heijden van der M., Mevius H., Heijde van der N. // J Pediatr Psychol. 2019. №44 (10). Pp. 1151-1162.

5. Kelly B. Persuasive food marketing to children: use of cartoons and competitions in Australian commercial television advertisements / Kelly B., Hattersley L., King L. // *Health Promot Int.* 2008. №23 (4). Pp. 337-44.

6. Vanden Bosch J. Cartoons of Caregiving // *The Gerontologist.* 2015. №55 (5). Pp. 878–879.

7. Waryasz G. Patient comprehension of hip arthroscopy: an investigation of health literacy / Waryasz G., Gil J. A., Kosinski L. // *Journal of Hip Preservation Surgery.* 2020. №7 (2). Pp. 1-5.

E.M. Bogachuk. **Animation and child development**

The article describes approaches to the problems of cartoon culture and understanding its role and place in children's development and educational process. The results of the study of parental positions in understanding the directions of educational efforts in familiarizing preschoolers with the content of animation, as well as ways of orienting children themselves in the content of cartoons are also presented.

Key words: cartoons, children's development, cartoon as a goal and means of child development, joint activities.

УДК 316

Д. В. Несвитайло, М. А. Козлова

Стрит-арт на улицах и в галереях: трансформации мотивации, стратегий социальной мобильности и миссии уличных художников³

Аннотация:

Исследование посвящено профессионализации творческой деятельности уличных художников, а именно: систематизации и анализу актуальных для субкультуры уличных художников представлений об успешных стратегиях социальной мобильности, трактовках миссии, системы мотивации, позволяющих судить об особенностях профессионализации занятий стрит-артом. Вписывание стрит-арта в рамки официального искусства нарушает базовые послышки его существования, изменяя тем самым понимание роли и значения уличного искусства, мотивацию и выбор путей развития и реализации художественного потенциала членов сообщества, создающих его. На основе данных, полученных с применением ряда качественных и количественных методов (экспертные интервью и контент-анализ СМИ), демонстрируется специфика профессионализации практик уличного искусства. Профессионализация стрит-арта происходит через присоединение элитарной части сообщества уличных художников к профессиональному сообществу современных художников. Это сопровождается трансформацией мотивов деятельности, смещением фокуса интересов и понимания миссии стрит-арта и влечет изменение стратегий социальной мобильности.

Ключевые слова: стрит-арт, профессионализация, сообщество, социальная мобильность, мотивация, карьерная стратегия

Об авторах: Несвитайло Дария Вадимовна, магистр программы «Социология публичной и деловой сферы» НИУ ВШЭ; эл. почта: darya.ned@yandex.com

³ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект [20-011-00870](#) «Социальная инклюзия в системе оснований интеграции российского общества: сравнительный анализ ценностей и практик в институциональных и неформальных контекстах»

Козлова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Международной лаборатории Исследований социальной интеграции, НИУ ВШЭ; эл. почта: makozlova@yandex.ru

Введение. Стрит-арт как феномен городской среды и предмет социологического исследования. Стрит-арт представляет собой одновременно и аутентичный пласт городской культуры, и важный компонент современного искусства. Если в начале века границы между уличным искусством и искусством в пространстве галерей были четко определены, создавались и поддерживались самими художниками и их творческими стратегиями, то сейчас уличное искусство перемещается в пространство «белого куба» и органично там существует. Новая ситуация репрезентации уличного искусства свидетельствует об изменении роли стрит-арта в обществе, его легализации и социальном одобрении, что позволяет предположить возможность его профессионализации и трансформации субкультуры «уличной волны» в профессиональное сообщество.

Проблемная ситуация, на которой сфокусировано представляемое исследование, обусловлена диссонансом между сложившейся системой взглядов на феномен стрит-арта и представлений о миссии уличных художников, с одной стороны, и институционализацией, коммерциализацией и последующей профессионализацией стрит-арта, с другой. Фактически общественные изменения задают новые условия существования для уличного искусства, что заставляет его адаптироваться и становиться профессией. Поэтому основной вопрос исследования: как в процессе институционализации уличного искусства трансформируются система мотивации, стратегии социальной мобильности и представления о миссии уличных художников? Этот вопрос ориентирован на выявление тенденции к профессионализации стрит-арта и сопутствующих ей практик.

Для социологического анализа стрит-арта и понимания сущности таких художественных практик важна тесная связь и причастность их создателей к особому сообществу уличных художников. Причиной для начала создания уличных высказываний молодежи послужили изменения, произошедшие в культурных и политических основах общества, и экономические трудности, постигшие Нью-Йорк в 1970-х гг. [5, с. 33-40]. Творческие практики стали теми средствами коммуникации, которые позволили молодежи объединиться и объявить о цели своих движений. На этом базисе возникло

сообщество уличных художников, объединенное определённым мировоззрением и системой ценностей.

Сообщество представляет собой систему, в которой существуют различные команды или индивидуальные художники, вовлеченные в одни и те же практики: совместное времяпрепровождение на граффити-тусовках, изучение специальных печатных изданий тематики граффити, их обсуждение и дискуссии об уличном искусстве, и совместная практика – рисование [17, с. 130]. С этой точки зрения, они принадлежат к сообществу уличных художников и на локальном, и на глобальном уровне, поскольку оперируют одной ценностной системой. Обозначенные аспекты позволяют определить стрит-арт как деятельность индивида (группы), включающую творческую активность, направленную на создание эстетических объектов, имеющих яркий социально-критический посыл.

Стрит-арт отражает и популяризирует идеи свободного высказывания или действия, направленного на переосмысление и перестройку городской среды и общества в целом, проявляющихся в низовых гражданских инициативах с максимально широким спектром изобразительных и медийных средств. Сложилась тенденция использования уличных творческих инициатив в качестве инструмента джентрификации городского пространства, а, следовательно, и легализации творчества самих уличных художников. Общественный интерес и тенденция коммерциализации способствует развитию данного направления и признанию его в качестве равноправного участника современного художественного дискурса, а значит, перехода стрит-арта из контркультурного занятия на уровень профессии.

Поскольку интерес в нашем исследовании сосредоточен на процессе профессионализации стрит-арта, в качестве теоретической рамки используем неовеберианский подход, который предполагает взгляд на саму группу и общество глазами профессионала-представителя группы, а также представителей других профессиональных сообществ, сопряженных в деятельности с исследуемой группой. В основе неовеберианского подхода лежат основные идеи М. Вебера относительно профессиональных групп: профессиональные группы включены в соперничество за власть; они объединены общим интересом, как и любые статусные группы; статус является важнейшим ресурсом для определения профессии, т.к. положение в социальной иерархии влияет на уровень дохода; позиция профессиональной группы определяется равно как социальной структурой общества, так и коллективными действиями группы [16,

с. 125]. Исходя из этих положений, формируется следующее определение профессии – это «особая историческая форма, которая устанавливает структурные связи между относительно высоким уровнем формального образования и относительно желаемыми социальными позициями и (или) вознаграждениями в рамках социальной организации труда» [14, с. 30].

Процесс профессионализации, то есть становления занятия стрит-артом не совокупностью девиантных практик, а социально одобряемым делом, приносящим доход, имеет два вектора: внешний и внутренний. С одной стороны, профессионализация предполагает вписывание практик в социальную структуру, становление их социально значимыми и необходимыми для обеспечения функционирования культурной сферы общества. Соответственно, для анализа факта перехода уличных художественных практик из публичного пространства города в пространство галерей необходимо применение концепта социальной мобильности, дополненное использованием концепта социального капитала, что позволит раскрыть стратегии, выбираемые художником для продвижения в социально-статусной системе [10, с. 302-373; 1, с. 17-33].

С другой стороны, опираясь на выбранный неовевеберовский подход, необходимо отвести ключевую роль в процессе профессионализации мотивационным аспектам деятельности уличных художников. Мотивация, как процесс, задающий направленность поведения человека и помогающий сделать выбор из множества вариантов действий, становится следующим ключевым концептом для рассмотрения процесса профессионализации стрит-арта [3, с. 235]. Профессиональные сообщества рассматриваются как группы интересов, т.е. обладающие единым стилем жизни и культурой, общей системой ценностей и схожими целями [2, с. 658]. Они осуществляют деятельность по борьбе за монополистические возможности на рынке труда для расширения своих социокультурных привилегий.

Таким образом, профессионализация может быть определена как «попытка перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономические вознаграждения» [15, с. 39]. Ключевым в этой связи становится явление мобильности профессиональных групп, которое описывается в терминах концепции социального закрытия. При этом ведущую роль играют мотивы профессионализации – и эгоистические, и альтруистические [6, с. 61-79].

Исходя из описанного понимания профессионализации, можно подытожить ключевые признаки и выделить следующие аспекты, которые могут присутствовать в процессе становления профессии: 1) определенная область знания, конвертируемая в социальный престиж; 2) публичный образ профессиональной группы, основанный на разделяемой членами группы идеологии и профессиональной этике; 3) наличие профессиональных организаций и ассоциаций; 4) практика социального закрытия, ограничение профессиональной группой входа в сообщество для повышения собственного статуса; 5) материальный доход от деятельности.

Обозначенные критерии укладываются в трехкомпонентную модель, включающую экономический, властный и культурный аспекты, которая продемонстрировала свой эвристический потенциал в исследованиях профессионализации занятий в современных российских условиях [9, с. 60-69; 8, с. 126-133]. Применимость концепта профессионализации к анализу сферы уличного искусства продемонстрирована в исследованиях Р. Лахманна. Его работы позволяют определить профессионализацию стрит-арта как становление художественных практик в общественно значимом роде деятельности, требующее определенной подготовки и являющееся источником существования [13, с. 239].

Эмпирическое исследование профессионализации стрит-арта. Организация и методы исследования. Проводимое исследование ставит перед собой задачу анализа профессионализации уличного искусства через рассмотрение феноменов и явлений, которые носят субъективный характер: мотивация, восприятие миссии и производные от них стратегии социальной мобильности. Особенность предмета и неовеберрианская парадигма определяют необходимость использования качественных методов сбора информации: экспертных интервью с галеристами и кураторами, биографических интервью с художниками и контент-анализа СМИ. Интервью с галеристами и кураторами направлены на получение данных об интерпретации миссии уличного искусства, средств деятельности, которые применяют уличные художники, а также запросах и реакции аудитории. Интервью с художниками помогли исследовать мотивы и цели художников, стратегии социальной мобильности и представление о миссии стрит-арта. Для оценки репрезентации уличного искусства в публичной сфере релевантным является метод контент-анализа материалов СМИ.

Для экспертных интервью сформирован пул экспертов в количестве 3 человек, что представляется достаточным, поскольку экспертные интервью обладают особым

качеством полученной информации [11, с. 45]. Выборка формировалась методом «снежного кома» [11, с. 51]. Критерии, по которым осуществлялся отбор экспертов, следующие: формальный статус – институциональное признание в качестве экспертов, т.е. обладание статусом куратора, галериста, искусствоведа и т.д.; самооценка – определение самого себя в качестве носителя экспертного знания; взаимооценка – оценка информанта коллегами, обладающими статусом эксперта, признание его экспертного статуса.

Выборка для интервью с уличными художниками была построена аналогичным способом и составила 5 респондентов. Респондентами стали художники стрит-арта, которые реализовались в сфере искусства и работают как в галерее, так и на улице. Критерии, по которым отбирались информанты, следующие: род занятий – практика стрит-арта; самооценка компетентности – информант сам причисляет себя к категории уличных художников, которые сделали карьеру; стаж работы по профилю – занимается уличным искусством на серьезном уровне более 5 лет и (или) же достиг институционального признания. Информанты были собраны методом «снежного кома», а география выборки построена относительно локализации центров развития уличного искусства (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Характеристики информантов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Описание выборки исследования

№	Код	Статус	Город	Пол	Возраст	«Стаж»
1	P1	Эксперт (куратор, организатор фестиваля уличного искусства)	Екатеринбург	Мужской	27	8
2	P2	Эксперт (исследователь стрит-арта, фотограф, журналист, блогер)	Москва	Мужской	29	5
3	P3	Эксперт (исследователь, организатор)	Санкт-Петербург	Женский	23	3
4	P4	Художник	Москва	Мужской	37	22
5	P5	Художник	Санкт-Петербург	Женский	22	3

6	P6	Художник	Москва/ Екатеринбург	Мужской	21	7
7	P7	Художник	Москва	Мужской	23	8
8	P8	Художник	Екатеринбург	Мужской	35	5

Вторым этапом исследования стал анализ контекста освещения стрит-арта в СМИ и публичной репрезентации уличных художников с помощью метода контент-анализа отобранных материалов СМИ. Для отбора массива документов – материалов СМИ – применены качественные и количественные процедуры построения выборки [3, с. 17]. Материалы были отобраны с помощью информационно-аналитической системы «Медialogия». Так как задачи подразумевали долгосрочный временной период, рассматривались материалы, опубликованные в 2019-2020 гг.

Для отбора материалов был определен ключевой набор слов, по которым отбирались статьи. Исходной категорией была комбинация слов «уличн* художн*». Такая комбинация слов позволила включить наиболее релевантный массив данных, поскольку выражение описывает феномен, который нас интересует. Синонимичные понятия «стрит-арт» и «граффити» имеют другой оттенок значений, сужая поиск до узкоспециализированного направления. Запрос «уличное искусство» расширяет массив данных нерелевантными материалами, описывающими все события улицы, в т.ч. не подразумевающие практики стрит-арта. Для уменьшения выборки было применено требование, чтобы комбинация «уличный художник» в различных склонениях была упомянута в тексте не менее 3 раз. Материалы должны быть опубликованы на федеральном и региональном уровнях и без перепечаток, т.к. нас интересовал уникальный российский контент.

Уличное искусство является достаточно локальным феноменом, поэтому исключительно федеральным уровнем мы ограничиться не могли, хотя в фокусе нашего интереса был образ уличного искусства, сложившийся у широкой аудитории. Далее был применен фильтр топ-100 СМИ, таким образом, были отсечены локальные и менее значимые источники информации. Число статей сократилось до 343 (без перепечаток статей). Далее материалы были отсортированы по индексу заметности, и были взяты первые 100 статей. В процессе дальнейшего ручного отбора были устранены пропущенные системой перепечатки и нерелевантные статьи.

Полученные результаты. Первостепенной задачей исследования было определение особенностей и сущности практик стрит-арта в восприятии уличных художников и профессионалов сопряженных областей. Так, в качестве основных признаков, отличающих стрит-арт от других художественных практик, информанты отмечают, что стрит-арт существует только на улице. Если художник работает не на улице, то эта работа становится уже другим видом искусства: «Уличное искусство — это искусство, которое делается на улице» (P5); «Уличное искусство оно существует (выделяет голосом) только на улице» (P1). Следующими отличительными признаками становятся нелегальный характер и низовое происхождение практик; контекстуальность и ситуативность. Уличное искусство, используя специфику медиума, направлено на взаимодействие со средой и не может существовать в отрыве от нее. Эти, по мнению информантов, базовые для определения стрит-арта характеристики порождают ряд других отличительных особенностей уличного искусства:

1) Отсутствие формальных правил, регулирующих деятельность: «В этом, кстати, и прикол уличного искусства, стрит-арта, здесь нет никаких правил, тебе никто не диктует» (P2).

2) Подверженность практик быстрым изменениям, динамичность, обусловленная низовым происхождением и нерегулируемостью правилами, недолговечность произведений, которые держатся на улице от нескольких часов до нескольких дней.

В сообществе существует конкуренция, потому что художники – конкуренты по закону рынка. Тем не менее, это дружное сообщество, потому что уличное искусство объединяет и создает тесное комьюнити, которое всегда помогает своим членам. Однако вход в сообщество неформально закрыт и осуществляется «по приглашению».

Встречи и публичные мероприятия – важная часть процесса социализации художника. Близкие личные связи позволяют обмениваться опытом, что составляет основной источник обучения новых участников, у которых опыта недостаточно. Личные связи помогают стрит-артистам в продвижении по карьерной лестнице. Для сообщества уличных художников характерна и практика протектирования и помощи начинающим художникам не только знаниями, но и своим именем. Признанные сообществом художники могут помогать в продвижении тем, кто, по их мнению, талантлив, представляя их творчество коллегам. Необходимость и значимость социальных связей становится актуальной на определенном этапе развития творческих практик художника. Начать заниматься уличным искусством, выйти на улицу со своей работой, может каждый

желающий. Однако, чтобы стать полноправным участником профессиональной группы, необходимо быть включенным в коммуникацию и представленным коллегам.

Мотивы и цели, которыми руководствуются уличные художники, являются основой их творческой деятельности и выбора карьеры и стратегии социальной мобильности. Мотивы и цели необходимо разделить соответственно жизненным и карьерным этапам, т.к. они меняются в зависимости от этапа творческого развития художника. На начальном этапе, когда индивид только начинает свой творческий путь и осваивает технику, знакомится с миром граффити и стрит-арта, на первом месте для него следующие мотивы и цели: желание получить внимание и удовольствие; поиск сильных эмоций, «адреналина» (спортивный интерес); желание заявить о себе, которое находит выражение в стремлении тиражировать свое имя с сообщением «я существую»; желание быть включенным в сообщество. На последующем этапе, когда художник находит свой стиль и начинает себя осознавать как творца, предыдущие стимулы отходят на второй план, на первый выходят более осознанные и глубокие мотивы и цели: стремление получить одобрение аудитории; желание творческой реализации; возможность влиять на облик города; необходимость самовыражения; желание вызвать реакцию/ инициировать взаимодействие с аудиторией; стремление апеллировать к чувствам аудитории; возможность личностного роста и расширение кругозора; институциональное признание; доход.

Таким образом, первичные мотивы направлены преимущественно на внутренние переживания художника и получение эмоций, но в дальнейшем центр интересов смещается в сторону самовыражения, работы на аудиторию и создания карьеры художника, предполагающей получение дохода и определенного социального статуса.

Стратегия социальной мобильности, которую для себя выбирают уличные художники, может быть схематично представлена следующим образом. Путь уличных художников в большинстве случаев начинается с увлечения граффити и хип-хоп культурой в подростковом возрасте: «В любом случае почти все уличные художники, даже которые сейчас являются художниками уличной волны, они все начинали с граффити какого-то в 14-15 лет» (Р3). Поэтому начальным этапом в процессе формирования карьерной стратегии стрит-артиста становится занятие граффити, которое включает в себя научение нанесению тегов и имени, обучение работе с материалами, оттачивание навыка рисования с помощью спрея, изучение шрифтов и копирование работ

профессионалов. Далее идет этап рефлексии и поиска собственного стиля, внедрение более глубоких и осмысленных тем в творчество.

Так, осуществляется переход от граффити, которое дает базовые навыки, к этапу осознанного творчества. Результатом этого этапа становится относительно оформившийся стиль и понимание ориентиров в творчестве. Этот период сопровождается начальным этапом монетизации занятий – оформительством. Художникам предлагают расписать фасады или интерьеры под заказ, без творчества как автора. Создание первых серьезных работ становится важной точкой в карьерном пути художников, обычно они создают первые работы на фестивалях или делают фасады. Работа с коллегами – значимый этап, который помогает продвинуться в творчестве, о чем подробнее говорилось ранее.

Важный элемент в стратегии развития карьеры художника – позиционирование себя перед аудиторией в социальных сетях, где автор показывает свои работы и собирает собственное «портфолио»: «Можно зайти в инстаграм художника, посмотреть там на фоточки, потому что, так как многие работы живут очень мало времени, то ты можешь у творческого художника только на фотодокументацию посмотреть» (РЗ).

Далее стрит-артист приходит к коммерческим заказам, когда организаторы фестивалей, кураторы, галеристы и заказчики проявляют интерес непосредственно к художнику как автору, стимулируют к занятию искусством на серьезном уровне и оказывают материальную поддержку. Это обращает художника в сторону работы с галереями. Автор становится перед вопросом того, как адаптировать свое искусство для выставочного пространства. Существуют несколько типов поведения художников для адаптации в сфере современного искусства: коммерческие работы на заказ (под запрос галереи, аукциона или куратора), адаптация своих работ для галерей (перенос кусков стен, фотодокументация); создание отдельных работ для галерей (выбор другого медиума); создание работы без ориентации на рынок (творческие поиски без ориентации на коммерческие запросы).

Работа с галереей становится важным этапом карьеры уличного художника, участие сначала в групповых, а потом и в индивидуальных выставках в галерее дает новый статус стрит-художникам. В зависимости от характера деятельности и бэкграунда художника можно выделить следующие статусы:

1) искусство уличной волны – художники, которые создают работы как на улице, так и адаптируют свое искусство для галерей;

2) художник с уличным бэкграундом – художники, которые работали на улице, но полностью перенесли свое искусство в галерею;

3) уличное искусство новой волны – художники, работающие на улице, но не имеющие специального бэкграунда;

4) исчезает со сцены – художники, которые заканчивают карьеру на улице и не продолжают ее в галерее.

Переход в галерею становится логичным развитием и развёртыванием карьерной стратегии уличных художников. Существуют и альтернативные способы продвижения и заработка на своем творчестве (мерч, фестивали и оформительство), однако это не позволяет строить карьеру и повышать свой социальный статус. Исключительно занятия уличным искусством малооплачиваемы, т.к. подразумевают низовые инициативы и нелегальность и не могут претендовать на статус основной деятельности человека.

Далеко не все стрит-арт художники воспринимают свою деятельность как основное занятие. Несмотря на институциональные успехи, финансовые сложности не позволяют говорить о карьере: «Так я не зарабатываю на своем творчестве, вот сейчас я не работаю... получается, карьера должна предусматривать хотя бы какой-то, мне кажется, финансовый рост» (Р6). В галерее уличному художнику легче заработать и продвинуть свое искусство, потому что монетизация стрит-арта намного ниже уровня современного галерейного искусства. Уличный бэкграунд — это инновация в сфере современного искусства, ресурс, который позволяет выгодно выделяться среди коллег с академическим образованием, внося своеобразие в творчество. Дальнейшее свое развитие художники видят в сотрудничестве с европейскими галереями и выходом на зарубежный рынок. Также стрит-артисты нацелены на работу в диджитал-сфере.

Профессиональная группа должна стремиться ограничить вход в сообщество для повышения статуса. Обычно это происходит в точке входа. Для нетворческих профессий это этап получения необходимых знаний: например, чтобы получить статус врача, необходимо иметь определенный уровень образования [9, с. 60-69]. Однако сообщество уличных художников, наоборот, передает знания и поддерживает новичков. То есть точка закрытия существует, но не со стороны монополии на знания и возможность заниматься практикой, а со стороны социальных связей и заработка: «В основном это какие-то тусовки, фестивали, вот там да, там основные знакомства, после них коллабов бывает огромное количество. И это способ познакомиться, затусить, что-то сделать. Карт-бланш, это так и возникал, как большая тусовка» (Р1).

Стрит-арт в понимании художников – это площадка для создания высказывания, своеобразный медиум, который открывает новые возможности для художника. Прежде всего, он помогает реализовать желание сообщить свои идеи широкой аудитории: «стрит-арт — это просто площадка... просто уличное искусство, потому что там такой прямой диалог со зрителем» (Р3).

Уличное искусство – единственный инструмент, позволяющий вести прямой и открытый диалог с аудиторией, который ничем не опосредован, и иметь возможность говорить с самой широкой аудиторией, в том числе и не подготовленной, которая сталкивается с искусством, а не приходит за ним. Это позволяет говорить о миссии стрит-арта как о свободном выражении своих переживаний и мыслей на своем языке, любыми методами, которые доступны, без цензуры и необходимости встроиться в рамки социальных норм. Именно эти особенности позволяют звучать протестному голосу стрит-арта, но это лишь одна из его возможностей, и она не является самоцелью.

Важным аспектом в понимании миссии стрит-арта и возможности как медиума для высказывания, является встраивание в контекст. Это определяет еще одну задачу, которую художники видят в качестве ключевой – взаимодействие и развертывание диалога с окружающей средой. Стрит-артисты в качестве миссии уличного искусства понимают возможность влиять на облик города. Аудитория уличного искусства разделяется на две группы. Первая – неподготовленная аудитория, которая самостоятельно не инициирует знакомство со стрит-артом, а сталкивается с ним случайно в городе. Вторая часть – заинтересованная публика, которая совпадает с публикой современного искусства.

Аудиторию мотивирует к знакомству с уличным искусством возможность сравнить внешний вид городов, прочувствовать их культуру; желание купить работу и создать некий архив; расширить свой кругозор и узнать что-то новое; взглянуть по-новому на собственное жизненное пространство; чувство андеграунда; есть и фанаты уличного искусства. Зрители прибегают к следующим вариантам знакомства с работами: посещение фестивалей; экскурсии, сфокусированные на стрит-арте; сайты художников; музей стрит-арта; галерея; инстаграм художника; сама улица. Знакомство на улице остается самым простым способом: «Например, в тот же музей стрит-арта билет стоит денег, или там в галерею, часто билет стоит денег, то... как бы уличное искусство (говорит смеясь) оно на улице бесплатное, пока что» (Р3).

В качестве дополнительного метода был использован контент-анализ статей федеральных СМИ об уличном искусстве. В результате было определено, что большинство публикаций имеет позитивный характер репрезентации образа уличного искусства и позитивно отражает миссию уличного искусства. Большое внимание уделяется рассмотрению уличного искусства в качестве элемента современного искусства. Это позволяет говорить о том, что уличное искусство становится частью института современного искусства.

Из событий в сфере уличного искусства внимание поровну разделено на практики появления и нелегальных работ, и выставок. Число публикаций примерно равно, что может свидетельствовать о двояком оттенке образа стрит-арта: как институционализированной практики, так и феномена, сохраняющего свою андеграундную и протестную сущность. Преобладают сообщения, которые транслируют идею легализации стрит-арта. Освещаются в основном те работы, которые существуют в качестве нелегального и легального рисунка, что также свидетельствует о двойственном образе уличного искусства. Образ самих художников при этом детально не раскрывается, художники либо не упоминаются, либо неизвестны публике, для которой пишутся статьи, но большинство материалов упоминает нескольких широко известных персон.

Обсуждение полученных результатов. В рамках теоретического анализа были выяснены характеристики профессиональной группы: выделение определенной области социально-значимого знания; создание в публичном пространстве образа профессиональной группы, основанного на общей идеологии и профессиональной этике; существование профессиональных организаций и ассоциаций; практика социального закрытия; наличие дохода от деятельности [7, с. 36-46]. В отношении стрит-арта и сообщества уличных художников эти критерии получают специфическое выражение.

Во-первых, существует определённая область знаний и навыков, которая необходима для успешной деятельности. Например, техника работы с краской в баллонах, умение быстро работать. Несмотря на то, что эти знания не являются уникальными, систематизированными и ценностно-окрашенными, они – необходимая часть культуры сообщества уличных художников [12, с. 25]. Можно сделать вывод о том, что группа уличных художников владеет социально-значимым знанием, монополия на которое проявляется не в формализованных ограничениях и институциональных каналах получения образования, а во включении в определенные практики и сообщество.

Идеология и этика для группы уличных художников сводится к полной свободе действий, ограниченной лишь несколькими неформальными правилами: не портить работы других и не трогать архитектурные памятники. Профессиональные организации и ассоциации существуют, однако, в небольшом числе и зачастую находятся на начальном этапе становления. Существует ряд институций, которые поддерживают практики уличных художников на официальном уровне: образовательные институции (Музей стрит-арта, Институт исследования проблем стрит-арта); творческие объединения (Артмосфера); фонды и галереи (Триумф, Ruarts и др.). Многие институции занимаются поддержкой не только уличного искусства, и не могут быть отнесены к формальным институтам, созданным для упорядочения социальных связей исключительно в сфере стрит-арта. Однако имеет место тенденция к увеличению числа проектов, которые фокусируются именно на уличном искусстве. Так, можно сказать о том, что профессиональные организации и ассоциации уличного искусства активно развиваются, имея при этом свои особенности.

Сообщество уличных художников существует и закрывается благодаря неформальным, личным связям. Работа на улице зачастую предполагает помощь коллег, т.к. нужно быстро работать в опасных условиях. Распространены практики, когда художник набирает свою команду или ему помогают друзья-художники, а затем он участвует в их проектах. Стрит-арт художники создают собственные низовые инициативы: тусовки и нелегальные фестивали. Именно эта включенность в сообщество становится точкой входа. Точкой закрытия становится этап, связанный с монетизацией деятельности, получением дохода. Важным аспектом является экономический фактор и возможность иметь доход от своей деятельности. Не существует сформированного рынка стрит-арта, где художники могли бы получать стабильный доход от своей деятельности, монетизация именно таких практик очень стихийна, поэтому уличные художники обращаются к заработку с помощью галерей.

Заключение. Перспективы профессионализации стрит-арта.

Уличные художники владеют социально-значимым знанием, монополия на которое проявляется не в формализованных ограничениях и институциональных каналах получения образования, а во включении в определенные практики и сообщество. Не существует сформированной и закреплённой на институциональном уровне системы знаний, которая бы позволяла профессионализирующейся группе контролировать процесс распространения экспертного знания и устанавливать стандарты практики, как

предполагают классики исследований профессионализации. Социальное закрытие для данной группы происходит благодаря неформальным, личным связям.

Членами сообщества часто организовываются различные мероприятия, которые помогают знакомиться и заниматься сотворчеством. Именно эта включенность становится точкой входа и одновременно частичного закрытия. Основной точкой закрытия становится этап, связанный с монетизацией деятельности, получением дохода. Существуют профессиональные объединения, которые представляют интересы уличных художников и оказывают им поддержку. Они имеют тенденцию к расширению деятельности и развитию. Уличные художники стремятся вписать свое творчество в рамки официального искусства, отходя от идеи протеста. Протест является одной из идей, которое выражает уличное искусство, и заложен, скорее, в специфике работы на улице, в нелегальности, как критерии уличного искусства. Однако художники воспринимают уличное искусство как медиум для своего высказывания, который дает неограниченную свободу творчества.

Существует легальная социальная мобильность, которая осуществляется в рамках институции современного искусства. Переход в галерею становится логичным развитием и развёртыванием карьерной стратегии уличных художников. Коммерциализация и институционализация сферы уличного искусства приводит к расширению сферы легального уличного искусства, которое является источником дохода для художника. Исключительно занятия уличным искусством (нелегальными практиками в городской среде) неоплачиваемы и поэтому не могут претендовать на статус профессии, происходящая же коммерциализация и институционализация сферы уличного искусства расширяет сферу возможной материальной реализации художника. Сформирован положительный публичный образ уличного искусства в социальном пространстве. Репрезентация стрит-арта имеет позитивный характер и поддерживает миссию уличного искусства, что позволяет говорить о том, что уличное искусство становится частью института современного искусства.

Так, можно сделать вывод о том, что имеет место тенденция к профессионализации уличного искусства, однако не в привычном формате. Не было выявлено классических признаков профессионализации, однако был обнаружен специфический процесс профессионализации через присоединение элитарной части сообщества стрит-арт художников к профессиональному сообществу современных художников. Это сопровождается трансформацией мотивов деятельности, смещением фокуса интересов и

понимания миссии стрит-арта, а также выбираемых вследствие этого стратегий социальной мобильности. Мотивы художников лежат в плоскости выражения своих эмоций, мыслей и переживаний, желания творческой самореализации и понимания стрит-арта как медиума, который позволяет наиболее честно и открыто разговаривать с широкой аудиторией. В рамках такого понимания уличного искусства и его целей переход в пространство галереи становится логичным продолжением карьеры уличного художника.

Библиографический список:

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. 1993. №2. С. 137-150.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644-706.
3. Горшков М. К. Прикладная социология: методология и методы: Учебное пособие / Горшков М. К., Шереги Ф. Э. М.: Институт социологии РАН, 2011. 372 с.
4. Занковский А. П. Организационная психология: учебное пособие для вузов. М.: Флинта; МПСИ, 2000. 647 с.
5. Кузовенкова Ю. А. «Право на город»: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4-5. С. 31-46.
6. Лукша О. В. Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во ИСРАН, 2003. С. 61–79.
7. Мансуров В. А. Социология профессий: История, методология и практика исследований / Мансуров В. А., Юрченко О. В. // Социологические исследования. 2009. №8. С. 36–46.
8. Мельникова Е. А. Карьерные траектории граффити-райтеров: трансформируя давление в удовольствие и признание // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. №1. С. 125-136.
9. Романов П. В. Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы / Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. // Социологические исследования. 2014. №10. С. 60-69.
10. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность. // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295-424.
11. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987. 245 с.

12. Abbott A. *The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 435 p.
13. Lachmann R. *Graffiti as Career and Ideology* // *American Journal of Sociology*. 1988. №94 (2). Pp. 229–250.
14. Larson M. *In the Matter of Experts and Professionals, or How Impossible it is to Leave Nothing Unsaid* // M. Larson, M. Burrage, R. Torstendahl // *The Formation of Professions: Knowledge, state and strategy*. London: Sage publications, 1990. Pp. 24-50.
15. Larson M. *The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis*. London: University of California Press, 1977. 309 p.
16. Macdonald K. *The Sociology of Professions*. London: Sage publications, 1995. 240 p.
17. Valle I. *Participation in the figured world of graffiti* / I. Valle, E. Weiss // *Teaching and Teacher Education*. 2010. №26 (1). Pp. 128–135.

Nesvitaylo D. V., Kozlova M. A. **Street art on the streets and in galleries: transformations of motivation, social mobility strategies and the mission of street artists**

The work is devoted to the study of the professionalization of the creative activity of the community of street artists, the systematization and analysis of the ideas of social mobility strategies, mission interpretations, motivation systems that allow us to judge the features of the professionalization of street arts. The inclusion of street art in the framework of official art violates the basic premises of its existence, thereby changing the understanding of the role and meaning of street art, the motivation and choice of ways to develop and realize the artistic potential of the community members who create it. Analyzing the data obtained using a number of qualitative and quantitative methods of data collection (expert interviews and media content analysis), the author shows that it is possible to draw a conclusion about the professionalization of street art practices, which has its own specifics. The professionalization of street art takes place through the joining of the elite part of the community of street artists to the professional community of contemporary artists. This is accompanied by a transformation of the motives of activity, a shift in the focus of interests and understanding of the mission of street art and entails a change in social mobility strategies.

Keywords: street art, professional group, professionalization, profession, social mobility, motivation, career strategy

Nesvitaylo Daria Vadimovna, master of the program «Sociology of the public and business sphere» HSE, e-mail: darya.ned@yandex.com

Kozlova Maria Andreevna, candidate of historical sciences, chief researcher of International Laboratory for Social Integration Research, HSE; e-mail: makozlova@yandex.ru

УДК 008.2+ 177

О. Н. Гуров

Люди, роботы и Чужие: кто паразит в новой парадигме

Аннотация:

Вызовы, стоящие перед миром, требуют новой цивилизационной парадигмы. Благодаря технологическому совершенствованию ключевые категории культуры и общественной жизни преодолели естественные границы, а в их число стремятся войти новые ценности, порожденные технологическими достижениями. В статье анализируются идеи мыслителей, подкрепленные примерами из произведений кинофантастики о различных сценариях развития человечества с учетом его неоднозначной природы через призму концепции мета-паразитизма.

Ключевые слова: Мета-паразит, доверие, COVID-19, коронавирус, Ридли Скотт, Дэвид Кроненберг, техногенная цивилизация

Об авторе: Гуров Олег Николаевич, MBA, ИФ РАН, Государственный институт искусствознания, преподаватель ИОМ РАНХиГС; эл. почта gurov-on@ranepa.ru

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что стоящая сегодня перед миром многосторонняя система разнородных вызовов в политической и экологической, гуманитарной и технологической сферах, требует формирования новой цивилизационной парадигмы, в рамках которой человеческие ценности не будут утрачены в результате сложных решений и болезненных компромиссов. Очевидная задача не представляется простой для решения в условиях, когда разнородные элементы общественной жизни, ранее не взаимодействовавшие и не пересекавшиеся, сегодня слились в единый бурный поток, который стремится куда-то вперед как гоголевская «птица-тройка», однако уже непонятно, кто или что вдохновляет это сверхскоростное движение. Безусловно, ключевые категории культуры и общественной жизни преодолевают естественные границы именно благодаря технологическому совершенствованию. Сегодня в число основных гуманитарных категорий стремятся войти новые ценности, порожденные

проникновением инноваций в культуру. А следствием этого является трансформация культурно-генетического кода всей цивилизации.

Цель – рассмотреть перспективы развития цифровых технологий и их внедрения в общественную жизнь путем анализа идей современных мыслителей и рефлексии данной проблематики в произведениях массовой культуры, в частности, в научно-фантастической литературе, кинофильмах и сериалах.

В задачи исследования входит изучение масштабов взаимного проникновения человеческого и техногенного, а также текущей и перспективной диспозиции человеческого и искусственного через призму концепции мета-паразитизма на означенном выше материале.

В последнее время мы становимся не только свидетелями, но и невольными участниками и даже объектами масштабных процессов в общественной жизни, которые зачастую развиваются в противоположных направлениях. С одной стороны, глобализация зашла настолько далеко, что в политике, экономике и социально-культурной сфере видение – максимально возможного масштаба. ООН, планетарный форум, наделенный не имеющей аналогов легитимностью, «планирует» устойчивое развитие нашего мира по комплексу взаимосвязанных, но совершенно разных целей – от экономического роста и защиты окружающей среды до совершенствования системы образования и борьбы с изменением климата [13].

Время и пространство сжимаются, интенсивность их использования растет. В своем развитии человечество поднялось настолько, что в результате достижений в освоении космоса актуальной сферой политического и культурного взаимодействия уже стали вопросы освоения Луны и Марса. Растет цена риска – теперь это космические войны, и это не фантастика, не преувеличение, а конкретная космическая политика, цель которой – обеспечение безопасности и стратегических интересов отдельных стран [1, с. 680]. Казалось бы, человечество не может мечтать о более высоком пьедестале!

С другой стороны, технологические достижения уже сегодня позволяют исследовать и влиять на общество и каждого субъекта буквально на микроскопическом уровне: по сути, острота зрения и уровень коммуникации, качество диалога и возможности воздействия достигли масштаба отдельной клетки и даже ДНК. Итальянский философ А. Негри характеризует современность с точки зрения развития «биотехнических» возможностей: существующий в природе геном или вирус может быть рекомбинирован и подвергнут мутациям в лабораторных условиях. Затем результаты

такого эксперимента могут быть оцифрованы, а в будущем воссозданы, опять превратившись в биологическую материальность, но только уже в модифицированном виде [14]. Представленный пример является свидетельством того, как цифровая и биологическая категории не только становятся равноценными, но и сливаются, перетекают одна в другую. Такие явления оказывают мутагенное действие на сам геном цивилизации, на ее культурно-генетический код, на логику воспроизводства и развития.

Коды отдельных видов – генетические и компьютерные – в буквальном смысле меняют свою категориальную сущность. Из совокупности правил записи определенной информации (то есть, из концептов) они превращаются в продукты торга и купли-продажи, но это лишь промежуточный этап. Сегодня эти категории становятся валютой и оружием. Под этим бременем «опеки над жизнью» человек изменяется по всем параметрам [9, с. 247]. «Постепенно техника начала поглощать живой звук и человеческое тело... Даже время человечество стало отсчитывать не только от даты рождения Христа, а от так называемого «начала эпохи» — с 00:00:00 1 января 1970 года... Человечеством стали командовать машины, а следить за всем — экраны [6, с. 661]. В кинофильме С. Цукамото «Тэцуо — железный человек» с буквальной жесткостью демонстрируется болезненный и жуткий процесс слияния машины и человека, превращения его в полуробота-получеловека, показана самая темная и ужасная сторона доминирования технологий над уязвимой личностью и хрупким человеческим телом. А если говорить не о буквальном отображении, а о метафоре такой дегуманизации жизни, на память приходит строка из стихотворения «Рапорт из осажденного города» Э. Херберта: «...единицей обмена стала крыса...», которую впоследствии использовал Д. Делилло в качестве эпиграфа в романе «Космополис», повествующем об иллюзорности и хрупкости современного мира, в котором технологии в прямом смысле начинают управлять общественной жизнью и определять существование отдельного человека [12].

По сценарию этого романа Д. Кроненберг снял одноименный фильм, в котором показал, как человек в таком мире теряет индивидуальность, человечность, вплоть до того, что многочисленные эротические сцены, представленные в кинокартине, полностью лишены какой-либо интимности, страсти или даже эмоций. Процесс показан как абсолютно механистичный, и эти кадры демонстрируют высшую степень отрешенности и закрепощения персонажей, автоматизации их жизни. Прогрессирующее по ходу сюжета омертвление героя представляет собой главную линию киноленты. Совершенно явная

некрофилия является метафорой, которая отражает подмену естественного – искусственным, живого – мертвым, органического — технологическим.

Стоит отметить, что роман и фильм «Космополис» представляют собой в некотором роде отсылку или как минимум дань уважения экспрессионистскому шедевру – кинофильму «Метрополис» Фрица Ланга, оказавшему большое влияние на последующее развитие не только киноискусства, но и всей массовой культуры. В этом фильме под сомнение ставится безусловно положительный характер науки и технологий: вводится образ лишенной морали машины-человека, утверждается, что наука может обладать темной и фатальной для человечества природой, а, кроме того, поднимаются вопросы влияния технологий на человека с точки зрения социальных и политических отношений. Образы механизации и обездушивания жизни отражаются в фигуре машины-человека и всего человеческого общества: элиты, продавшей душу ради жизни в земном раю, и рабочих, почти утративших человеческий облик от тяжелого и бесперспективного труда. Рабочие в фильме больше напоминают бездушных роботов, механически повторяющих одни и те же движения, и совершенно очевидно, что в этом мире они не человеческий капитал, human talent, а возобновляемый ресурс, регулярное топливо техногенного мира.

Позднее эти явления М. Маклюэн назовет импловивным процессом технологического развития, направленного вовнутрь человеческой природы, которая срастается с технологией. По мнению мыслителя, технология становится продолжением человека [7, с. 24].

Конечно, такая трансформация не может проходить безболезненно. Она сопровождается мягким насилием и принуждением, воздействием дисциплинарного общества, зачастую незаметным, закамуфлированным и опосредованным [10, с.76]. По словам Ж. Бодрийяра, современное общество «... является в одном и том же плане обществом заботы и обществом репрессии, мирным обществом и обществом насилия. Мы видели, что «мирная» повседневность постоянно подпитывается потребленным насилием, насилием, «содержащим намек»: сюда относятся различные факты убийства, революции, атомная или бактериологическая угроза (весь апокалиптический материал средств массовой информации)» [3, с. 237]. В работе «Насилие глобализации» философ уточняет, что насилие глобального подавляет альтернативы негативности и приводит его важную характеристику – ядовитость, говоря о том, что насилие является вирусным и осуществляется «... через заражение, цепную реакцию и постепенно разрушает весь наш иммунитет и способность сопротивляться» [2].

Мы уже неоднократно отмечали, что понятия и культурные категории преодолевают присущие им пространства, и слово «ядовитость» из приведенной выше цитаты служит еще одним органичным подтверждением этой мысли. Этот термин означает и токсичность в биологическом смысле, и является синонимом язвительности в рамках социального взаимодействия, и вирулентность в различных дискурсах. То, что наша реальность может быть охарактеризована как ядовитая, токсичная и болезнетворная, позволяет сомневаться в ее подлинных и долгосрочных основаниях. Текучесть, нестабильность и неопределенность – и говоря словами З. Баумана: «... сегодня мы продолжаем менять мир, ни на что уже не надеясь. «Постсовременность» я определяю как «современность без иллюзий»» [4].

Говоря об ускользнувшей подлинности, нужно вспомнить, что массовая культура осознала такую проблему взаимодействия общества и человека давно. Значимые научно-фантастические произведения на эту тему появились более полувека назад. В частности, в 1960-е С. Лем в цикле «Кибериада» описал математическое моделирование и бесконечные возможности «оцифровки» для создания идеального общества, а в одном из рассказов про Ийона Тихого им же показана бесконечная череда реальностей, в каждой из которых моделируется последующая. Где здесь реальность, и что вообще реально?

В 1964 году американский писатель-фантаст Д. Галуйе опубликовал роман «Симулакрон-3», события которого происходят в компьютерной симуляции, которая используется как инструмент маркетинговых исследований. Этот искусственный мир с точностью воспроизводит реальность, его обитатели обладают сознанием, и им кажется, что они живут полноценной жизнью, в то время как на самом деле все это – эксперимент. Впервые роман экранизировал Р.В. Фасбиндер в 1973 году: в фильме «Мир на проводе» режиссер показывает полноценных личностей, живущих в симуляции. Искусственный мир обладает всеми характеристиками, присущими реальному – персонажи испытывают любовь и злость, нуждаются в заботе и теплоте, проявляют человечность и доверие. В последующие годы на экраны вышло еще несколько фильмов на аналогичную тематику, где исследуются вопросы реальности и симуляции; этическая составляющая науки и технологий; экзистенциальные поиски подлинного существования и смысла жизни в техногенном мире.

Снова сделаем акцент, что такому сомнительному и текучему миру, «проживающему» множество измерений, присущи токсичность и вирулентность: его фундамент и основания размыты, вызовы и угрозы подстерегают со всех сторон и

распространяются как вирусная инфекция. И здесь мы должны задаться вопросом, что первично. Является ли человек лишь промежуточным звеном между животными и неким техногенным пост-человечеством, и поэтому его судьба – пасть жертвой прогресса, или такой мир является отражением истинной природы человека? В знаменитой «Матрице» Л. и Э. Вачовски агент Смит, обличая человечество, говорил о чем-то похожем. В своем монологе он назвал людей динозаврами, чье время уходит. По его словам, будущее – за такими как он, за машинами. Более того, Смит обвиняет человечество в той самой вирулентности, говоря, что, оккупировав участок, люди размножаются, пока не исчерпают все природные ресурсы, после чего начинают захват все новых и новых территорий. Он сравнивает человечество с вирусом и раковой опухолью, с болезнью. В данном контексте вопрос, кто вирус, кто его жертва, да и саму проблему инфицирования и заражения мы должны рассматривать «... как нечто более чем биологическое, как социальное, культурное и политическое» [8, с. 117].

В этих условиях мы предлагаем использовать термин «мета-паразит» как метафору противоречивости основных явлений современной общественной жизни. В еще доковидной реальности мы опубликовали статью «Мета-паразит как феномен современной массовой культуры», где в гуманитарную науку было введено понятие мета-паразит [5, с. 41]. В гуманитарном смысле мета-паразит – распространяющийся в информационном обществе аналогично паразитарным инфекциям страх перед непонятными и враждебными явлениями. Мета-паразит возникает в результате синтеза фобий, страхов и панических реакций перед природными, биологическими и социокультурными вызовами, которые приобрели всеобъемлющий масштаб и начинают жить своей жизнью. В кинематографе это явление визуализировано в первых кадрах фильма «28 дней спустя», где обезьянам, отобранным для научного эксперимента, демонстрируют жестокие медиа-образы. Впоследствии именно от этих животных человечество заражается фатальным вирусом. Эта связь неочевидная, опосредованная, но мы можем четко связать биологическое заражение с медиа-вирусами.

Поясним структуру термина мета-паразит. «МЕТА-» отражает всеобъемлющий характер его распространения и предельный масштаб, а основная часть термина «-ПАРАЗИТ» подразумевает сосуществование в форме антагонизма или, напротив, в симбиотической форме организмов или иных структур различного происхождения – биологических, социальных, информационных или политических. Эта часть термина приближает его к понятию вируса, который также существует в различных ипостасях:

биологической, культурной, информационной и компьютерной. На наших глазах пандемия COVID-19 убедительно продемонстрировала, как сливаются биологические и информационные вирусные пандемии. В физическом мире широко распространяется вирус, опасная инфекция для здоровья и даже жизни человека. Параллельно такой же вирус появляется и расходуется в информационном и культурном пространстве. Распространение заболевания сопровождается не менее масштабной инфодемией – информационной пандемией. Недавно ВОЗ подготовила и опубликовала статью «Управление инфодемией COVID-19», где отмечается, что впервые в мировой истории борьба с медицинской проблемой осуществляется с помощью продвинутых цифровых технологий и социальных медиа. Все это происходит в планетарном масштабе. Однако при всех плюсах (аналитические возможности, моментальный обмен информацией, информирование) цифровые технологии несут ответственность и за распространение инфодемии, негативный эффект которой проявляется в росте напряженности и насилия, в экономических проблемах и негативных проявлениях во всех общественных сферах в том же глобальном масштабе [16].

Говоря о терактах с применением штаммов сибирской язвы в США в начале XXI века, Ю. Такер отмечает, что «... целью таких атак становился скорее распад, чем уничтожение. Новостные сюжеты и всплеск беспокойства в обществе были не менее значительны, чем реальные случаи заражения» [8, с. 14].

Таким образом, считая использование термина «мета-паразит» исключительно в биологическом смысле недостаточным, мы находим новые примеры этого явления в кинематографе, например, в фильме Дж. Ренфро и М. Торссона «Версия 1.0». Сюжет фильма вращается и вокруг вируса в компьютерной программе главного героя-программиста, и вокруг зловещего рукотворного нано-вируса, созданного корпорацией для заражения героев с целью управлять их потребительским поведением (буквально «Мир на проволоке» наоборот). Все эти вирулентные события приводят к эпидемии, в результате которой герои достигают высшей степени одиночества и отрешенности, и в буквальном смысле погибают от вируса. Такие примеры мета-паразитарности показывают, как сегодня тесно связаны коммуникации, технологии и заражение, сливающиеся, размножающиеся и приобретающие новые измерения в рамках вирусной модели.

Представляется, что в основе этих явлений лежит иррациональный страх, понять который можно в контексте истории исследования страха насекомых и паразитов (хотя не

все насекомые являются паразитами, и не все паразиты насекомые). Инсектофобия была одной из тем исследования З. Фрейда и К. Юнга, которые отмечали, что в их практике насекомые нередко становились объектами фобий у пациентов. В частности, Юнг, проводя исследования первичных коллективных воспоминаний («архетипов»), выделил в их числе инсектофобию. Юнг полагал, что по мере развития цивилизации человеческое сознание все больше отделяется от глубоких инстинктивных слоев психики, которые, тем не менее, полностью не исчезают, а остаются в подсознании, проявляясь в кошмарах, иррациональных страхах и фобиях [15].

Возможно, о чем-то подобном писал М. Хайдеггер, описывая ужас (Angst) как неопределенную угрозу, связанную с самим существованием, такой ужас не несет какую-либо четкую вредоносность (в нашем контексте – вирулентность) и не направлен на ту или иную конкретную уязвимость [11, с. 211]. Согласно Юнгу, чтобы успешно противостоять иррациональному и не поддающемуся контролю страху, человек должен научиться слушать, интерпретировать и использовать «инстинктивное знание», говоря словами современных популярных психологов, стремиться к осознанности жизни. Эта тема однозначно входит в актуальную повестку общественной жизни, но стремится ли на деле человечество в этом направлении, или пытается стать Чужим для самого себя, еще глубже спрятать страхи, и передать ответственность в руки технологического развития вместе с индугенцией и правом определять будущее за нас самих?

Актуальность этой темы усиливается и потому, что сегодня под вопросом находятся традиционные ключевые категории культуры, войти в список которых стремятся новые явления, обусловленные технологическими инновациями и их проникновением в наш мир. В этом контексте актуальна тема рефлексии по поводу перспектив не только активно развивающихся, но и широко распространенных в массовой культуре технологий, в частности, искусственного интеллекта, его возможностей и места в общественной жизни и даже в эстетическом пространстве будущего, а также по поводу роли его «носителей», будь то операционные системы, роботы и пр. Совсем недавно на эту тему высказался один из самых знаменитых режиссеров, на протяжении полувека исследующий проблематику роботов, киборгов, искусственного интеллекта и инопланетного разума – Р. Скотт.

В сериале «Воспитанные волками» перед зрителями предстает инопланетный мир, куда отправили для воспитания детей сервисный андроид Отец и андроид женского пола Мать, воспитательница, способная при этом летать и уничтожать врагов звуком голоса –

нечто среднее между ангелом и уже упомянутой машиной-человеком из фильма «Метрополис». Отец и мать запрограммированы вырастить детей на чужой планете, дать начало новой цивилизации, которая станет свободной от страха, насилия, ненависти и религиозного фанатизма. К этому времени земной мир уже практически погиб в результате войны между религиозными фанатиками-митраистами и атеистами. Атеисты отбивают у врагов тех самых андроидов и перепрограммируют их в качестве воспитателей для детей, чтобы построить качественно новую цивилизацию. Обратим внимание, что антроиды изначально были оружием именно митраистов – и это интересный момент, показывающий изменение ролей с точки зрения того, кто принимает и использует технологии – представители религиозных или атеистических направлений мысли.

Главные вопросы, поднятые в сериале: могут ли позволить себе люди оставаться такими же, какими они были прежде? И заложены ли такие неизменные спутники человечества как насилие, разрушение, страх и предрассудки в сами культурные и биологические гены, или это характеристики фенотипа, сформировавшегося под воздействием внешних обстоятельств?

В сериале ставится ребром вопрос, люди или антроиды более человечны и поэтому заслуживают право на жизнь, обладает ли человечество бескомпромиссно паразитарной сущностью и является ли оно главным виновником разрушения собственной цивилизации? Отдельный вопрос, сможет ли человечество построить новый Эдем на новой планете и найдется ли там место искусственному интеллекту, или сами антроиды построят идеальный мир, возможно, некий гибрид, где «классический» человек со своей сложной судьбой и фатальной страстью к эксплуатации и саморазрушению окажется лишним?

Кажется, что Скотт смотрит на человечество с довольно мрачных позиций: фильм «Чужой: Завет», вслед за которым вскоре должна выйти новая картина, где мы найдем ответ на загадку происхождения Чужого, намекает, что Чужие были произведены антроидами, ранее созданными человеком, главной мотивацией которого было утолить собственное тщеславие, желание примерить на себя одежды создателя-демиурга, построить и подчинить кого-то превосходящего интеллектом и физическими характеристиками.

Таким образом, мы видим, что лучшие произведения массовой культуры и современная научная мысль сходятся в том, что ради собственного спасения и благополучного развития человечество должно в первую очередь познать самого себя –

взглянуть в зеркало и увидеть в своем отражении те качества, которые оно обычно относит к образам врагов и оппонентов. И лишь после этого сосредоточиться на предотвращении дальнейшего развития мета-паразитарной конструкции цивилизационного развития, в основе которого лежат самые разрушительные мотиваторы – фобии, страхи и агрессия, отрефлексированные через призму иррациональности. На свежем примере «переживания» катастрофы пандемии вживую и онлайн, очевидно, что развитие сотрудничества, солидарности и осознанности жизненно важно для сохранения лучших сторон человеческого в качестве краеугольного камня культуры и цивилизации. Кинофантастика дает нам пример веры в огромный потенциал человеческого: в фильме Д. Маккензи «Последняя любовь на Земле», эпидемия болезни, от которой у людей одно за другим исчезают чувства, не расчеловечивает, и не отправляет в небытие, а напротив – окрыляет. Когда исчезают все надстройки и соблазны, главные герои, наконец, оказываются способными преодолеть страхи и препятствия, открывшись себе и друг другу, проявить истинную человечность, которой по силам преодолеть любую пандемию и кризис.

Библиографический список:

1. Бирюкова Д. Р. Космическая политика как один из механизмов обеспечения стратегических интересов России / Бирюкова Д. Р., Гахрыманова Н. Г. // Постсоветские исследования. 2018. № 7. С. 679-689.
2. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации [Электронный ресурс] // Горький Медиа. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/logos/2003/1/nasilie-globalizaczii.html> (дата обращения: 06.04.2021).
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
4. Всеобщая индивидуальность. Григорий Дашевский о «Текучей современности» Зигмунта Баумана [Электронный ресурс] // АО «Коммерсантъ». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/849210> (дата обращения: 06.04.2021).
5. Гуров О. Н. «Метапаразит» как феномен современной массовой культуры // Межкультурная коммуникация: Запад–Россия–Восток: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 08-10/11 2017 г. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 41-47.

6. Дуков Е. В. К истории аттракциона // Художественная культура. 2020. №4. С. 640-665.
7. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
8. Такер Ю. Три текста о заражении. Пермь : Гиле пресс, 2020. 132 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
12. Херберт З. «Стихи» [Электронный ресурс] // Горький Медиа. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/8> (дата обращения: 06.04.2021).
13. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // ООН Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 06.04.2021).
14. Bird In Flight. Кошмар под микроскопом: как вирусы стали новой философией [Электронный ресурс] // Birdinflight.com. Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/resursy/20200421-biophilosophy.html> (дата обращения: 06.04.2021).
15. Cambrey J. Jung, science, and his legacy // International Journal of Jungian Studies. 2011. №3. Pp. 110-124.
16. Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation [Электронный ресурс] // WHO. Режим доступа: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 06.04.2021).

Gurov O.N. Humans, Robots And Aliens: Who Is a Parasite in a New Paradigm

Abstract:

The challenges facing the world require a new civilizational paradigm. Due to technological advances, key categories of culture and social life have overcome natural boundaries, and at the same time, new values generated by technological advances are striving to enter their list. The article analyzes the ideas of philosophers, supported by examples from works of science fiction cinema about various scenarios for the development of mankind, taking into account its ambiguous nature through the prism of the concept of meta-parasitism.

Keywords: Meta-parasite, trust, COVID-19, coronavirus, Ridley Scott, David Cronenberg, technogenic civilization

УДК 316.012

Е. Р. Романова

Убеждающая сила фейковых новостей: концепт когнитивных искажений

Аннотация:

Рассматривается феномен фальшивых новостей. Представляется краткий обзор наиболее актуальной зарубежной и отечественной литературы по теме, исторические данные. Поскольку современное цифровое общество вступает в эпоху постправды, в которой фальшивые новости начинают вытеснять реальные, сделана попытка анализа теоретических, этимологических и практических аспектов влияния фейковых новостей на сознание людей. Приведены аргументы, подтверждающие социальную опасность фейковых новостей и необходимость борьбы с ними, в том числе на законодательном уровне.

Ключевые слова: фейковые новости, фальшивка, постправда, новости, обман.

Об авторе: Романова Екатерина Романовна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, магистрант факультета мировой политики кафедры информационного обеспечения государственных интересов; тел. : 8(916) 502-04-99; эл.почта : kkromanova@bk.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Современная глобальная коммуникационная культура переживает период, который наблюдатели называют эпохой «постправды» или «посткоммуникации» [2, с. 206]. Растет число медиакоммуникантов, общающихся преимущественно в письменной форме. Параллельно с процессом увеличения числа медиа-акторов меняется масштаб коммуникации: она становится трансграничной и глобальной [1, с. 28]. При этом журналистские фильтры и принципы отбора и публикации информации перестают работать, поскольку проверка информации и отбор социально значимых фактов не

являются задачами миллионов новых коммуникаторов. Возрастающая интенсивность информационного потока, в свою очередь, оказывает давление на журналистскую среду, в которой преобладают практики конвейерной «переупаковки» материала и ререйтинга в условиях жесткой конкуренции, когда новости успевают устареть и потерять актуальность за короткий промежуток времени [1, с. 30]. Сегодня, когда доверие к традиционной журналистике падает, сатирические и таблоидные материалы часто воспринимаются аудиторией (и обычными читателями, и журналистами) исключительно как *fakenews*, то есть как негативное явление.

Сделаем попытку проанализировать теоретические, этимологические и практические аспекты влияния фейковых новостей на сознание людей. Средства массовой информации уже давно используются как инструмент формирования массового сознания и как способ дезинформации общества. Сами журналисты отмечают, что в XX веке множественность СМИ и их ожесточенная борьба за читателя привели к тому, что в «желтых» СМИ новости зачастую вообще не проверяются на достоверность [16, с. 3]. Стремление любой ценой привлечь внимание и ресурсы аудитории привело к «пожелтению» довольно крупных изданий. Так, во время Великой депрессии 1929 года газета *The New York Times* опубликовала сообщения о брокерах-самоубийцах, которые вызвали панику в обществе [16, с. 6]. И, хотя через несколько дней газета признала, что публикация была основана только на слухах, другие СМИ в течение нескольких месяцев после этого перепечатавали непроверенную алармистскую информацию, цитируя «солидную газету», со все новыми и новыми подробностями. Это усилило панику среди обедневшего и безработного населения Соединенных Штатов Америки.

Пример использования фальсификации в СМИ для военной пропаганды приводит А.Е. Петросян: Во время Первой мировой войны немецкая «*Kolner Zeitung*» опубликовала статью о взятии немецкими войсками французского города Анвер и добавила, что по этому случаю в городе будут звонить колокола местных церквей [6, с. 115]. Патриотическая французская газета «*Le Matin*», ссылаясь на «*Kolner Zeitung*», процитировала эту «новость» и добавила, что немецкие военные заставили священников Анвера звонить в колокола в честь своей победы. Британская «*Times*» переняла эту «новость» из «*Le Matin*» и добавила, что все священники, отказавшиеся звонить в колокола в честь победы Германии, были освобождены от своих должностей. Итальянская «*Corriere della Sera*», цитируя британскую «*Times*», добавила, что все священники из Анвера, отказавшиеся сотрудничать с Германией, были приговорены к принудительным

работам [6, с. 116]. Чуть позже французская газета Le Matin, ссылаясь на Corriere della Sera, поразила читателей информацией о том, что немецкая армия, захватив французский город Анвер, героически отказавшись звонить в колокола в честь победы Германии, подвесила непокорных священников вверх ногами под колоколами.

Фальшивая информация может принимать различные медиа формы – текстовые, фото-, видео- или аудиосообщения, регулярная и «вирусная» реклама в СМИ и в социальных сетях, междометия в мессенджерах Viber, WhatsApp и т.д., использование ботнетов, имитация бурных дискуссий с живыми собеседниками на форумах и в социальных сетях. Бот-фермы и «фабрики сетевых троллей» массово распространяют фальшивые новости. Широко распространены пранки и другие технические формы дезинформации, продвижения личностей, теорий, идей, проектов, партий с целью создания определенного образа (положительного или отрицательного) в общественном сознании.

Современные формы политической дезинформации неизмеримо богаче, но преследуют те же цели. Нейросети способны генерировать текстовый фейковый контент по аналогии с моделями авторских статей проворнее реальных журналистов. За последние несколько лет в мировой политике произошли не только разного рода изменения, но и появились новые понятия, закрепившиеся в политической жизни и общественном сознании [10]. Так, в 2017 году авторы английского словаря Collins Dictionary в качестве слова года отмечают «fake news» или «поддельные новости», которые определяются как ложные, сенсационные данные, часто распространяемые под видом новостных сообщений [12]. Сам термин «fake news» стал широко использоваться для описания сегодняшней сложной новостной и информационной среды [17, с. 138]. Феномен фейковых новостей как инструмента манипулирования возник довольно давно и не является новым. Но с появлением и широким использованием социальных сетей возможность запуска и распространения фейков весьма расширила свои границы [8, с. 93].

Человек склонен искать и использовать именно ту информацию, которая соответствует тому, что он считает истинным. Мы верим информации, которая подтверждает наши убеждения, а не той, которая потенциально может их опровергнуть [15, с. 177]. Таким образом, фейковые новости пользуются нашим искаженным сознанием или искажают его сами, с учетом уже имеющихся убеждений [3, с. 632]. Рассмотрим, основываясь на концепции когнитивных искажений, как проявляется убеждающая сила фейковых новостей.

Это явление привлекает многих исследователей. Поддельные новости и их влияние на людей сегодня изучаются в политологии, философии, лингвистике, социологии и т. д. Однако нельзя сказать, что исследование феномена фейка носит исчерпывающий характер. Убеждающая сила, которую имеют фейковые новости, резко возросшая распространенность этого феномена, динамичная смена форм и приемов, применяемых в продуцировании фейков, обуславливают необходимость изучения значения и роли ложной информации в общественной и политической жизни. Мы опирались в исследовании на три группы литературных источников. К первой группе относятся подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике. Вторая группа развивает концепцию когнитивных искажений, которая, как нам представляется, позволяет весьма адекватно осмысливать, в чем заключается убеждающая сила фейковых новостей. В третьей группе работ содержатся примеры применения фейковых новостей и их влияние на состояние социума.

Отметим, что понятие «фейк» интерпретируется по-разному, в нем акцентируются разные стороны и аспекты. Так, Дэниел Беккер считает, что определение «фейк» в области информации применимо только к обману [11, с. 200]. В других работах подчеркивается, что термин «фальшивые новости» «относится к конкретным сообщениям, опубликованным в СМИ (онлайн или офлайн) или в социальных сетях, которые не имеют фактической основы, но представлены как факты, а не как сатира», и что особенность мистификаций заключается в их стилистике: они создаются как реальные новости, но их содержание полностью или частично ложно [4, с. 96; 7, с. 147].

В общественном дискурсе термин «фальшивые новости» часто используется для обозначения различных явлений. В отсутствие ясности относительно того, что именно представляют собой «фальшивые новости», трудно разработать методы для борьбы с ними. Например, в своей книге «Определение и противодействие фальшивым новостям» Марк Верстрате, Дерек и Джейн Р. Бамбауэр выделяют несколько типов фальшивых новостей: обман, пропаганда, троллинг и сатира [18]. Авторы определяют отличительные характеристики каждого из этих типов, чтобы разработать эффективные способы противодействия их влиянию на общество и политику. Выделяют две цели создания фальшивых новостей: 1) намерен ли автор обмануть читателей и 2) является ли мотив создания фальшивых новостей экономическим (коммерческим) [19].

«Фейк ньюс» больше не означают просто дезинформацию. Как отмечают Восуфи, Рой и Арал, термин «фальшивые новости» стал «необратимо поляризованным», поскольку

политики используют его для обозначения любой информации, опубликованной источниками, которые не поддерживают позицию их партии. Вейсборд называет этот термин «тропом, используемым правыми политиками, комментаторами и активистами для очернения критически настроенных новостных организаций» [20, с. 1868].

По статистике, наиболее выраженным является предубеждение в отношении поступающей информации: люди склонны принимать за истину только то, что доказывает их правоту. Именно здесь вступают в силу когнитивные искажения при принятии решения верить этой информации или нет. Одно из самых известных и крупных в области психологии принятия решений – исследование Д. Канемана и А. Тверски, посвященное изучению эвристики и когнитивных предубеждений. Термин «когнитивная предвзятость» относится к широкому спектру систематических отклонений от рациональности в процессах принятия решений, основная причина которых кроется в дизайне самих когнитивных процессов [3, с. 640]. Т.Д. Гилович, профессор Корнельского университета, считает, что информация, в которую люди не хотят верить, рассматривается более тщательно, чем та, в которую они хотят верить. В первом случае человек выбирает доказательства, которые подтверждают желаемый вывод; во втором случае человек определяет, позволяют ли доказательства сделать вывод [14, с. 313].

Вопрос манипулирования общественным мнением посредством фальшивых новостей изучался с различных точек зрения в работах таких авторов, как А. И. Макурин, М. А. Возмищева, Г. В. Грачев, Е. Л. Доценко, И. К. Мельник, Г. Франке и многие другие. Проблема обсуждается главами мировых информационных агентств на разного рода международных форумах. Острота вопроса борьбы с Fake News – это повод изменить законы стран, чтобы защитить людей от токсичных псевдоновостей, которые могут подрвать благополучие целых регионов [5]. Не секрет, что непосредственной причиной революций и переворотов были не только объективные социальные условия, но и слухи, агрессивная пропаганда, ложь и провокации, которые вызывали панику и радикальные массовые действия.

Целей использования фальшивых новостей много:

- развлечение, отвлечение и привлечение внимания,
- монетизация (например, для увеличения трафика на сайте, для продвижения публикации или продукта),
- дискредитация конкурентов,
- введение целевой аудитории в заблуждение,

- провоцирование определенных форм массового поведения (включая уличные беспорядки),
- внедрение новых моделей поведения и иное изменение социальной реальности путем воздействия на коллективное сознание.

Учитывая масштаб, скорость и силу негативного экономического воздействия фейковых новостей, распространяемых через мессенджеры и социальные сети, несколько американских интернет-компаний (Microsoft, Google, YouTube, Reddit) недавно объявили о совместных усилиях по борьбе с фейками COVID-19 [13]. Признавая влияние социальных медиа на коллективное сознание и поведение, практически все страны сегодня используют социальные медиа для влияния на мнение граждан, одновременно пытаются контролировать отдельные аспекты социальных медиа. Например, стремясь ограничить влияние западных средств пропаганды и уменьшить разрушительное воздействие подделок, Китай использует национальные социальные сети Weibo, WeChat, QQ и другие в качестве средства пропаганды и контрпропаганды.

Социальные сети и мессенджеры оказывают значительное влияние на массовое поведение людей, фальшивые новости представляют реальную и потенциальную угрозу для общества и государства. Люди легко верят в самые невероятные слухи, ложные сообщения и посты. Это вынуждает страны принимать различные законы, связанные с информационной безопасностью населения. В марте 2019 г. Государственная Дума приняла, а Президент России подписал закон о фейковых новостях, который предусматривает штрафы до 100 000 рублей для физических лиц и до 500 000 рублей для юридических лиц за первое правонарушение – публикацию и распространение фейковых новостей [9]. В случае повторного правонарушения, или если последствия публикации фальшивой информации серьезны, приводят к гибели людей или общественным волнениям, наказание может быть более суровым. Общество и государство признали, что настало время противостоять распространению фальшивых новостей с помощью мер на законодательном уровне.

В заключение подчеркнем, что современное медиапространство работает в условиях, когда скорость коммуникационных процессов возрастает. В этом контексте размывание границ между правдой и неправдой становится все более очевидным, что приводит к увеличению частоты появления «фейковых новостей» в СМИ. Часто новости, публикуемые в интернете, даже на авторитетных сайтах СМИ, могут быть ложными.

Интернет называют главной платформой для «фальшивых новостей», и одной из причин этого является высокая скорость распространения контента.

Рядовому гражданину, ставшему жертвой фейковой атаки, становится все труднее определять в потоке СМИ, насколько та или иная новость соответствует действительности; отличить качественную подделку от подлинной информации зачастую способны только опытные профессионалы (в том числе специалисты в области бизнеса и информационной безопасности), иногда использующие специальное программное обеспечение для аудио- и видеоанализа, и технологии нейронных сетей. В этой ситуации неизмеримо возрастает ценность способности к критическому мышлению, владение инструментами аналитической оценки новостного контента, способности к фильтрации и сравнительному анализу новостного пространства.

Библиографический список:

1. Бразевич Д. С. Публичная коммуникация в блогосфере как коммуникативная интернет-технология / Бразевич Д. С., Василенок В. Л., Герасимова А. Ю. // Информационное общество. 2017. С. 28-35.
2. Гатов В. Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016. Екатеринбург: 2016. С. 206-268.
3. Канеман Д. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Канеман Д., Словик П., Тверски А. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
4. Киуру К. В. Фейковый контент в медиа как объект коммуникационных исследований // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Ялта: Ариал, 2019. С. 95-99.
5. Макурин А. И. Некоторые итоги деятельности Б. Обамы / Макурин А. И., Возмищева М. А. [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2016. №11. Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2016/11/17653> (дата обращения: 17.10.2021).
6. Петросян А. Э. В паутине Фамы (природа слухов, их распространение и социальный резонанс) // Вестник ОмГУ. 2008. №3 (49). С. 114-126.
7. Суходолов А. П. «Фейковые новости» как феномен современного медиaprостранства: понятие, виды, назначение, меры противодействия / Суходолов А. П., Бычкова А. М. // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. №2. С. 143-169.
8. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиaprостранстве. // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: материалы

международной научно-практической конференции. Иркутск: Издательство Байкальский государственный университет, 2017. С. 93-112.

9. Федеральный закон от 18.03.2019 N 31-ФЗ "О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: [http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57186.html/](http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57186.html) (дата обращения: 18.03.2022).

10. An AI that writes convincing prose risks mass-producing fake news [Электронный ресурс] // MIT Technology Review. Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/2019/02/14/137426/an-ai-tool-auto-generates-fake-news-bogus-tweets-and-plenty-of-gibberish/> (дата обращения: 25.10.2021).

11. Becker D. Desiring Fakes AI, Avatars, and the Body of Fake Information in Digital Art // Faking, Forging, Counterfeiting. London: Transcript Verlag, 2018. Pp. 199-222.

12. Collins Dictionary. Fake News [Электронный ресурс] // Collinsdictionary.com. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fake-news> (дата обращения: 15.10.2021).

13. Facebook, Microsoft и Twitter помогают разработчикам бороться с коронавирусом [Электронный ресурс] // Вести.ру. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3251430> (дата обращения: 17.10.2021).

14. Gilovich T. Motivated skepticism and motivated credulity: Differential standards of evidence in the evaluation of desired and undesired propositions // 12th Annual Convention of the APS. Florida: MBP. 2000. 312 p.

15. Nickerson R. S. Confirmation bias: A ubiquitous phenomenon in many guises // Review of General Psychology. 1998. №2 (2). Pp. 175-220.

16. Shudson M. Objectivity, professionalism, and truth seeking in journalism / Shudson M., Anderson C. // The handbook of journalism. 2009. №7. Pp. 108-121.

17. Tandoc E. Defining «Fake News» / Tandoc E., Lim Zh., Ling R. // Digital Journalism. 2017. №6 (3). Pp. 137-153.

18. Verstraete M. Identifying and Countering Fake News / Verstraete M., Vambauer D. E., Vambauer J. R. [Электронный ресурс] // Hastings Law Journal. 2017. №73. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3007971> (дата обращения: 15.10.2021).

19. Vosoughi S. The spread of true and false news online / Vosoughi S., Roy D., Aral S. // Science. 2018. №359. Pp. 1146-1151.

20. Waisbord S. Truth is what happens to news. // Journalism Studies, №19 (13). 2018. Pp. 1866-1878.

Romanova E.R. **The persuasive power of fake news: the concept of cognitive distortion**

The phenomenon of fake news is examined. A brief review of the most relevant foreign and domestic literature on the subject and historical data is presented. As the modern digital society enters the era of post-truth, in which fake news begins to replace the real one, the attempt to analyze theoretical, etymological and practical aspects of influence of fake news on people's consciousness is made. Arguments supporting the social danger of fake news and the need to combat it, including at the legislative level, are presented.

Keywords: fake news, fake, post-truth, news, deception.